

СИМОНА
ВИЛАР

Майстрейв

A movie poster for the film 'The Master' (Майстрейв). The poster features a man and a woman in a fantasy setting. The man, Simon, is on the right, wearing a dark, fur-trimmed coat and a plaid kilt, holding a sword. The woman, Vilar, is on the left, wearing a brown and gold dress, with her long blonde hair blowing in the wind. They are standing on a rocky outcrop with pink flowers in the foreground. The background shows a vast landscape with green hills, a blue body of water, and a dramatic sky with dark clouds and patches of blue. The title 'Майстрейв' is written in large, stylized, golden letters at the bottom.

Симона Вилар Майсгрейв

Серия «Майсгрейв»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27100480
С. Вилар. Майсгрейв: Клуб Семейного Досуга;*

Аннотация

«Книга, рукописная, древняя, с пожелтевшими страницами и выцветшими миниатами, все равно была роскошью. Особенно на окраине христианского мира, какой считались затерянные в морях Оркнейские острова. Этим сокровищем владел приходской священник отец Годвин – у него было еще три книги, привезенные сюда, на далекий остров Хой, когда десять лет назад аббат Сент-Эндюсского аббатства отправил Годвина на этот край света проповедовать слово Божье. И добрый Годвин преуспел: живя в глухом мирке, где так сильны предрассудки и вера в колдовство, он все же расположил к себе местных жителей. Они приходили по звуку колокола в его часовню, где он совершал церковные таинства, венчал, крестил их детей, но главным своим достижением тем не менее считал то, что местные рыбаки стали позволять ему обучать грамоте своих детей. Правда, учеников у него было совсем немного. Но именно эта девочка, Мойра, дочь Норы Гордячки, стала его лучшей ученицей...»

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Почти брат	31
Глава 2. Дом	75
Глава 3. Манро и Маккензи	126
Глава 4. Охота на белую лань	167
Глава 5. Стихия	200
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Симона Вилар Майсгрейв

Симона Вилар

* * *

Пролог

Май 1506 года. Остров Хой¹

Книга, рукописная, древняя, с пожелтевшими страницами и выцветшими миниатами, все равно была роскошью. Особенно на окраине христианского мира, какой считались затерянные в морях Оркнейские острова. Этим сокровищем владел приходской священник отец Годвин – у него было еще три книги, привезенные сюда, на далекий остров Хой, когда десять лет назад аббат Сент-Эндюсского аббатства отправил Годвина на этот край света проповедовать слово Божье. И добрый Годвин преуспел: живя в глухом мирке, где так сильны предрассудки и вера в колдовство, он все же расположил к себе местных жителей. Они приходили по звуку колокола в его часовню, где он совершал церковные таинства, венчал, крестил их детей, но главным своим достижением тем не менее считал то, что местные рыбаки стали позволять ему обучать грамоте своих детей. Правда, учеников у него было совсем немного. Но именно эта девочка, Мойра, дочь Норы Гордячки, стала его лучшей ученицей.

Сейчас Мойра сидела за выступом маленькой часовни,

---

¹ Остров Хой – один из островов Оркнейского архипелага. Оркнейские острова расположены в 16 километрах от северной оконечности Шотландии, на границе Северного моря и Атлантического океана. (Здесь и далее примеч. авт.)

подле священника, и на прекрасной латыни читала вслух притчи царя Соломона. Некогда пришедшая к отцу Годвину еще ребенком, она за годы обучения постигла все, что он мог предложить – латынь, арифметику, грамматику, – и ей все давалось легко. Отец Годвин старательно обучал Мойру, уповая, что однажды дочь Норы Гордячки сможет стать монахиней в обители Святого Магнуса на острове Мейнленд². Это был бы лучший удел для столь одаренной девочки из бедной семьи. Но оказалось, что теперь планы переменились: Мойра выросла невероятно красивой, и месяц назад ее заметил прибывший на острова вождь клана горцев – воинственный Гектор Рой МакКензи.

По сути сегодняшняя встреча была их прощанием. Священник сожалел, что его ученица вступает не на заботливо уготованную им стезю благочестивой монахини, а станет блудницей, игрушкой возжелавшего ее шотландца. Годвин, будучи духовником девушки, неоднократно пытался отговорить свою любимицу от столь пагубного шага. Но с такой, как Мойра – своенравной, решительной, упорной, – это было непросто. И если она приняла решение...

Сейчас отцу Годвину на какой-то миг показалось, что у него еще есть шанс повлиять на ученицу. Он видел, как она запнулась и замолчала, прочитав в одной из притчей: «*Dirige semitam pedibus tuis et omnes viae tuae stabiliuntur*»³.

---

² Мейнленд – крупнейший из островов Оркнейского архипелага.

³ Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды (*лат.*).

– Тебя смутила эта фраза, дитя мое? Не правда ли, тут есть над чем поразмыслить?

Священник смотрел на Мойру с мягкой улыбкой, но в глазах его была печаль.

– Бесспорно, мы все стремимся улучшить свою жизнь. Но не слишком ли высока плата за мирские радости, если при этом ты погубишь душу? Ты ведь так чиста и невинна. И ты совсем дитя...

Да, в его глазах Мойра еще дитя. Тот же, кто возжелал ее, видел в ней соблазнительную юную женщину, какой он страстно хотел обладать.

Еще год назад Мойра казалась таким худосочным ребенком с длинными ногами, острыми коленками и вечно спутанной копной светлых пепельных волос. Но этой зимой она резко похорошела, стала женственной: ее фигура округлилась и приобрела плавные изгибы, гребень стал чаще касаться волос, и они серебрились, ниспадая пышными локонами до середины ее спины, а осанка... Мойра всегда имела горделивую статью, какую не согнула каждодневная работа, когда она трудилась по дому, копала торф, доила коз или помогала матери возиться с младшими детьми. Она всегда была прелестной и выделялась среди детей островитян. Немудрено, что неотесанные и грубоватые жители острова Хой считали ее подменьшем – ребенком феи. Фейри, как они называли ее. Но эта фейри была практичной и хотела лучшей доли. Поэтому так быстро и уступила, когда родные

согласились отдать ее этому старому, но очень важному и богатому человеку – Гектору Рою МакКензи.

Девушка повернулась к священнику. Они сидели под стеной часовни, укрывшись от дувшего с моря ветра, и все же седые, коротко стриженные волосы отца Годвина растрепались, а солнечные лучи безжалостно высветили его испещренное морщинами лицо, распухшие от ревматизма суставы, заскорузлую грязь под ногтями, старую обтрепанную сутану.

– А вы довольны тем, как сложилась ваша жизнь, отче? – несколько резко спросила Мойра. – Вы умный, старательный и богобоязненный человек, а живете в бедности, не рассчитывая на лучшую долю.

– Я вверил себя Богу и не ропщу на судьбу, – кротко ответил священник. – Возможно, в молодости мне и мечталось о чем-то. Но главное, что я имею, вот здесь, – он приложил к груди ладонь и добавил: – Благодаря душевному покою я не испытываю терзаний. Жить со спокойной душой – это так много, дитя мое.

В широко распахнутых серо-голубых глазах Мойры читалось сомнение. Но сам взгляд был далеко не простодушным, скорее изучающим и оценивающим.

– Спокойная душа не накормит, когда нечего есть, и не согреет в холодную ночь. Я это знаю, поэтому вы не переубеждаете меня, отче. Да и моя матушка предупреждала, что вы снова попытаетесь отговорить меня от союза с вождем шотландцев. Она даже не хотела отпускать меня попрощаться с

вами. И все же я пришла. Так что не стоит укорять меня в нашу последнюю встречу.

Отец Годвин промолчал. Отсюда, из-за каменной стены часовни, которая находилась за высоким холмом Уорд Хилл, не был виден океан, омывавший остров. Однако его дыхание ощущалось повсюду – влажное, чуть солоноватое, наполненное прохладой. Привычен был и всегда дующий ветер, и гомон чаек. От громады Уорд Хилл, возвышавшейся над ними, к дому Мойры вела тропа, которая сегодня, в столь ясный день, была отчетливо видна. Глядя на тропу, отец Годвин подумал, что скоро девушка уйдет по ней, уйдет навсегда, а он не может найти слов, чтобы отговорить ее.

И все же он решился:

– Послушай, дитя, Нора, твоя мать, – странная женщина. Она однажды прибыла на Хой с маленькой дочерью на руках, осталась тут жить, став женой рыбака Эрика. Однако даже спустя столько лет в ней по-прежнему видят чужачку – надменную, необщительную, с презрением относящуюся к местным жителям. И все же Нора позволила мне обучать тебя, считая, что монашеский удел будет лучшим для ее дочери. Но теперь... После того, как эта гордая женщина просто продала тебя шотландцу МакКензи, я не понимаю ее.

– Не понимаете, потому что ничего не знаете о ней! – неожиданно рассердилась Мойра.

Она резко встала. Личико такое юное... и такое волевое, решительное. При этом ангельски красивое – нежная кожа,

сочные губы, точеный нос, выразительные, осененные темными ресницами глаза. Удивительно красивое личико фейри. Но фейри с соблазнительной гибкой фигуркой и высокой грудью. Неудивительно, что заезжий вождь клана МакКензи, увидев ее, совсем потерял голову и предложил за нее такую цену.

Годвин так и сказал девушке: они ее продали, как улов сельди в базарный день. Только гораздо дороже.

– Пусть это и так, – бурно дыша, ответила Мойра. – Однако матушка считает, что, отдав меня МакКензи, она избавит меня от участи повторить ее судьбу и познать те беды и лишения, какие выпали на ее долю. Нора говорит, что в обмен на свою молодость и красоту я получу мирские блага и высокое положение в землях, где правит Гектор Рой. Он будет оберегать и защищать меня... Даже если я буду просто его шлюхой и наложницей.

– Но ты погубишь свою душу, живя во грехе! – не сдержался священник. – Церковь не приветствует такое сожителство. Ведь освященный перед алтарем брак – это законное установление, а также указанный Небом путь к продлению рода человеческого. В Священном Писании я не встречал ничего, что подтверждало бы превосходство сожителства в безбрачии. Но ты молчишь, дитя. В таком случае я осмелюсь напомнить, что ты только расцвела для плотских отношений, а твой избранник... Да ведь этот Гектор Рой МакКензи просто старик!

Годвин надеялся поколебать решимость девушки, но на ее губах неожиданно появилась странная циничная усмешка, на мгновение сделавшая Мойру удивительно похожей на ее мать Нору.

– Да, он старик. Однако участвовавший в сражениях, завоевавший славу и титул. К тому же МакКензи выглядит куда крепче вас, отец Годвин.

При этом она выразительно покосилась на скрученные ревматизмом руки священника.

Годвин невольно спрятал кисти в широкие рукава сута-ны. Что он мог ответить? О, Гектор Рой и впрямь стал значительной фигурой в Шотландии! Вождь набирающего силу клана МакКензи прибыл на Оркнеи после своего пребывания при дворе Якова IV Стюарта, где получил баронский титул в благодарность за то, что вовремя встал на сторону короля, не поддержав других восставших против монарха вождей горных кланов. И вот, облагодетельствованный, он отправился в свои владения, однако не через земли преданных им вождей, а морем, минуя Оркнейские острова. Весна не самое подходящее время для мореплавания, и в проливе Пентленд-Ферт⁴ корабль МакКензи попал в шторм, так что он был вынужден искать убежище на острове Мейнленд. Местный епископ так хорошо принял вождя, что тот с охо-

---

⁴ Пентленд-Ферт – пролив между островом Великобритании и Оркнейским архипелагом, соединяющий северную часть Северного моря с Атлантическим архипелагом. Славится сильными непредсказуемыми течениями.

той оставался на Оркнеях почти месяц. И когда на мелководье у острова Хой прибило большого кита, Гектор Рой с удовольствием принял участие в гарпунной охоте на это чудовище. Довольный полученной забавой, он решил прогуляться по Хою и неожиданно повстречал Мойру, собиравшую на скалах яйца чаек. Этого оказалось достаточно, чтобы вождь МакКензи потерял от нее голову. Он выяснил у местного епископа, кем является встреченная красавица, потом стал часто навещать ее семью и в итоге предложил ее родным значительную сумму, чтобы увезти девушку с собой.

Когда отец Годвин узнал, на что согласилась любимая ученица, он очень сокрушался. Даже ездил переговорить с епископом и указать на преступность подобного поступка. Но кто стал бы слушать приходского священника, когда епископ во всем старался угодить могущественному вождю сильного шотландского клана! Оркнеи были диким, обособленным миром, где, несмотря на то, что христианство давно пустило корни, бытовало немало старых языческих обычаев. И продажа женщин не считалась здесь чем-то предосудительным, если сама женщина не проявляла непокорство и была не прочь принадлежать купившему ее человеку. А Мойра была не прочь.

– Мне будет очень не хватать тебя, малышка, – негромко произнес отец Годвин, понимая всю бесцельность своих увещаний.

Мойра быстро заморгала и отвернулась. Она лишь изред-

ка открыто проявляла свои чувства. В этом она была вся в свою мать Нору.

– Я тоже буду скучать по вас, отче, – сказала она срывающимся голосом. – Но если вы желаете мне добра... то поймете, что уехать с Гектором Роем на большую землю для меня благо. Моя мать говорит, что, когда женщина находится под защитой сильного и могущественного мужчины, она может чувствовать себя спокойной и счастливой, даже не испытывая к нему любви. Ведь что ждет меня тут? Разве будет лучше, если меня завалит на верещатнике грубый Рольф или я стану женой самовлюбленного вертопраха Бранда? Тогда я проживу жизнь в такой же бедности, как и моя мать с рыбаком Эриком.

– Но ведь Нора ранее хотела, чтобы ты ушла в монастырь...

– А кем я буду в обители? Служанкой-послушницей? Сколько лет, учитывая мою бедность и низкое положение, мне предстоит мыть полы и выносить бадью с нечистотами за монахинями, прежде чем они удосужатся допустить меня к постригу? А вот Гектор Рой сразу богато одарил нас. Видели бы вы, какой невод он подарил моему отчиму Эрику! Из настоящей веревки, а не тот, что был у нас из стеблей вереска и кусков выброшенных морем канатов. А какое покрывало из крашеной шерсти! Настоящий алый цвет! В нашем скио⁵ сразу будто стало светлее, едва его развернули. А какую пе-

---

⁵ Скио – рыбацья хижина на Оркнейских островах.

лерину из шкур морских котиков преподнес мне Гектор Рой! Мягкую, пятнистую, с длинным ворсом. Вы ведь знаете, что такие шкурки простолюдинам не позволено иметь и их носят только юдаллеры или люди епископа. А теперь и я могу! И Нора уверяет, что Гектор Рой подарит мне еще немало таких, что у меня будут и прекрасные одеяния и даже украшения. О, я хочу поехать с ним!

Что мог на это ответить бедный священник с забытого острова? Только одно:

– Мойра, но ведь ты совсем не любишь этого толстого старого шотландца...

Девушка сердито топнула ногой.

– Что такое любить? Мать говорила, что любовь делает женщин глупыми и зависимыми. Они становятся бесправными рабынями тех, кого полюбили. Да она и сама...

Но тут девушка осеклась, словно испугалась сболтнуть лишнее.

Она бережно отложила большую книгу, какую читала, поднялась и, закинув руки за голову, сладко потянулась. Ее стан выгнулся, маленькие округлые груди поднялись, широкие рукава дерюжного платья сползли, обнажая локотки. И столько потаенной чувственности было в этом движении, что отец Годвин смутился и отвел глаза. Пожалуй, он понимал вождя МакКензи, потерявшего голову от фэйри острова Хой.

Священник медленно поднялся и направился к входу в

часовню.

– Отче Годвин! – окликнула его Мойра. – Разве вы не благословите меня напоследок?

Не поворачиваясь, он покачал головой.

– Нет. На подобное я не стану тебя благословлять.

Он скрылся за углом, и на какой-то миг девушке стало страшно. Страшно уехать в неизвестность без напутствия такого доброго и чистого человека, столько сделавшего для нее. Но потом Мойра решительно вздернула подбородок и выпрямилась. Ну и пусть!

Скоро отец Годвин ударит в колокол, призывая на службу своих прихожан. Если они придут. Ибо в такой ясный майский день мало кто думает о грехах. Хочется мечтать о будущем, строить планы или же, довольствуясь тем, что океан ныне тих и спокоен, уйти на промысел сельди. Отчим Мойры Эрик тоже ушел этим утром в море, и девушка гадала, удастся ли ей попрощаться с ним до того, как за ней приедет Гектор Рой. А священник... Что ж, она устроит свою жизнь и без его благословения!

Она развернулась и побежала домой. Ее ноги мелькали в прорехах обтрепанного подола, ветер играл длинными распущенными волосами. И она была фейри! Фейри этого острова, но и женщиной, согласившейся отдать свою юность и красоту в обмен на достойные условия жизни. Она ни о чем не пожалеет!

Подбегая к своему жилищу, Мойра увидела одного из братьев, десятилетнего Магнуса. Мальчишка копал торф в болотистой низине, а когда Мойра приблизилась, поглядел на нее отнюдь не приветливо:

– Эй, шлюха, скоро за тобой приедет твой голоногий горец. Иди подмойся.

Магнус был зол из-за того, что теперь вынужден выполнять работу, какой ранее занималась Мойра. Из-за этого он не смог уйти с отцом и старшими братьями в море. Да и здешние мальчишки постоянно твердили, что его сестра – блудница. Однако самой Мойре и дела не было до обид Магнуса. У нее редко ладились отношения с братьями.

Свою мать девушка увидела, когда подходила к скию – жалкому рыбацкому жилищу на склоне над морем. Скио было построено из плоских камней, каких так много на острове, но без единой деревянной подпоры – деревья здесь не росли. Щели в стенках замазывали илом, который то и дело вымывали дожди и бури, и их приходилось замазывать вновь, отчего жилище при приближении казалось коробом из грязи, покрытым сверху вязанками вереска, придавленного камнями. В скию не было окон, и дым выбивался наружу из-под заменявшей дверь тюленьей кожи, настолько задубевшей от соли и непогоды, что она стала твердой, как доска. Рядом с входом на веревках сушились выпотрошенная рыба и тушки бакланов, в загоне стояли две козы, а в стороне виднелись несколько чахлых кустов смородины. Семья по мест-

ным меркам считалась не самой бедной.

Когда Мойра приблизилась, полог отодвинулся и вышла ее мать, Нора. Это была высокая худая женщина, голова которой была повязана побуревшим от времени платком, а одеяние состояло из мешковины и овчинной безрукавки, какую она носила и зимой, и летом, – жители островов не любили сменять одежду из-за непредсказуемой погоды и вечно дующих с моря ветров. Но ни овчина, ни широкое бесформенное одеяние не скрывали того, что женщина на последнем месяце беременности. Двигалась она тяжело, а за ее подол цеплялся ребенок – маленькая девочка, почти лысая, с взглядом настолько бессмысленным, что не оставалось никаких сомнений насчет ее слабоумия.

Завидев Мойру, Нора только и сказала:

– Что, я оказалась права и этот святоша изводил тебя наставлениями?

Она мрачно смотрела на свою красавицу дочь из-под обтрепанного края платка. Глаза у нее были такие же серо-голубые, как и у Мойры, но сам облик женщины мало указывал на то, как хороша она была когда-то: щеки запавшие, хмурый взгляд, бескровные губы. Только в ее осанке еще чувствовалось некоторое величие, отчего местные жители прозвали ее Нора Гордячка.

Когда Мойра ответила, что отец Годвин даже не благословил ее, Нора лишь усмехнулась.

– Ну и глупец. Да и где ему понять, что для тебя лечь под

этого борава МакКензи будет удачей. Однако ты никогда не должна забывать, какого ты рода. В тебе течет благородная кровь, так что держись с этим шотландцем соответственно.

Женщина направилась к печурке во дворе, при этом довольно грубо оттолкнув цеплявшегося за нее ребенка. Мойра хотела было взять на руки младшую сестру, но мать воспротивилась:

– Не марайся об нее. Лучше иди вымойся и принарядись к приезду шотландца. Когда увидишь, что он тебе прислал, у тебя пропадут всякие сомнения.

– У меня и нет сомнений, матушка. Разве что... Отец Годвин сказал, что моя жизнь с Гектором Роем будет греховной. Он переживает за мою душу.

Уже склонившаяся было над печкой Нора тяжело выпрямилась и, упершись руками в ноющую поясницу, воскликнула:

– Лицемер! Не он ли поучает всех, что тот, кто согрешил, имеет возможность и покаяться. Хотя... Я вот прожила всю свою жизнь, так и не раскаявшись, что некогда отсекла голову твоему отцу. Это даже придает мне силы. И когда Эрик бывает слишком надоедлив, я говорю ему, что мне уже ничего не страшно, и он отстает от меня. Если бы я так же повела себя с твоим отцом, вместо того чтобы млеть от одного его взгляда и позволять ему...

– Довольно, матушка! – протестуя, подняла руку Мойра. Мойра не совсем понимала, что имеет в виду мать, гово-

ря, что рыбак Эрик ей докучает. Обычно отчим был хоть и угрюм, но вполне покладист с Норой. Разве что покрывал ее всякую ночь, когда оставался дома, и она из года в год рожала ему детей. Нора уверяла, что вынуждена повиноваться. Когда она беглянкой прибыла на острова, то была тут никому не нужна и могла бы погибнуть, если бы рыбак Эрик не позвал ее с собой, обещая кров и поддержку. Так она стала его женой из чувства благодарности. За тринадцать проведенных на острове лет Нора родила рыбаку около десяти детей, из которых выжили лишь четверо – трое сыновей, да эта полоумная малышка Улла.

Однако безоговорочной любимицей Норы была именно Мойра. Старшая дочь словно несла для матери отсвет какой-то иной жизни, которой Нора жила до того, как попала на Хой. И когда девочка подросла, женщина только ей поведала о своем прошлом. И повторяла эту историю настолько часто, что Мойре эта история порядком надоела и стала казаться чем-то обыденным.

Сейчас, оставив мать возиться у печки, девушка вошла в свое убогое жилище с тлевшим в очаге торфом. Здесь было полутемно, все было пропитано запахом рыбы и бакланьего сала, от которого першило в горле. Но Мойра привыкла ко всему этому, а вот к чему она не привыкла, так это к такой роскоши, какую увидела перед собой. На служившим ей ложе мешке с сухим папоротником, сейчас лежало длинное, украшенное вышивкой платье и тонкая полотняная рубаха.

Девушка с восторгом глядела на все это и даже не решалась дотронуться. Какое тонкое сукно! Какой сочный синий цвет! А ведь синяя крашенина такая дорогая! А как красиво расходятся складки там, где юбка пришита к лифу. Такой крой Мойра видела только у богатых жен юдаллеров, когда те посещали праздничную службу в соборе Святого Магнуса. Но теперь у нее будет такое же платье!

Но как это все надеть? Как справиться с этой шнуровкой на спине? А на рукавах? Зачем вообще шнуровка на рукавах?

От вида платья привычная хижина вдруг показалась Мойре особенно убогой и закопченной. И она не посмела коснуться наряда, пока тщательно не вымылась, да и потом переминалась с ноги на ногу, пока наконец не решилась облачиться в полотняную рубаху. Даже обхватила себя за плечи, словно обнимая, так приятна была мягкая ткань для привыкшего к грубой мешковине тела. Потом она выгнала из скио пару забредших сюда кур, вымела навоз и сор на земляном полу, чтобы не испачкать подол, и только после этого попробовала облачиться в дивное одеяние.

Тут в скио вошла Нора, держа на руках маленькую Уллу.
– Святые угодники! Сейчас я помогу тебе справиться со шнурками.

Она вынесла и оставила возле дома младшую дочь, а сама с охотой стала наряжать старшую. И было заметно, что Нора знает, как облачаться в подобные одежды. Только из груди

ее порой вырывались горькие вздохи. Когда же она наконец оглядела свою нарядную дочь, ее покрасневшие от постоянного пребывания у чадающего очага глаза расширились, а губы тронула легкая улыбка.

– О, Мойра моя, сейчас ты выглядишь как настоящая леди!

Когда мать и дочь общались наедине, они переходили на английский язык.

Мойра осмелилась спросить:

– Я столько слышала от вас, что ваш род знатен, однако вы никогда не говорили, что это за род. И лишь однажды назвали имя моего родителя – Уолтер.

– И этого достаточно! – отрезала Нора. – Поверь, даже это имя может погубить нас, если ты обмолвишься о том, что я тебе рассказывала. Ибо сколько бы лет ни прошло с тех пор, как я отрубила голову Уолтеру, в тех местах, откуда я бежала, кровная месть свята, как ничто другое. И она может настигнуть тебя, если станет известно, чье ты дитя.

В этот момент из-за полога показался Магнус, который даже открыл рот, глядя, как преобразилась сестра.

– А потрогать можно? – спросил он, протянув испачканные торфом руки к вышивке на подоле платья.

Но мать отвесила ему крепкую оплеуху.

– Убирайся вон! Иди собирать водоросли на побережье, а к Мойре не смей приближаться, если не хочешь, чтобы я лишила тебя вечерней похлебки. Скоро за Мойрой приедет

шотландец, и надо, чтобы он просто обомлел от вида нашей фейри.

– Нашей продажной шлюхи, – дерзко выкрикнул мальчишка, выбегая из скио.

Женщина лишь пожала плечами.

– Не обращай на него внимания, Мойра. Что с него взять... рыбацкое отродье. Магнус попросту завидует тебе. Ну а теперь послушай.

Придерживая свой огромный живот, она села на каменную приступку. Снаружи доносилось хныканье ее маленькой дочери, однако Нора не обращала на него никакого внимания.

– Послушай, что скажу, дитя мое. Скоро ты станешь леди... что бы там ни говорил о грехе этот глупый отец Годвин. Не важно, что ты будешь жить с Гектором Роем невенчанной, главное, чтобы ты могла приручить его и заставить слушать тебя. Но Гектор стар, и однажды ты можешь обратить свой взгляд на кого-то другого. Вот тогда ты и пропадешь! Ибо нет ничего ужаснее, как полюбить и довериться кому-то. Некогда я совершила подобную глупость, и с тех пор моя жизнь превратилась в руины. Так что помни: заставь свое сердце заледенеть, живи разумно и уважай того, кто даст тебе защиту. И еще: чем дольше ты сумеешь не забеременеть, тем дольше будешь оставаться привлекательной и желанной. Будь осторожной, ибо дети – это такое бремя!.. Они с молоком высасывают жизненные соки из матерей. Ты сама видишь,

во что они меня превратили... – И Нора с отвращением поглядела на свой выступающий живот.

Когда мать и дочь вышли из хижины, девушка вновь потянулась к младшей сестренке, но как и ранее Нора резко остановила ее. Мойра слишком нарядна, чтобы оставаться близкио, и лучшее, что она может сделать, это сразу отправиться на берег, куда за ней придет вождь МакКензи.

– Неужели мы вот так и простимся, матушка? – произнесла Мойра, и на глазах ее появились слезы.

В суровом лице Норы что-то дрогнуло. Но она быстро взяла себя в руки.

– Не люблю прощаний. А если мы тебе дороги, то проследи, чтобы Гектор Рой выполнил все свои обещания и не лишил нас своего благодеяния. МакКензи ныне в почете, богатства их растут, и этот горец вряд ли поскупится, если ты будешь угождать ему. Ну а теперь уходи. А то мне еще коз надо доить.

Но Мойра медлила. Почему-то даже радость от столь чудесной обновки уже не веселила ее.

– Может, я все-таки дождусь отчима с братьями?

– Зачем? Они отправились на хааф⁶ и будут отсутствовать, пока держится погода.

Мойре показалось, что мать специально все подстроила так, чтобы отчима не было дома, когда за ней придет Гектор Рой, – рыбаку Эрику, в отличие от Норы, не очень нравилась

---

⁶ Хааф – так называли на северных островах промысел вдали от берега.

вся эта история с продажей его падчерицы. И все же в море он ушел довольный на новой лодке и с новым неводом.

Девушка в последний раз оглянулась на убогое скию, в котором выросла, и отправилась к берегу. Она шла по склону, поросшему чахлой травой, которую местные козы объели до короткого дерна, но, как оказалось, даже по нему в платье со шлейфом передвигаться было неудобно – ранее девушка никогда не носила столь длинных одеяний.

У самой кромки воды она уселась на покрытую мхом каменную плиту, откуда открывался вид на залив между островами. Море накатывало на берег сливочной пеной, каменистый пляж внизу пестрел розовыми губчатыми водорослями, среди которых с гвалтом возились чайки. Со своего места Мойра видела выступавший в залив маленький остров Грэмсей, а далее виднелся Мейнленд с его деревушками и гаванями, в которых можно было рассмотреть множество лодок и судов. Мойра порой бывала там с семьей, когда ездила на ярмарку или церковные праздники, она вообще любила выходить в море. Когда отчим брал ее с собой порыбачить, для девочки это была не только добыча пропитания, но и возможность увидеть мир дальше своего острова. Она и раньше мечтала уехать... Теперь ее мечта сбудется.

Но Гектор Рой!.. Мойра старалась не думать, что он грузный и немолодой, что у него пахнет изо рта, и вообще не вспоминать его запах зверя. А вот улыбка у него хорошая... ну когда он улыбается именно ей. Что до его подчиненных,

то они явно напрягаются, когда он смотрит на них своими блеклыми серыми глазами, суровыми и полными давящей силы. Да, с таким человеком она будет защищена от всего... кроме самого Гектора Роя... Мойра понимала, что отдаст ему свое девичество и будет вынуждена принадлежать ему всякий раз, как только он пожелает. Когда она смущенно сказала об этом матери, та лишь отмахнулась: пожилой и покладистый мужчина не будет сильно утомлять ее, заверила Нора.

Мойра так глубоко задумалась, что не заметила, как солнце скрылось за пеленой тумана, соседние острова исчезли в серой дымке, а от воды потянуло свежестью – начинался прилив. Вождь МакКензи и пообещал, что придет за ней с вечерним приливом. Значит, скоро.

С туманом пришел и мелкий дождь, стал усиливаться ветер, надсадно ухал прибой – прилив был в верхней точке. Мойра стала зябнуть в своем нарядном платье из тонкого сукна. Она мелко дрожала, и, возможно, не только от сырости и холода. Мойра говорила себе, что она ко всему готова, что поступает правильно, но в глубине души была испуганной девочкой, которую страшило грядущее. А когда сквозь окутавшую ее дымку девушка слышала скрип уключин и громкие голоса мужчин, разговаривавших на гэльском, у нее даже возникло паническое желание убежать и спрятаться.

Но это был лишь миг. Она поднялась и, вскинув подбородок, стояла прямая и тонкая на ветру. Только ветер играл ее

длинными светлыми волосами.

Шотландцы были на Оркнеях чужаками – рослые, с длинными волосами, с рукоятями клейморов⁷, выглядывавшими из-за плеча. Но вождя среди них можно было выделить сразу. Гектор Рой, седой, представительный, со шрамами на лице и объемным выступающим вперед животом, он шел первым, и уже выискивал глазами ту, которую ему сторговали на этом острове.

Мойра старалась не смотреть на его лицо. Лучше она станет рассматривать его темно-малиновый клетчатый плед, который обтягивал торс вождя, образуя юбку-килт, или она будет смотреть на его узорчатую брошь из серебра, скрепляющую складки пледа на плече. «Сколько коз можно обменять на такую брошь?» – пришла неожиданная мысль. И Мойра тут же себя одернула: ей больше никогда не придется думать о козах, гадая как они проживут зиму и что будут есть по весне.

Приблизившись вождь поднял руку, и следовавшие за ним клансмены отстали. Гектор Рой остановился прямо перед девушкой. Плечи вождя покрывали меха, отчего он казался еще шире и в тумане выглядел таким огромным зверем. Это сходство с животным еще больше усиливалось от густой гривы падающих на плечи волос, которые имели бледно-рыжий цвет из-за пробивавшейся в них частой седины. Когда-то они, должно быть, были просто огненными, неда-

---

⁷ Клеймор – длинный двуручный меч шотландских горцев.

ром же Гектор МакКензи носил прозвище Рой, что означало «рыжий».

– Ты уже ждешь меня, маленькая фейри? – пророкотал Гектор Рой.

Он сказал это на гэльском языке горной Шотландии, и хотя этот язык сильно отличался от диалекта местных жителей⁸, Мойра его поняла. Она посмотрела прямо ему в лицо.

– Я тут давно и замерзла, – произнесла, капризно надув губы.

Но ей это только шло, и суровый вождь заулыбался.

– Итак, наша сделка состоялась и отныне ты моя?

Он не столько спрашивал, сколько утверждал. При этом шотландец поплевал на свою широкую ладонь и протянул ей руку.

– Ударим же по рукам, Мойра с острова Хой!

Она сделала то, о чем он просил, но, когда попыталась отдернуть руку, Гектор Рой не позволил ей этого сделать. Он громко захохотал и притянул девушку к себе. Миг – и она оказалась в его объятиях, он тискал ее, зарывался лицом в ее волосы, щупал бока и ягодицы. Помимо воли Мойра стала отбиваться. Но Гектор Рой не обращал внимания на ее сопротивление. А потом вдруг резко поднял ее и перекинул через плечо.

---

⁸ Оркнейские острова долгое время находились под властью Норвегии, отчего местный язык, в котором сохранилось немало старонорвежских слов, отличался от языка шотландцев.

– Добыча! Отныне она моя добыча!

Его клансмены разразились хохотом и стали стучать оружием, выражая одобрение. Мойра билась, пытаясь вырваться, лупила его кулачками по широкой спине, пока он нес ее к берегу. Там он поставил ее на ноги и, удерживая за плечи на расстоянии вытянутых рук, стал рассматривать.

– Ах, вот ты какая, маленькая фейри! Ты боишься старого МакКензи и выпускаешь коготки? Но, клянусь спасением души, скоро ты будешь мурлыкать, как котенок, когда я научу тебя ласкам, какие так любят девушки в наших краях. А теперь идем.

Он увлек ее к сходням большого корабля, где уже слышался гвалт наблюдавших за ними матросов. Мойра никогда ранее не бывала на такой большой ладье, ей никогда прежде не доводилось быть окруженной вниманием такого множества незнакомых мужчин. И все они хохотали и шумели, разглядывая ее.

– А она действительно красавица, Гектор, – произнес кто-то. – Теперь понимаю, отчего мы так долго торчали тут, на самом краю света.

Еще кто-то сказал:

– Уверен ли ты, вождь, что она и впрямь не из маленького народца⁹ и не околдовала тебя?

Гектор Рой запрокинул голову и громко расхохотался:

---

⁹ Маленький народец – так в Шотландии называли духов, эльфов и фей, существ мифического мира.

– О да! Видит Бог, я околдован. Околдован настолько, что старая кровь звенит в моих жилах, как у юнца, а мой член так восстал, что поднимает спорран¹⁰.

Новый взрыв смеха показался Мойре оглушающим. Она зло озиралась и уже готова была броситься назад по сходням, но Гектор Рой упредил ее порыв.

– Не гневайся на них, фейри с островов. Мои клансмены – шумные парни, но отныне все они будут служить тебе. Так что ты в безопасности, и с тобой ничего дурного не случится.

Мойра видела, как сильные клансмены стали толкать корабль, а потом начали заскакивать на его борта. Они должны были уйти по высокой воде, поскольку им предстояло преодолеть коварные воды пролива Пентленд-Ферт, а затем вдоль побережья плыть дальше, на юг, в те далекие земли, где ей теперь предстоит жить.

Девушка оглянулась на смутно различимую в тумане громаду острова Хой, его склоны и скалистые берега. И вдруг наверху, на скалах, заметила силуэты островитян. Даже угадала в одном из них своего брата Магнуса. Противный мальчишка, однако сейчас у Мойры возникло желание помахать ему напоследок рукой. Но она этого не сделала. Она поняла, что ее братишка, который привел с собой ватагу парней и ребятишек, прибыл не попрощаться. В одном рослом островитянине Мойра узнала своего местного ухажера, задиристого Бранда. У него, как и у остальных, в руках были камни,

---

¹⁰ Спорран – сумка горцев; ее носили спереди у пояса.

и они стали швырять их в сторону отплывающего корабля. Расстояние было таково, что вряд ли они смогли бы нанести урон, но сами их действия были проявлением неприязни и презрения. Не к шотландцам, нет, а к ней, Мойре, которая предпочла им чужака.

Шотландцы тоже заметили кидавших камни островитян, но не придали им никакого значения. Только Гектор Рой подошел к Мойре, встал рядом. А она, уязвленная тем, как прощались с ней знакомые с острова, повернулась к вождю клана и лукаво посмотрела из-под длинных ресниц. Несмотря на юность и кажущуюся невинность, девушка знала, как действует на мужчин такая уловка, – они замирали, словно у них перехватывало дыхание. Замер и шотландец МакКензи. Тогда Мойра взяла его большую руку и поднесла к губам.

– Отныне я ваша, Гектор Рой. И вы не пожалеете, что наши судьбы пересеклись. Клянусь вам всеми духами этих мест!

Его серые ледяные глаза увлажнились от нахлынувших чувств. Он скинул с себя меховую накидку и укутал ею плечи своей фейри.

Вот, вот, а те с острова пусть видят это!

Они уплывали.

Глава 1. Почти брат

В первый день 1513 года от Рождества Христова все семейство графа Нортумберленда собралось на праздничный обед в великолепном замке Варкворт.

Как и полагается в рождественские дни, стены пиршественного зала богато украсили гирляндами темного остролиста с ярко-алыми ягодами, под аркой входа висела традиционная омега, а по центру, под сводом, красовалась огромная золоченая звезда – она будет мерцать там всю неделю до Крещения. Чудесно! И сам новогодний воздух так дивно пахнет корицей и можжевельником, и лишь слегка дымом от огня в каминах. А тяга в каминах зала Варкворт великолепная – ни следов копоти, ни дымных завитков над головами пирующих.

Сам граф Нортумберленд, Генри Эджернон Перси, восседал во главе высокого пиршественного стола и с удовольствием наблюдал, как целая вереница слуг в ливреях со знаками его дома вносит все новые и новые изысканные блюда, расставляя их перед гостями. Положенную круговую чашу уже выпили с пожелания всяческого добра друг другу в новом году, и теперь домочадцы и гости милорда Перси вкушали яства, приготовленные поварами Варкворта. На длинных блюдах покоились украшенные перьями зажаренные фазаны, начиненные сладкими каштанами, ягненок под имбир-

ным соусом, зарумяненные цыплята, нежная парная оленина в подливке – милорд Перси сам охотился на этого оленя в преддверии новогоднего пира. И никакой рыбы, слава тебе Господи! Рыба всем надоела еще в дни предрождественского поста, и из рыбных блюд на столах было только нежнейшее пюре из трески, какое так любит супруга графа, леди Кэтрин.

Граф глянул на сидевшую рядом супругу, урожденную леди Спенсер. Она всегда не прочь вкусно поесть, но полностью ей идет. А еще леди Кэтрин слывет известной модницей. Правда, сейчас, глядя на огромный пунцово-алый берет, который водрузила на голову графиня, Генри Эджернон слегка насупился. Его супруга пытается ввести на Севере в обиход нидерландскую моду на ношение дамами берета – традиционного мужского головного убора. Но в этих патриархальных краях такое нововведение шокирует и вызывает недоумение. К тому же берет леди Перси просто не идет: будучи крупной дамой, в этом широком головном уборе с множеством завитых перьев она отчего-то напоминает флагманский корабль с раздутыми парусами. Ну, если бы паруса могли шить из такого огненно-алого бархата. Вон молодые племянники графа в дальнем конце стола даже с хохотом распевают: «Парус, парус!». А графиня даже не догадывается, что сорванцы посмеиваются над ней.

Граф бросил суровый взгляд на парней, но те только усмехнулись. Они уже свыклись, что лорд Севера редко улыбается, а его продолговатое породистое лицо даже на весе-

лом пиру лишено какого бы то ни было выражения, словно свежепобеленная стена. Таким же застывшим оно осталось, когда мать графа, престарелая Мод Перси, недовольным тоном заявила, что ее сын поскупился, не велев зажарить для гостей крупного быка, как обычно поступали в семье Перси в прежние годы.

– Ваш батюшка, сын мой, всегда приказывал забивать в первый день нового года самого крупного быка в своих стадах, и все подходили и отрезали себе такую порцию, какую пожелают. А теперь скажут, что Перси пренебрег старыми добрыми обычаями. Или пожадничал, – язвительно добавила старая леди, недовольно поджимая губы.

Ну вот бы и оставалась графиня-мать в их старой резиденции Олнвике, где всегда следовали старым обычаям. Но нет, она пожелала приехать сюда, в более уютный и комфортабельный Варкворт, и теперь ворчит, что тут все не так, как надо.

Вообще граф любил матушку, на которую был так похож внешне, – та же тонкая кость, удлиненное лицо, карие, глубоко посаженные глаза. Но сейчас он лишь с раздражением подумал о том, насколько старшие любят поучать, словно они одни хранят непреложную истину и отвечают за хороший тон. А ведь некогда и сама леди Мод вела себя так, что вызывала пересуды по всему Пограничью: рассказывали, будто в молодости она разъезжала по округе в платье с откровенным декольте и созывала так называемые «суды люб-

ви»¹¹, даря пылкий поцелуй тому, кто на них особо отличился. И ее муж, отец Генри Элджернона, это терпел. Ибо любил и баловал супругу. Но после гибели мужа леди Мод словно подменили – она посуровела и вечно ворчала, ратуя за старину.

Перси вдруг поймал себя на мысли, что он по сути такой же ворчун, как и его матушка, – все критикует, всем недоволен. А вот его отец был шумным и веселым человеком. Старого графа любили в округе, он был истинным правителем Севера Англии. Ведь что значат для северян все эти новые короли Тюдоры? Они где-то за много миль отсюда, где-то на юге. А здесь, в краю войн и набегов, холодных ветров и грубых нравов, всем заправляют и распоряжаются нортумберлендские Перси, и власть их на Севере бесспорна.

Однако прежний король Генрих Тюдор¹² все же смог подставить подножку своевольным Перси: он вынудил владыку Севера собирать новый, непосильный для населения налог, в результате чего вспыхнул бунт, во время которого отчаянный и шумный Генри Перси был просто растерзан толпой.

Самого Генри Элджернона тогда не было в Нортумберлендском графстве. Как и полагалось юному отпрыску дома Перси, он проходил обучение при королевском дворе Тюдор-

---

¹¹ «Суды любви» – собрание придворных во главе с «королевой любви», созывалось для разбора дел любовного свойства и проходило в праздничной и шутиливой атмосфере, но с соблюдением норм феодального права.

¹² Речь идет о прежнем короле – Генрихе VII Тюдоре (1485–1509 гг.).

ров. Ему было всего лишь тринадцать, когда доставили весть о гибели его родителя, а Генри объявили, что отныне он граф Нортумберленд и смотритель англо-шотландской границы. Тринадцать лет – и такой груз! И все же он справлялся. Из года в год он увеличивал свои войска, щедро платил всем, кто вступал под его знамена. К тому же он научился находить компромиссы и договариваться с северными соседями – шотландцами.

Перси сделал знак прислуживающему пажу, чтобы тот подлил вина. И чего это мальчишка спит с открытыми глазами, а не следит за нуждами повелителя? Ах, он засмотрелся, как сыновья графа, уже оставившие долгое застолье, затеяли возню с огромным мастифом у окна, дразнят собаку покрывалом, сорванным с приоконной скамьи.

– Миледи, – обратился граф к супруге, – угомоните ваших сыновей.

Но леди Кэтрин только с улыбкой смотрела на играющих мальчишек. Она никогда их не наказывала, понимая, что уже вскоре сыновья отбудут на службу ко двору короля, и там юных отпрысков Перси уже никто не будет баловать.

Перси заметил, что его старший сын Генри забрался на подоконник и наблюдает за чем-то во дворе. В зале играла музыка, слышались гул голосов, смех, и все же сквозь этот шум граф различил, как извне долетел тягучий звук рога. Один раз. Значит, прибыл кто-то из своих. Два или три сигнала обычно оповещали об опасности. На Севере даже во

время Божьего перемирия рождественских празднеств набеги не диво. Особенно учитывая, что Варкворт не так уж далеко от шотландской границы. И, несмотря на все мирные соглашения с королем Яковом, ситуация ныне не такова, чтобы...

От мыслей графа отвлек звонкий голос сына Генри:
– Это Майсгрейв! Взгляните все сюда! Сэр Дэвид Майсгрейв вернулся!

Присутствующие в зале оживились. Кто-то тоже подошел к окну, другие встали из-за столов и поспешили к выходу. Рыцаря Дэвида Майсгрейва, крестника и воспитанника прежнего графа Нортумберленда, на Севере любили.

Граф остался сидеть на месте, только лицо его еще больше побледнело. Итак, Дэвид Майсгрейв, его посланник ко двору короля, уже вернулся. И вернулся слишком скоро – еще и месяца не миновало, как он отправил Майсгрейва с пышной свитой в Лондон. Перси поручил своему рыцарю важную дипломатическую миссию: Дэвид, умевший найти подход к такому тщеславному юноше, как король Генрих VIII, должен был упредить монарха, что происходит в Шотландии. И добиться дополнительной военной помощи на англо-шотландскую границу.

Справился ли Майсгрейв? Хотя чего гадать... Вон его верный посланец уже здесь. Стоит себе, подбоченившись, под аркой входа в окружении домочадцев и слуг Перси. И даже, следуя традиции, поцеловал под омелой младшую сестру

графа, резвущку Элизабет.

Поцелуй под омелой – старинный неписанный закон. Да и Элизабет явно не против оказаться в объятиях пригожего рыцаря, не спешит убирать руки с его плеч. Это вызвало всеобщий смех. И только граф продолжал методично поедать цыпленка, словно ничего не замечая. Но замечал все. И как улыбающийся Майсгрейв раскланивается с обступившими его дамами и вельможами северного двора, и как скинул на руки лакеев свой подбитый мехами плащ, представ в новомодно придворном костюме и позволив любоваться собой. Хотя, как на взгляд суровых северян, это новая придворная мода чересчур вызывающая. В этих краях никогда не носили столь облегающие одеяния с множеством блестящих шнуров, шевронов и вставок, да еще с таким количеством прорезей, сквозь которые было выпущено пышное нижнее белье, – изысканный придворный стиль в соответствии с веяниями нидерландской моды Габсбургов. Можно было бы и высмеять расфуфыренного щеголя Майсгрейва, если бы это нелепое, по мнению Перси, одеяние так не шло Дэвиду: одежда в обтяжку словно бы подчеркивала его атлетическое сложение, стройные ноги, длинные узкие бедра, мощный торс и широкие плечи. Причем даже огромный нидерландский берет, надетый с небрежной грацией слегка набекрень, смотрелся на нем весьма элегантно.

Дэвид все же прорвался сквозь спешивших позвать ему руки придворных Нортумберленда и щебетавших вокруг дам и

поспешил к своему сеньору Генри Перси.

– Милорд! – Он обнажил голову и склонился, помахав беретом перед собой. – Слава Иисусу Христу, господин мой. И да будет Он милостив к вам и вашим родным и в этот день нового года, и во все последующие времена.

Затем он галантно склонился перед графиней-матерью:

– Госпожа, с веселым Рождеством вас и наступлением Нового года!

Он учтиво поцеловал протянутую ему через столешницу руку старой дамы. Но при этом лукаво взглянул на нее из-под темных бровей своими зелеными кошачьими глазами, и она невольно просияла нежной улыбкой. Этот рыцарь так умел смотреть на дам, что они не могли оставаться равнодушными к его обаянию, будь то леди в возрасте или юная скромница. Леди Мод даже ласково потрепала рыцаря по волосам.

– Они все больше начинают виться, – заметила она. – О, Дэвид, мальчик мой, с возрастом ты все больше становишься похож на своего отца, упокой, Господи, его душу.

Почему-то это упоминание об отце Дэвида заставило графа вспомнить старые слухи, что якобы леди Мод Перси некогда была не на шутку увлечена рыцарем Филиппом Майсгрейвом. Но это всего лишь слухи, а вот то, что его матушка всегда была расположена к самому Дэвиду, Генри Элджернон знал наверняка.

А Дэвид уже отвесил поклон графине Кэтрин. При этом поспешив сообщить местной моднице, что привез для нее и

других дам семейства Перси несколько образцов новомодного головного убора под названием «гейбл», представлявшего собой этакий пятиугольный чепец, какой ввела в моду королева Катерина. Вот только распакует прибывшие сундуки, вот только поднимут в замок многочисленные подарки...

Сообщение о подарках вызвало оживление в зале. А графиня Кэтрин любезно осведомилась у Майсгрейва:

– Друг мой, удалось ли вам побывать у вашей очаровательной сестрицы?

Все знали, что сестра Дэвида Майсгрейва удачно вышла замуж и проживала с семьей в далеком Уэльсе. Дэвид порой навещал ее, но это происходило крайне редко.

Вот и сейчас он ответил со вздохом:

– Увы, миледи, я так спешил на Север, дабы доложить вашему супругу о результатах моей поездки, что не стал делать крюк в сторону Уэльса.

При этом он опять поглядел на графа. И тот заметил в зеленых глазах посланца печаль и сожаление.

Генри Перси подавил вздох. Итак, его надеждам дожидаться понимания и помощи от короля не суждено сбыться. Но все ли сделал Майсгрейв как должно? Был ли он убедителен и красноречив? Крест честной, да и удалось ли ему вообще добиться встречи с Его Величеством?

И все же граф чтит обычаи северного гостеприимства, поэтому, отложив доклад на время, велел оказать честь и предоставить место Дэвиду Майсгрейву.

Прибывшего усадили за одним из столов, стали расспрашивать о новостях с Юга. И прежде всего о самом монархе. Северяне долго были преданы прежней династии Йорков, а вот к новоявленным Тюдорам относились с недоверием... хотя и с любопытством. И теперь нортумберлендцы желали услышать, каков двор молодого короля, как он правит, строит флот, устраивает турниры, а главное, что слышно о предстоящей войне с Францией.

– Точно ли решится молодой Хэл¹³ пощекотать французов за Ла Маншем этом году? – спрашивали у посланца.

Он отвечал утвердительно. Да, Его Величество только и говорит, что о предстоящем походе. Женатый на испанской принцессе Катерине Арагонской, он вместе с ее родственниками вступил в так называемую Священную лигу – папский альянс против Франции – и намерен вскоре отправиться с войсками на континент, где в союзе с Габсбургами будет воевать против Людовика XII Валуа.

Это сообщение вызвало у собравшихся восторг. Стали вспоминать, что некогда Англия почти завоевала Францию, ей подчинялись обширные французские земли и англичане, даже столь далекие от европейской политики северяне Нортумберленда, считали, что было бы неплохо вновь пощипать французского петуха, а уклоняться от подобной миссии – позор и трусость.

Но тут неожиданно подала голос графиня-мать:

---

¹³ Хэл – уменьшительное от имени Генрих.

– Хорошо же Генриху строить завоевательные планы. Ему от старого прижимистого отца досталась полная казна и усмиренная страна, и он не понимает, как легко можно лишиться и того, и другого. Но мы, живущие на Севере, ведаем, что такое война, не понаслышке. Это разорение, убийства и сиротство. В итоге – нищета. Нет, вижу, что мудрые советники молодого Генриха не слишком умны, если не в силах повлиять на него.

Граф с уважением поглядел на мать: хоть одна разумная мысль среди всеобщего безотчетного ликования. Но, с другой стороны, не стоило старой графине столь дерзко высказываться: такие речи ныне равносильны измене. Особенно в доме Перси. Тюдоры не доверяют старой знати, хотя и вынуждены с ними считаться. Впрочем, если Генрих не прислушался к донесению, какое отвез ко двору Майсгрейв, то не больно-то и считаются.

Но вскоре леди Мод, как и других гостей, интересовали только новости о личных делах короля. Родила ли королева Катерина ему наследника? Два года назад она родила Генриху сына, его так и называли – «новогодний принц», и вся страна ликовала. Однако ребенок прожил всего пятьдесят дней и умер к вящей печали родителей. С тех пор у Ее Величества случилось несколько выкидышей, и теперь подданных интересовало, нет ли вестей о том, что Катерина Арагонская снова в положении. Увы, развел руками Майсгрейв, ничто пока не говорит об этом. Что ж, прискорбно. Особен-

но учитывая, что у шотландской королевской четы есть наследник, здоровый, крепкий ребенок, а вот Тюдоры пока не могут этим похвалиться. Надо же, такая прекрасная молодая чета – Генрих и Катерина – а все никак их брак не принесет плоды.

Граф Перси, глядя на окруженного дамами Майсгрейва, решил, что с него хватит этих придворных сплетен, и, незаметно встав из-за стола, вышел. Уже у дверей Генри Эджернон оглянулся. Он видел, как его младшая сестра Элизабет, почти повиснув на руке Майсгрейва, говорила:

– Сэр Дэвид, вы будете танцевать со мной сегодня?

Ну что же, женщины всегда млели от Дэвида. Подумать только, Майсгрейву через пару лет с небольшим исполнится сорок, но для собравшихся он словно все тот же привлекательный юноша, всегда слывший любимчиком северного двора.

Однако Дэвид и выглядит очень недурно для своего возраста, и красота, какой он славился в молодости, все еще при нем: взор светел, кровь играет, движения легки и грациозны. И эти кошачьи зеленые глаза, чуть раскосые и словно чуть оттянутые к вискам. В сочетании с пышными темно-каштановыми волосами, в которых нет и малейшего намека на седину, эти светлые, как виноградины, глаза кажутся особенно яркими. Хорош! О самом Генри Эджерноне такое уже никто не скажет. Будучи почти на год младше Дэвида, он выглядит старше своего возраста – уже и сутулиться начал, и во-

лосы редеют, да и проклятая подагра донимает. Что ж, кому что воздал Всевышний. По сути своей живостью и привлекательностью Майсгрейв мог бы даже раздражать графа, если бы не их старая дружба, привязанность шедшая из самого детства. Ведь Дэвид Майсгрейв был ему почти как брат...

Генри Элджернон любил свой замок Варкворт. По его повелению в толстых стенах Варкворта прорубили высокие окна, и весь прошлый год тут трудилась целая бригада голландских стекольщиков, вставляя в частые оконные переплеты дорогие прозрачные стекла. От этого даже в старых переходах замка стало светлее и не так дуло, как в те времена, когда их просто прикрывали деревянными ставнями.

Но особенно роскошно граф велел обустроить один из внутренних покоев, где был его личный кабинет. И сейчас, устроившись в обитом бархатом кресле, Генри Элджернон с удовольствием оглядывал панели полированного дерева на стенах, над которыми висели яркие гобелены с вышитыми охотничьими сценами. В большом камине с вытяжкой горел жаркий огонь – дымоход недавно починили и тяга была отличная, а от горящих поленьев сладко пахло сосновым лапником. Полы выложили голландской изразцовой плиткой, само же кресло милорда стояло на расстеленной светлой шкуре северного волка. Роскошно. Но сейчас, наслаждаясь своим уютом и покоем, Генри Элджернон вспомнил, что некогда именно здесь в Варкворте располагалась детская.

Тогда вдоль стен стояли ряды кроватей, где почивали сыновья прежнего графа Нортумберленда, а с ними эту комнату делили и отпрыски отданных Перси в обучение детей северных вельмож. Тесновато было, мальчишки порой устраивали потасовки, и среди них одним из заводил всегда был Дэвид Майсгрейв, крестник старого Перси, родителя Генри Элджернона.

Граф помнил, как к ним впервые привели этого паренька. Дэвид тогда осиротел, жил у приемной матери где-то в Йоркшире, так как замок Майсгрейвов Нейуорт пострадал во время набега шотландцев. Но старый Перси решил проявить в судьбе крестника участие и привез его сюда, в Варкворт.

– Генри, – обратился вельможный граф к своему десятилетнему сыну, – познакомься, это юный Майсгрейв. Он мой крестник, а тебе почти брат. Будь с ним великодушен.

Дэвид тогда был худым замкнутым подростком, дичившимся остальных отпрысков Перси. А они поначалу сильно донимали новичка, хотя он старался дать отпор и никогда не смирялся. Но именно это его умение постоять за себя постепенно расположило к нему младшего Перси. Они подружились. Двенадцатилетний Дэвид и десятилетний Генри Элджернон. Сын графа дал приятелю прозвище Кот – из-за его зеленых, хищно раскосых глаз. А тот в свою очередь называл Генри Элджернона Львенок – исходя из того, что на гербе дома Перси был изображен лев. И при этом Дэвид уверял, что однажды его приятель станет настоящим львом Севера.

Но теперь, вспоминая все это, Генри Элджернон подумал, что он чувствовал себя несколько неловко, возле Майсгрейва. И все потому, что не единожды замечал, как внимательно его отец следит за успехами своего крестника.

— Мальчик мой, — обнимая Дэвида за плечи, говорил старый граф, — я уже понял, что однажды из тебя получится такой же великолепный воин, каким был твой отец. А он слыл лучшим во всем Мидл-Марчез¹⁴, если не во всем Пограничном крае!

Своему сыну он обычно ничего подобного не говорил, и Генри втайне злился. И, пожалуй, он даже возликовал в душе, когда узнал, каковы планы родителя относительно юного Майсгрейва.

Перси были не только негласными правителями Севера Англии, но и стражами против набегов шотландцев. Поэтому, чтобы знать все, что происходит у враждебных соседей, исстари использовалась сеть лазутчиков и шпионов в разных областях Шотландского королевства. И вот однажды граф Перси сообщил сыну, что отправляет юного Майсгрейва на обучение в клан МакЛейнов. Генри Элджернон понял: его отец готовит Дэвида стать одним из своих шпионов. Отныне Майсгрейву предстояло жить среди горцев, пока не достигнет совершеннолетия, когда ему следует вернуться и вступить во владения своими землями в Пограничье. За это время он должен выучить обычаи шотландских горцев, их

---

¹⁴ Мидл-Марчез — срединные земли на границе Англии и Шотландии.

язык, войти к ним в доверие. А там... Там он сам выберет – оставаться лазутчиком своего крестного или же вернуться и нести службу на границе.

Племя МакЛейнов, опытных и прославленных воинов, было давним союзником Перси. Впрочем, слово «союзники» тут не совсем уместно: МакЛейны служили тому, кто им больше заплатит. А Перси никогда не скупилась. Поэтому МакЛейны согласились принять в свой клан некоего подростка Дэвида. Их даже не интересовало, кто он и откуда, если за его обучение так щедро заплатили.

А у Генри Элджернона стало легче не душе, когда любимчик отца уехал. И в то же время он грустил в разлуке. Даже когда был отправлен на обучение к королевскому двору. Какая огромная разница его положения с положением Дэвида! Двенадцатилетний Майсгрейв будет жить у полудиких горцев, а десятилетний Генри Элджернон изучать рыцарские науки и этикет при самом монархе!

Встретились они только через три года в Йорке. Причем по самому печальному поводу: во время мятежа там был растерзан восставшими старый граф.

Юный Элджернон был тогда подавлен и напуган. Но с появлением Майсгрейва, ощутил, что ему есть кому доверить свои слезы. Дэвид казался таким повзрослевшим и сильным, так отличался худенького болезненного Генри, которого он утешал. И именно Майсгрейв был среди тех, кто нес на плече гроб в собор, где надлежало упокоиться защитнику северной

границы.

– Ты вернешься к МакЛейнам или останешься при моем дворе? – спросил его Генри после похорон. – Я хотел бы, чтобы ты остался. Но если долг тебе приказывает... Отец ведь не зря готовил тебя для подобного служения нам.

Тогда Дэвид решил вернуться на остров Малл, к МакЛейнам. Он много рассказывал о них, об их странных обычаях и вождях, даже сыграл для Перси на волынке. И у Генри сложилось впечатление, что Дэвиду понравилось жить среди горцев.

А со временем стало известно, что у Майсгрейва в клане МакЛейнов есть жена. Он сообщил об этом во время одного из своих редких приездов. Генри Элджернону это не понравилось. Его вассал не имел права заключать брак, не поставив своего сеньора в известность.

– Ну, ты и выдумал, Львенок, – расхохотался Дэвид. – Ты хочешь, чтобы я оставался своим среди клана, но не породнился с ними? Твой отец меня бы понял. Надеюсь, что и ты сообразишь, что иначе я поступить не мог.

– Но связав себя браком, ты можешь открыться жене! К тому же, Кот, настало время выбирать, где ты будешь нести службу нашему дому. По-прежнему среди твоих дикарей или же вернешься в свой замок Нейуорт.

К его удивлению Дэвид предпочел дикарей. И эту так называемую жену.

– Она любит меня, – сказал он с нежной улыбкой на ли-

це. — Она ждет от меня дитя и мне хорошо с ней на острове Малл. Однако заверяю тебя, как бы ни складывались дела, моя Тилли никогда не дознается, кто я и откуда.

И все же Перси был возмущен. Чтобы благородный английский рыцарь и землевладелец отказался от своего положения ради каких-то своевольных горцев... ради какой-то дикарки с острова Малл? Но он не стал давить на Дэвида. Ведь Кот жил с кланом МакЛейнов по решению его отца, какое тот не отменял.

— Я буду служить тебе и дальше, Львенок, — заверил его Дэвид перед уходом. — Я тебе еще пригожусь в Шотландии. Мои же земли под твоим присмотром, и я спокоен за них. Так что будем помогать друг другу, как и всегда.

Всегда... Генри понимал, что отсутствие Дэвида налагает на него свои обязанности в Пограничье. По обычаю лорд Хранитель Пограничья должен следить за состоянием цитаделей и укреплять их. Навещал он и вотчину Майсгрейва в Мидл-Марчез Нейуорт. Или, как называли замок местные жители, Гнездо Орла. А так как этот замок некогда сильно пострадал, то Генри приходилось тратить на его восстановление и укрепление немало сил. Пока зеленоглазый Кот прохлаждался где-то со своей дикаркой Тилли. К тому же нового графа Перси просто изводили люди из Нейуорта, волнующиеся о судьбе своего хозяина.

В беспокойном Пограничном крае, где люди держатся кланами, лорд и его люди обычно воспринимаются как одна

семья. А тут молодой хозяин лишь несколько раз появлялся в своей вотчине, однако потом снова уезжал. И нейуортцы считали, что это все по воле нового Перси.

– Вот старый граф никогда бы так не поступил с сыном Бурого Орла! – ссылались они на дружбу их бывшего господина сэра Филиппа и графа Перси.

Но это так думали дикие люди пограничья. С ними всегда непросто. Им нужен был строгий господин. Или госпожа, в конце концов. Но вряд ли Дэвид решился бы привезти сюда свою дикарку жену.

И не привез. Вернулся сам, когда его шотландка умерла родами. Видимо, ее кончина сильно потрясла Дэвида. Он нанес лишь краткий визит графу, но тот как раз только женился, был счастлив с супругой, и это словно сыпало соль на кровоточащее от потери сердце Дэвида. В итоге он уехал в Нейуорт. А потом в свое йоркширское поместье, доставшееся ему после смерти приемной матери. Землевладелец обязан следить за всеми своими манорами, но Перси больше устроило бы, чтобы Дэвид оставался на границе, – ему нужен был смотритель владений в Мидл-Марчез. Он рассчитывал на Майсгрейва, а того толком и застать нигде было невозможно. Одно время он даже примкнул к приграничным риверам¹⁵, совершал с ними рейды к соседям шотландцам. Обычное дело на границе. Чтобы получить популярность в этих краях,

---

¹⁵ Риверы – пограничные воины-разбойники, собирающиеся в вооруженные банды и совершающие набеги по одну и другую сторону границы.

надо было совершить несколько удачных набегов, угнать побольше голов крупного скота, похитить владельца замка и получить за него выкуп. И уж Дэвид подобной популярности добился быстро. Он вообще был склонен к рискованным авантюрам, и разбойная жизнь в Пограничье пришлась ему по душе. Но во время одной из встреч с новоявленным ривером Майсгрейвом Перси неожиданно понял, что его Почти брат подобными отчаянными выходками просто желает отвлечься от горя после смерти супруги.

– Мы с моей Тилли прожили девять лет, Львенок, – как-то рассказал Перси подвыпивший Дэвид. – Это были хорошие годы. Детей у нас долго не было, а когда она наконец понесла... она не смогла разродиться, и я ее потерял. И отныне мне все равно, где я сложу голову.

Граф тогда заметил Майсгрейву, что так может рассуждать лишь одичавший среди горцев бродяга. А ведь по происхождению Дэвид не был бродягой. И он должен был дать Нейуорту наследника – будущего защитника края. Вот тогда Генри и решил женить другу руку своей сестры Грейс.

Правда Грейс не была его законнорожденной сестрой. Одно время старый Гарри Перси подгулял в Йорке, завел себе там любовницу, но, когда та умерла, забрал маленькую дочь в замок Олнвик и растил вместе со своими законными детьми. Так что статут Грейс считался достаточно высоким, чтобы Дэвид смог его оценить. Да и не отказывают, когда за вас сватают сестру правителя с хорошим приданным. К тому

же Генри Элджернон великодушно пообещал, что если его Почти брат станет и членом семейства Перси, он похлопочет, чтобы Майсгрейвам вернули баронский титул.

Отец Дэвида и впрямь одно время был титулованным бароном. Но это было при прежней династии Йорков. При Тюдорах же не было принято оставлять в силе сторонников их соперников. И вот же Львенок обещает за него похлопотать...

А сам Перси этим браком рассчитывал и немного успокоить буйного Майсгрейва. Ему был нужен верный человек на границе, а не очередной ривер. И когда пятнадцатилетняя Грейс стала женой Дэвида, первое время казалось, что так и произойдет. Уже через год у четы Майсгрейвов родилась дочь Анна, еще через год – сын Филипп. Но увы, этот малыш вскоре умер...

Смерть ребенка обычно сближает супругов, но на этот раз вышло иначе. Что-то разладилось в их семье, Дэвид опять стал общаться с риверами, и, чтобы не помешать ему окончательно уйти в разбой, Генри Элджернон решил заставить Дэвида заниматься тем, к чему его готовили с отрочества. Выполнять тайные поручения в Шотландии. Ведь Перси всегда считали, что чем больше непорядков в соседнем государстве, тем спокойнее и безопаснее на английской границе.

Дэвид сразу понял, что ему предстоит. И справился отлично. Надо поддержать восставший против Якова Шотландского клан МакДональдов? И Майсгрейв под видом одного из

клансменов стал самым ярким борцом за независимость клана. Пока не поспешил явиться к людям короля, сдав им вождя Мак Дональдов. Позже он узнал о неприятии королем пограничных вольностей Кемпбелов – и как же он воодушевлял этот клан на противостояние с молодым королем!

А потом задание его стало куда более щекотливым: при дворе Якова Стюарта умирала его возлюбленная короля, на которой он уже давно обещал жениться. Значит опять встанет вопрос о браке Якова, который тот уже не сможет откладывать. И Давид по заданию графа Нортумберленда, стал передавать деньги тем лордам, кои могли посоветовать Стюарту подумать о дочери английского короля Генриха VII.

И у них получилось! Тогда же был заключен и мирный договор между островными королевствами – первый за двести лет. Нортумберленд и Майсгрейв были довольны проделанной работой. А когда невеста короля Шотландии прибыла на север Англии, граф даже ввел своего Почти брата в ее свиту. Надо быть на виду у власть имущих, если Майсгрейв хочет однажды вернуть баронский титул, говорил он. Но что Майсгрейв вызовет ревность короля Якова, Перси не ожидал.

А ведь на деле Дэвида надо было даже наградить. Когда королевская свита и сама принцесса остановились на ночевку в замке Далкит, там случился пожар. Охранявший покои Ее Высочества Майсгрейв сразу сообразил, что происходит, растолкал дам принцессы, а саму сонную Маргариту вынес на руках из загоревшихся покоев.

На принцессу это произвело сильное впечатление. Она и до этого происшествия заметно отличала в свите красивого зеленоглазого воина, а тут вообще не отпускала его от себя, называла своим спасителем и верным рыцарем. Однако такое поведение Маргариты не понравилось ее жениху Якову Стюарту, и он потребовал, чтобы Майсгрейв покинул corteж его невесты.

В Пограничье тогда немало подшучивали над этим происшествием, а вот леди Грейс случившееся не понравилось, она тоже сочла это поводом для ревности. Дэвиду приходилось сдерживаться, не отвечая на колкости жены – ведь его леди снова ждала ребенка. Ради этого стоило потерпеть ее властный, обидчивый характер.

У них родилась вторая дочь. Леди Грейс стала спокойнее и была довольна, что ее красивый прославленный муж не уезжает... Увы, именно тогда и случилось несчастье. Жена Дэвида во время верховой прогулки свалилась с коня и повредила спину. После этого она стала калекой, прикованной к креслу.

Дэвид очень жалел жену. Он отказывался от новых поручений ее брата правителя Севера, ссылаясь, что его присутствие необходимо супруге. Но поговаривали, что леди Грейс все больше впадала в меланхолию, стала раздражительной и сварливой. И когда граф Нортумберленд, отправляясь на коронацию Генриха VIII, призвал Дэвида в свою свиту, тот согласился почти с облегчением. Жена же Дэвида просто изо-

шла слезами и криками оттого, что остается неподвижной, в то время как ее муж принимает участие в увеселениях двора.

А Дэвид действительно сумел отличиться на празднествах в Лондоне, обратив на себя внимание молодого короля. Генрих Тюдор, сильный турнирный боец, пару раз преломлял с ним копья на ристалище и остался доволен. И Перси об этом знал. Может, это и было одной из причин, почему он нынче отправил Майсгрейва с особой миссией на юг?

Увы, заключенный одиннадцать лет назад блестящий союз между Англией и Шотландией теперь не оправдывал себя. Ибо все чаще шпионы графа Нортумберленда доносили, что Яков Стюарт привечает при своем дворе французов. А ведь все знали, что отношения между Францией и Шотландией возобновлялся всякий раз, когда англичане угрожали Франции. В таких случаях французы сразу обращались к северному соседу Англии, рассчитывая, что те начнут военные действия и отвратят англичан от выступления на континент. А ведь именно сейчас молодой Генрих Тюдор готовился переправиться с войском через Ла Манш. А французы вооружали северных шотландцев...

Вот Дэвиду и надлежало встретиться с Генрихом убедить монарха, что покидая свое королевство, он может оставить его беззащитным перед шотландцами. Это была непростая миссия, учитывая характер Тюдора. Но ведь некогда король так отличил Дэвида Майсгрейва на турнире! Он не откажет-

ся его принять и...

А может и отказал? Ведь посланец Генри Эджернона вернулся уж слишком быстро.

Раздумывая обо всем этом и оставаясь в неподвижности, Генри Эджернон не заметил, как озяб. Дрова в камине уже прогорели, и граф, выбрав пару поленьев, подбросил их в жерло камина. Через пару минут огонь вновь разгорелся, в покое сразу стало светлее, а вот небо за переплетом окна стало казаться совсем темным. Зимние дни коротки, ночь наступает, едва минует полдень. Но ведь прошло уже столько времени и где, черт возьми, носит Майсгрейва? Этот Почти брат должен понимать, что никакая любезность с милыми родственницами Нортумберленда не освобождает его от обязанности отчитаться перед своим господином.

В дверь поскреблись, из-за створки выглянуло унылое овечье лицо дежурного пажа:

– Принести свечи, милорд?

– Давно уже следовало, ленивец.

Понятное дело, даже этому мальчишке интереснее находиться в зале, где пируют, а не в полутемной графской прихожей. Когда паж вносил шандал со свечами, сквозь приоткрытую дверь донеслись звуки музыки и взрывы хохота из зала. Генри поморщился и уже хотел было отправить пажа за Майсгрейвом, как вдруг заметил самого Кота. Причем не в прихожей, а за аркой уводившей от графских покоев га-

лереи. Майсгрейв словно таился там в нише окна... или же просто хотел побыть в одиночестве. Не будь он в своем великолепном джеркине¹⁶ с прорезями и вышивкой, граф и не узнал бы его во мраке.

– Давно он там стоит? – осведомился Перси у пажа.

– Давно, милорд. Я хотел было доложить, но сэр Дэвид не велел вас беспокоить.

Беспокоить? Да ведь он ждет отчет о поездке!

– Майсгрейв! – окликнул Перси рыцаря. – Я было решил, что ты все еще тешишь дам придворными сплетнями. В то время, как я жду твоего отчета о поездке!

В полутьме Дэвид шагнул по направлению к открытой двери, ведущей в графские покои. При этом быстро провел ладонью по лицу, словно сгоняя сонливость или же... вытирая слезы? Странно. Но именно следы от слез увидел Перси, когда ровный свет от свечей упал на красивое лицо его Почти брата.

– Что случилось, Кот?

Майсгрейв лишь улыбнулся своей обычной, немного лукавой улыбкой. И вмиг его суровое лицо изменилось – в уголках глаз появились лучистые морщинки, придавая глазам веселое выражение, блеснули белые ровные зубы.

Граф жестом предложил ему сесть. Они подождали, как паж разливает по бокалам вино, пододвигает ближе к огню

---

¹⁶ Джеркин – короткое верхнее одеяние, как правило, без рукавов; пышные рукава крепились к джеркину при помощи шнуров.

низенький столик на изогнутых резных ножках – предмет изящной работы фламандских мастеров, какой и во дворце Тюдоров смотрелся бы соответственно. Но едва юноша удалился, Перси снова спросил:

– Так что же случилось, Кот?

Дэвид сделал глоток из кубка и вздохнул.

– Просто немного подустал. Спешный путь на юг, потом шумный, суетливый двор, потом труды, чтобы получить аудиенцию.

– Так ты добился встречи?

– Да, мне удалось переговорить с Его Величеством, он выслушал меня, однако не воспринял сообщение всерьез. Оказывается, Генрих и без моих донесений был в курсе, что в Эдинбурге сейчас множество французских гостей, но он не видит в этом ничего дурного. Их присутствие король связывает с тем, что его зять Яков IV, как ни один шотландский монарх до него, стремится сделать свой двор привлекательным для подданных. И этот приезд иностранцев – просто дань придворным увеселениям.

Дэвид уточнил, что убежденность короля в прочности мира с Шотландией зиждется на том, что как раз перед этим Рождеством он получил послание от своей сестры, королевы Шотландской, в котором она уверяет, что ее супруг как никогда расположен к своему английскому родственнику Тюдору и желает мира между двумя королевствами Британии.

– Безмозглая курица эта Маргарита! – сжал кулак Перси. –

Я никогда не был высокого мнения о ее уме, но теперь, когда она пытается скрыть от брата подготовку к войне... Да это же просто предательство своей родины!

Дэвид отвел взгляд. Вельможный Перси промолчал не должен был так отзываться о монаршей особе в его присутствии. Высшая знать – сословие, представители которого не имеют права порочить равных себе при подданных, дабы самим не унизиться в их глазах. И то, что обычно сдержанный и блюдуший традиции Перси позволил грубость в отношении королевы, указывало, что он просто вне себя.

Но Перси уже взял себя в руки. Его тонкие губы сложились в жесткую складку.

– Выходит, что в случае нападения с севера мы должны будем рассчитывать только на себя. И, видит Бог, я не поручусь, что у меня хватит сил противостоять...

– Позвольте сказать, милорд, – подался вперед Дэвид. В его зеленых глазах таилось сожаление. – Милорд, мой Лев Перси, вы не сможете на этот раз оберегать границу. Ибо я привез приказ от Его Величества: Генрих VIII, повелевает вам собрать отряды и по его зову спешным маршем отбыть на юг Англии, дабы примкнуть к его завоевательной кампании во Франции. И уж поверьте, я был весьма красноречив, стараясь доказать, что Перси необходим на границе. Но мое красноречие разбилось об упорство короля.

Граф судорожно стянул меховой ворот у горла. Казалось, он озяб, однако на его лбу под коротко подрезанной челкой

выступила испарина.

– Кот, ты понимаешь, что это означает? – глухо произнес он. – Граница останется беззащитной!

– Не совсем так, милорд.

Дэвид встал и подал графу бокал с вином. Тот машинально пригубил. Смотрел снизу вверх на Майсгрейва.

– Милорд, я должен сообщить вам, что отныне Хранителем Границы назначен другой человек. Это барон западных марок сэр Томас Дакр. Вас же, как я уже сообщил, государь призывает к участию в кампании. С ним во Францию отправляются все пэры Англии – Стаффорд, Куртэне, Гастингс – и вы в том числе, милорд. Это приказ.

Перси вновь отхлебнул из бокала, потом опорожнил почти весь – словно его мучила жажда. При этом рука графа чуть дрожала. Лорд Дакр был соперником Перси за влияние в Северной Англии. Ранее Дакру было поручено отвечать за положение на границе только на ее западных рубежах, теперь же... теперь под рукой Дакра окажется весь Север! Похоже так король хотел умалить власть северных Перси в этом регионе.

Дэвид, как старый друг, даже положил руку на плечо графа.

– Львенок, не думай, что я не решился высказаться королю, что Дакр не так знает Пограничье как ты. Но, похоже, Генрих более благоволит к Дакру, который чаще бывает при дворе и имеет там сторонников и покровителей.

Надолго воцарилась тишина. Свечи оплывали мягким воском, отсветы пламени ложились перламутровыми бликами на отделанные деревянными панелями стены, выше проступали вышитые на гобеленах фигуры загоняющих лань охотников. Граф Нортумберленд содержал свой дом с блеском истинного правителя, слухи об этом вполне могли дойти до двора, а Генриху не нужен сильный вельможа там, где королевская власть не имеет достаточного влияния.

– Кот, ты поэтому не шел ко мне и плакал в нише окна? – со вздохом произнес Перси. – Не хотел меня огорчать? Ты ведь мне... Почти брат. О, спасибо тебе за эти слезы! Так я глубже буду чувствовать, как я важен для Пограничья. Ты и все остальные теперь остаетесь без главы в тяжкую годину...

Майсгрейв отвел взгляд.

– Да, Львенок, мне горько, что я не оправдал возложенного доверия. Но... Буду честен. У меня самого горе.

По сути, графу не было дел до горестей Дэвида. Но когда тебе плохо, лучшее лекарство – это отвлечься на беды других. Это как-то мобилизует. К тому же Дэвид ему не чужой. Лорд может интересоваться делами своего подданного. Почти брата.

– Ну да, конечно, у каждого свои проблемы. Однако можешь поведать, что тебя гнетет.

На деле Генри Элджернон сперва слушал невнимательно, слишком пораженный тем, что его лишили поста Хранителя Пограничья. Ехать с королем на войну? Это выглядит даже

как честь. А на деле может так Генрих хочет иметь рядом того, кому не очень доверяет?

Но что там говорит Дэвид? Перси даже нахмурился, услышав, что Кот, возвращаясь на Север, сделал остановку в своем йоркширском имении Тонвиль. Там после смерти приемной матери Дэвида всем заправляла расторопная экономка, некая Нелл Бирни. И Перси был в курсе, что это любовница Майсгрейва. В то время, как бедная, покалеченная Грейс Перси...

Но граф не стал укорять зятя. Почти брата. Он знал, что эта Нелл родила Майсгрейву сына, которого тот порой навещал. Мальчику в это Рождество должно было исполниться семь лет, вот Дэвид и рассчитывал побывать в Тонвильском замке, чтобы поздравить своего бастарда. Ну и отметить Рождество, раз уж светлый праздник застал его в пути. Однако оказалось, что в Тонвиле случилась трагедия: за несколько дней до Рождества в замок прибыл бродячий торговец, крупный рыжий мужчина, принесший целый короб товаров. Его приняли, и Нелл даже усадила гостя за стол, довольная тем, как ловко удалось сторговаться с ним о цене. Сразу после ужина торговец заявил, что хочет посетить еще несколько соседних ферм, и отбыл, благо, что была светлая лунная ночь и лишь слегка подмораживало.

Но об этом все вспомнили позже – той ночью обитателям Тонвильского замка было не до рассуждений о странном торговце. Ибо к полуночи всем, кто вкушал трапезу за ужином,

стало плохо. Несколько человек даже скончались, причем у всех были признаки отравления. Умерла и Нелл, и ее сын Томас. Приехавший к Рождеству Майсгрейв попал как раз на их похороны.

– И ты после этого еще так весело развлекал моих гостей в зале! – поразился граф.

– Кому какое дело до моих терзаний? – склонил голову Дэвид.

Поставив ногу в широконосом модном башмаке на ступеньку камина и упершись одной рукой в колено, он стоял у огня и смотрел на языки пламени. Красивый, молодо выглядевший мужчина с ниспадавшими на плечи темными волосами и четким профилем, освещенным огнем. Женщины всегда млели от него, он же не отказывал себе в удовольствии отвечать на их внимание. Особенно с тех пор, как его супруга леди Грейс стала калекой и больше не могла выполнять супружеский долг.

Перси спросил после некоторого раздумья:

– Видит Бог, что дело тут нечисто. И хотя я не могу одобрять твои измены моей сестре, обещаю, что отправлю коронера¹⁷, дабы он занялся расследованием.

– Я сам займусь этим! – достаточно резко произнес Майсгрейв. – Я любил этого ребенка, я был привязан к Нелл... Это только мое дело.

---

¹⁷ Коронер – должностное лицо, расследующее преступление, когда есть подозрение в насильственной смерти.

– И все же тебе придется доверить все коронеру! – с нажимом произнес Перси.

Дэвид сразу уловил эту интонацию. Когда Перси так разговаривал с ним, это уже был не львенок, с которым они росли, – это был правитель и сюзерен. Это был лев.

– У вас есть новое поручение для меня, милорд?

Перси медленно кивнул.

– Да. И оно не такое парадное и почетное, как поездка ко двору короля. Теперь тебе снова придется облачиться в плед горца и надолго забыть о бритье. Ты согласен?

Обычно Перси не спрашивают, а приказывают. Но Дэвида граф все же спросил. А тот не спешил с ответом. Стоял, сложив руки на груди и смотрел на правителя Севера. И Перси пришлось напомнить себе, что перед ним не просто лазутчик, которому он намеревается дать поручение, а рыцарь, из которого вырастили шпиона. Но который все же имеет право выбора. И ему нужно было убедить Дэвида, а не приказывать ему.

– Ты хорошо знаешь жителей шотландского Хайленда¹⁸, Кот. Знаешь их язык и обычаи. И что ты скажешь, узнав, что Яков Стюарт собирается вооружить их для своего похода?

Дэвид задумчиво потер подбородок.

– Скажу, что это сомнительно. Горцы вольнолюбивы и дерзки. Они недисциплинированы, и для них существует

---

¹⁸ Хайленд – высокогорные районы на севере Шотландии, земли, где обитали горцы, потомки кельтов.

один закон – приказы их вождей. А вожди испокон веков враждовали друг с другом. Нам ли не знать об их постоянной грызне за земли, скот, замки, о вечных спорах, чей род более древний или славный.

– Однако все знают, как быстро горцы забывают взаимные претензии, когда им это выгодно, – заметил Перси.

Он стал объяснять.

Несколько лет назад Яков поставил над полудикими племенами шотландского Нагорья некоего Александра Гордона, графа Хантли. И Дэвиду самому известно, что Хантли сумел заставить уважать себя непримиримых горцев. Ныне же его люди разъезжают по Горной Шотландии и договариваются с клановыми вождями. И довод у них всегда один и тот же – деньги. Шотландские кланы в большинстве своем бедны, клансмены не занимаются хозяйством, а все больше промышляют разбойными набегами друг на друга и на своих южных соседей – жителей Низинной Шотландии, которых они называют сассенах, то есть саксы. Такая традиция сложилась много веков назад, когда из Англии уходили в соседнее Северное королевство теснимые норманнами саксонские таны. Там они поступали на службу к шотландским правителям, за что получали земли в плодородной низинной Шотландии. Обосновавшись, они, в свою очередь, потеснили исконное шотландское население на север, в горы. И сколько бы столетий ни прошло с тех пор, горцы знали – они истинные шотландцы, а все, кто живет на низинных землях, всего

лишь чужаки, сассенах, на которых не грех пойти в набег. В этом, по их мнению, есть своя закономерность и справедливость.

Конечно, жители Хайленда и шотландцы Низины за прошедшие века научились уживаться. Но сражаться в одном войске рядом с сассенах, да еще где-то в чужих краях, – такого никогда не бывало. И все же король Яков сделал то, что ранее казалось невероятным, – призвал под свои знамена все кланы горцев!

Дэвид так и сказал: «Невероятно!».

Перси пояснил:

– Французское золото, Дэвид, французское золото в кои-то веки заставило всех катеранов¹⁹ объединиться с сассенах! Вести я получил не так давно, причем проверенные вести. И теперь я не знаю, как поступить: снова ли отправить тебя ко двору Генриха Тюдора, дабы ты поведал об этом Его Величеству, либо... попытаться справиться самому.

– Надо действовать самим, – произнес Дэвид, вспомнив, с какой насмешкой выслушивали при дворе его сообщения о возможном нападении шотландцев.

Он машинально отпил из бокала и задумался. Да, он действительно знал горцев и понимал, что их вожди не смогут не соблазниться золотом. Каждый вождь мечтает однажды стать таким же вельможей, как лорды Южной Шотландии,

---

¹⁹ Катераны – горные разбойники. Банды вооруженных горцев, которые с детства учились владеть оружием и жили разбоем.

да и сама идея пограбить англичан для нищих клансменов будет привлекательной. Горцы уверены, что англичане едят на серебре и спят на бархате, и рассказывают об их несметных богатствах забавные истории... Но если алчущие славы и богатства дикари придут на эту землю... Забавно не будет никому.

– Вы что-то задумали, милорд? – спросил Майсгрейв, видя, как внимательно следит за ним Перси.

Граф слегка улыбнулся. Итак Майсгрейв согласен. Он хорошо знал своего Почти брата.

– Я задумал рассорить племена горцев. Если они учинят между собой резню, дражайшему Стюарту придется не то, что идти на юг, а понадобится поспешить на север. Не говоря уже о том, что он будет вынужден распрощаться с надеждой объединить катеранов под своей рукой.

Дэвид выпрямился. Учитывая постоянные войны между кланами горцев, эта идея сможет и сработать.

– С чего вы думаете начать разлад между ними?

Генри Элджернон встал и, прихрамывая (проклятая подагра!), прошелся по комнате.

– Ты знаешь о клане МакКензи?

Дэвид лишь негромко произнес что-то по-гэльски. Граф не раз замечал, что его рыцарю нравится язык горцев, и то, как он произносит фразы на нем – с легким придыханием, негромко, словно нашептывает признание на ушко любимой, – обычно раздражало Перси. Но сейчас он выказал

явную заинтересованность:

– И что это значит?

– Я произнес девиз МакКензи: «Сияю, а не горю». Не считайте их дикарями, милорд. У кланов свои традиции, легенды и девизы – как и у многих наших английских родовитых семейств.

Граф пропустил последние слова мимо ушей – то, что его Кот симпатизирует горцам, Перси давно не удивляло. Зато он понял, что Дэвид не в курсе последних новостей о нужном ему клане, и стал рассказывать.

– МакКензи исстари имели земли в горном районе Кинтайл, но в последнее время их владения расширились, а сила возросла. Они имеют дарения от короля, еще земли, какие захватили силой оружия, а также благодаря удачным брачным союзам. Поэтому ныне МакКензи на особом счету у короля. Однако тут есть некая заминка. Дело в том, что у клана сейчас два вождя. Один – старый и популярный Гектор Рой, второй – его молодой племянник Джон из Киллина.

– Про Гектора Роя я слышал, – заметил Дэвид. – Он очень почитаем в Горной Шотландии. Разве кто-то сможет оспаривать его права?

Перси протянул руки к огню. На его лице появилась скудная блеклая улыбка.

– Оспаривает. Его племянник Джон. Именно этого Джона взяли поддержать в Эдинбурге. Сядь, я поведаю о тех, к кому рассчитываю отправить тебя.

Дэвид понемногу попивал вино и слушал. О том, что Гектор Рой был братом прежнего, всеми признанного вождя клана Александра МакКензи, а второй претендент, Джон из Киллина, был его сыном. Правда матерью Джона была женщина, которая не была сожительницей вождя, а не его законной супругой. И когда Джон попытался предъявить свои права на главенство к лане МакКензи, Гектор Рой лишь рассмеялся ему в лицо. И все же у Джона нашлись сторонники среди клансменов. Более того, Джон добился, чтобы его приняли и поддержали при дворе.

– И вы хотите рассорить племянника и дядю? – спросил Дэвид со скучающим видом.

– Не совсем. Они сейчас вынуждены мириться и как-то существовать в клане, но Джон готов на все, чтобы унижить и лишит влияния дядюшку Роя. И он может стать нашим союзником.

– Нас? Англичан?

– Ну кто мы... Вернее кто ты, Джону не обязательно знать. Но ты можешь представиться торговцем и гостем клана Манро. Оба клана лишь недавно удалось примирить усилиями графа Хантли, но есть замечательный способ вновь вбить клин между ними. И тогда Гектору придется воевать не со Стюартами, а объявить войну Манро.

– Что-то я совсем запутался.

– А ты послушай.

Перси встал и, выдвинув один из ящиков резного бю-

ро, вынул оттуда кожаный рулон, который раскатал на столе, – это была карта с обозначениями земель, принадлежащих кланам горцев.

– Посмотри сюда, Кот. Видишь, владения Манро и МакКензи находятся как раз посередине Горной Шотландии. Если сравнить их, то расположенные севернее кланы вообще окажутся отрезаны от юга Шотландии и вряд ли пожелают пробираться через землю, охваченную войной двух крупных кланов. Ну а южные соседи МакКензи и Манро не откажутся поучаствовать в этой войне, а заодно пограбить оба клана.

– Понятно. Война под боком отвлечет горячие головы клансменов от марша куда-то на юг. Но что за повод, чтобы их рассорить, о котором было упомянуто?

– О, тут начинается самое интересное. Видишь ли, Кот, ныне вождем клана Манро стал совсем мальчишка, тоже Гектор... или, как он себя называет на гэльский лад, Эхин Манро. И этот Эхин Манро все время нарывается на противостояние с Гектором Роем из-за женщины. Ее зовут Мойра.

– О все из-за женщины? – усмехнулся Дэвид. – Эта история стара как мир.

– И я решил ею воспользоваться. Люди говорят, что эта Мойра по сути повелительница старого Гектора Роя МакКензи. Никто не знает, откуда она взялась и как попала к Гектору, но он полностью у нее в подчинении. Говорят, она удивительно красива. А еще ее влияние объясняют колдовством, поскольку многие считают, что она не человек, а фея.

Ибо чем, как не чарами, объяснить такое воздействие на старого вождя? Но слухи о чародействе Мойры не пугают мальчишку Манро. Он даже намекал Гектору, чтобы тот уступил ему свою красавицу за целое стадо лохматых горных козлов, однако старый вождь только разгневался и выгнал парня. А вот Джон из Киллина, дабы унизить дядюшку Роя, не прочь посядействовать юнцу в похищении красотки. Но все это лишь слова. Джон лишь недавно упрочил свое положение в клане и опасается его потерять. И тогда я подумал о тебе, Кот.

– Обо мне?

Дэвид откинулся на спинку стула и, заложив руки за голову, уставился на графа.

– Львенок, – произнес он через минуту-другую, – как я понимаю, ты считаешь, что именно я должен похитить Мойру у Гектора Роя и передать ее влюбленному юноше Манро, тем самым вбив клин между двумя кланами.

– Все верно, Дэвид. Скажу больше, я уже вышел на Джона из Киллина и пообещал помочь в этом деле. Конечно, Джону неизвестно, кто предлагает ему помощь, но он очень вдохновлен этим предложением и готов всячески содействовать. И если у нас получится...

Глаза Перси вспыхнули и даже на его бледном лице выступил легкий румянец:

– Если мы посеем бурю в Нагорье, я буду куда спокойнее за наши границы, отбывая по приказу короля на континент.

Я буду знать, что у Якова свои проблемы, а с остальным... Что ж, уповаю, что новый Хранитель границы Дакр справится со своей задачей.

Теперь Дэвид смотрел на лорда едва ли не с восхищением. Он знал, что Генри Эджернон не был таким прекрасным воином, как его отец, но он был достойным стражем границы. Его знание происходящего за много миль от Англии и умение вести свою интригу даже на расстоянии заслуживали уважения. Конечно, эти его действия далеко не всегда соответствовали тому, что принято называть рыцарской честью, – то есть это не был прямой и храбрый удар, заставляющий восхищаться отвагой и удалью храбреца, но выгода от предложенного плана была существенная. Вот только вся эта интрига с похищением какой-то желанной для вождей двух кланов девицы выглядела несколько... несколько надуманной. И наверняка ее выполнение было куда сложнее, чем это представляется Перси сейчас, когда он сидит у камина в своем роскошном покое.

Поднявшись, Дэвид прошелся по кабинету милорда, машинально провел рукой по резьбе панелей на стене.

– Львенок, ведь когда-то именно эта комната была нашей детской? И именно тут капеллан отец Евстафий читал нам историю Трои, из которой мы узнали о похищении прекрасной Елены и развязавшейся из-за этого войны. Но та история – всего лишь легенда. Неужели ты думаешь, что ныне возможно что-то подобное? Подумай, некая странная и власт-

ная красавица, трое мужчин, один из которых хочет от нее избавиться, второй – сохранить, а третий – заполучить. Запутанный клубок. И все это происходит в землях, где обитают горцы, которые вовсе не так глупы и простодушны, как ты себе представляешь. Поэтому хочу сказать, милорд, что вы хоть и хитры, как сотня аспидов, но это дело кажется мне невыполнимым. Все основано только на предположениях. А человек, как говорится, лишь предполагает. Но располагает всем Господь.

– Аминь, – перекрестился Перси, и Дэвид последовал его примеру.

– И все же, Кот, – не сдавался граф, – ты сам неоднократно рассказывал, как часто у горцев принято похищать их женщин.

– Но не женщин вождей!

Перси развел руками.

– Разве знатную леди похитить сложнее, чем любовницу горца? А ведь даже твою дочь Анну увезли люди шотландца Армстронга, и, несмотря на все наши усилия, мы не смогли вернуть девочку... О, прости, прости!.. – поднял руку граф, увидев, как вздрогнул и побледнел Майсгрейв.

Старшая дочь Дэвида, двенадцатилетняя Анна, действительно была похищена пару лет назад людьми из клана шотландских Армстронгов. И ни старания Дэвида вернуть свое дитя, ни даже вмешательство Перси не изменили ситуацию. Более того, глава могущественного и дерзкого клана Арм-

стронгов, оставив у себя Анну Майсгрейв, заявил, что желает, чтобы девочка росла в его замке Ленгхольм, а со временем стала женой его наследника. И хотя браки между семействами, живущими по разные стороны границы, осуждались правителями обоих государств, тогда граф Перси решил, что это лучший выход из положения. Дэвиду же пришлось смириться, и это изрядно подпортило его отношения с женой, не принявшей разлуку с дочерью. Но Перси до этого не было дела. Будто бы он не знал, что отношения Майсгрейва с его сестрой и до того были далеко не безоблачными! И все же сейчас Генри Эджернон допустил оплошность, упомянув об этой истории. Дэвид сразу помрачнел и стал собираться.

Перси все же решил задержать его, когда тот был уже у дверей.

– Так ты возьмешься ли за мое поручение? Кот, только ты сможешь устроить эту неожиданную войну за спиной у Якова Стюарта. Пойми, я мог бы и приказать... Но ты мне друг и родственник. Почти брат.

– Я подумаю, милорд. Однако сейчас мой ответ скорее нет, чем да.

– Еще одно слово, Кот. Говорят, в твоих владениях видели Бастарда Герона. Он преступник и враг короны. Его надо схватить, и я очень рассчитываю на тебя. Учти, поимка бастарда – дело моей чести. Дело чести всех рыцарей Пограничья!

Дэвид уже взялся за дверное кольцо, но рука его замерла.

– Львенок... Лев мой, вспомни, что в детстве Джонни Герон был нашим приятелем. Он тоже жил с нами в этой детской, будучи одним из воспитанников твоего отца. Мы вместе ели и спали, играли и участвовали в проделках, мы вместе выросли. Неужели ты хочешь, чтобы его схватили и в цепях отправили на казнь в Эдинбург?

Лицо графа словно окаменело. Голос стал холодным и колким:

– Бастард Герон убил знатного вельможу Роберта Керра, Хранителя Шотландского Пограничья. Сподвижника самого Якова Стюарта! Из-за этого едва не случилась ссора между Тюдором и Яковом Шотландским. Дело еле удалось замять, но наш король пообещал, что Бастарда схватят и в цепях доставят в Эдинбург для суда и наказания. А слово короля – закон! Поэтому для меня бывший воспитанник моего отца отныне преступник и убийца. Я поклялся славным именем Перси, что сделаю все возможное, чтобы убийца был пойман. Надеюсь, и ты, мой верный рыцарь, тоже приложишь усилия, дабы Джона Герона, прозванного Бастардом из Пограничья, доставили в кандалах на плаху! Иначе в моих глазах ты станешь его приспешником, а этого я тебе не смогу простить! Ты слышишь? Я надеюсь на твою помощь в поимке этого негодяя!

– Если только встречу его, – глухо ответил Дэвид, закрывая за собой створку дверей.

Глава 2. Дом

Отряд Дэвида Майсгрейва выехал из замка Варкворт еще до того, как в местной капелле закончилась утренняя месса. Дэвид ни с кем не попрощался, но в окружении графа Нортумберленда давно свыклись с тем, что он приезжает или отбывает, никого не ставя в известность. Считалось, что Майсгрейв поступает так с соизволения самого графа.

По дороге Дэвид размышлял о том, что на этот раз принесет встреча с супругой. Думал ли он некогда, беря в жены юную Грейс, что из-за нее будет избегать проживать в собственной вотчине?

У леди Грейс Майсгрейв был весьма своеобразный характер. Чтобы она не делала, она считала себя непогрешимой – ведь она из Перси! Зато другие виновные для нее всегда находились. И ей никогда не приходило в голову, что в том, что их с Дэвидом дочь Анна попала к шотландским Армстронгам, есть и ее вина.

Однажды перед очередным отбытием Дэвид отправил свою старшую дочь Анну погостить к ее крестной леди Ависии Герон в укрепленный замок Форд-Касл. Но довольно скоро его супруга Грейс пожелала, чтобы дочь вернули: увечная леди скучала по дочери, которая была ее любимицей и внешне так походила на мать. Причем старая Ависия Герон заметила тогда, что отряд, присланный за Анной, недоста-

точно велик, но в тот момент на границе царило относительно затишье, да к тому же крестная девочки не сочла разумным перечить родной матери Анны, сестре самого Нортумберленда. Однако вышло, что когда Анна со спутниками уже была в пределах Мидл-Марчез, на них напали люди Армстронгов. Они разделались с охраной и похитили ребенка.

Грейс была в отчаянии. Вернувшийся супруг, успокаивая ее, пообещал сделать все возможное, чтобы ребенка вернули. Но вышло, что Анну оставили у Армстронгов. В почете и с перспективами на удачное замужество, но все же жить она должна была вне дома. Именно это Грейс и не могла простить мужу. Она настаивала на том, чтобы супруг объявил войну всему клану Армстронгов, и, когда он не последовал ее приказам и мольбам, сочла это предательством.

Кроме тревожащих мыслей о встрече с женой Дэвида удручал приказ Перси охотиться за Бастардом Героном. Этот парень был прижит от наложницы лордом из замка Форд, но здесь, на Севере, не так строго следят за законным родством, и рожденные вне брака дети часто занимали в роду высокое положение. Вот и Джонни Бастард был по сути признанным членом семьи Герон, дружил с женой и детьми своего отца. И все же было в его характере нечто бунтарское, из-за чего он оставил родительский кров и ушел в пограничные риверы. И что бы ни говорили жители южных областей Англии, в землях Пограничья это ремесло не считалось столь предосудительным, а угон скота и стычки с соседями-шотландца-

ми казались куда более достойным занятием, чем работа на земле.

Но потом случилось то, что поставило Джонни вне закона по обе стороны границы, и о чем упоминал Перси: Бастард со своими приятелями убил лорда Роберта Керра, вельможу из окружения шотландского короля.

Вообще между английскими Геронами и шотландцами Керрами давно существовала застарелая вражда. Которая резко возобновилась, когда один из Керров похитил сестру Джонни, первую красавицу Пограничья Элен Герон. Девушка вскоре погибла. Это вызвало к мести, и месть эту совершил именно Бастард Джон, убив главу клана Керров. И теперь же его ловили все, даже вчерашний покровитель граф Нортумберленд Перси. Но Дэвиду было неприятно сознавать, что и его хотят принудить травить друга детства.

Он отвлекся от мрачных мыслей, окидывая взглядом представшую перед ним картину. Пограничье. Дикий северный край, где так редко бывали представители королевской власти и где каждый считал, что имеет право следовать лишь тем законам, которые сам сумеет отстоять. Может, все это – дикость, простор, свои особые неповторимые краски – и наложило особый отпечаток на эти места.

Под бесконечным небом насколько хватало глаз простирались древние Чевиотские горы²⁰ – череда лесистых возвы-

---

²⁰ Чевиотские горы – горный кряж, служивший естественной преградой между Англией и Шотландией.

шенностей, одна за одной, пока не растворялись в сероватой дымке ненастного зимнего дня. Воздух был стылым, пропитанным сыростью подтаявшего на склонах снега. Вверху медленно плыли нагромождения темных зимних облаков, обещая, что снегопад может начаться в любую минуту. В зимние месяцы эти края считались совершенно отрезанными от остального королевства, а тропы и проходы между болотами и скалами знали только местные жители.

Дэвид расслышал, как ехавший за ним оруженосец Эрик с придыханием воскликнул:

– Господи, сэр, как же хорошо дома!

Эрик, пожалуй, был староват для оруженосца – тридцать пять не тот возраст, когда полагается носить за своим рыцарем оружие. Но на эти мелочи уже давно никто не обращал внимания. К тому же Дэвид всегда мог положиться на этого курносого чернявого парня, шутника и балагура, не очень смекалистого, но преданного и ловкого в схватке. Как мог он положиться и на громадного рыжего Орсона, лохматая шевелюра которого странно смотрелась в сочетании с длинной холеной медно-рыжей бородой, за которой он столь тщательно ухаживал, что даже во время их поездки на юг она привлекла к себе внимание придворных в Гринвиче. И Орсон с важным видом поучал их, как часто надо чесать бороду, чтобы она сверкала, словно начищенная медь.

С Дэвидом ехали еще трое: щербатый крепыш Дикон, красавчик Эдвин и Тони Пустое Брюхо, прозванный так за свое

постоянное обжорство, хотя люди и удивлялись, куда все делается в этом длинном худом верзиле. Это были нейуортцы, те, на кого Дэвид Майсгрейв всегда мог положиться, как на самого себя.

– Как думаете, парни, выюга разразится до того, как мы достигнем долины Бурого Орла или еще в пути? – спросил Дэвид.

Рыжий Орсон, пошевелив кустистыми бровями, взглянул на небо.

– Обойдется. Да и ехать нам осталось уже меньше часа. Главное, чтобы этот вертопрах повар Леонард не всю похлебку отдал вернувшимся с дозора объездчикам и оставил нам горячее хлебало из перловки с бараниной. Так я говорю, Тони? Что твоя вечно голодная утроба говорит на этот счет?

Они смеялись и обменивались шутками, но при этом то и дело зорко поглядывали по сторонам. Ибо даже тогда, когда между двумя королевствами был мир, напряженность на границе не ослабевала. По традиции в дни рождественских празднеств военные действия прекращались, но никто никогда не забывал, что это спорная земля и здесь можно ожидать чего угодно. Мало ли кто мог вдруг возникнуть за той скалой или выехать из-за терновых зарослей в болотистой низине между холмов. Поэтому все воины Майсгрейва были в доспехах, да и сам он уже распрощался со щегольским придворным нарядом, облачившись в сталь и кожу и надев на голову стальной салат с поднятым забралом. Лорд Нейурта

выглядел сейчас как обычный ривер из Мидл-Марчез, только сбруя его коня, украшенная бляхами с позолотой, указывала на то, что этот всадник – рыцарь.

В пути солдаты держались с господином довольно просто, и, как часто бывает в дороге, их общение было непринужденным. Но едва они миновали болотистую низину и впереди открылась раскинувшаяся между холмами долина с замком на скале в ее центре, спутники рыцаря выстроились за ним шеренгой, а оруженосец Эрик вскинул на копье вымпел своего рыцаря – расправившего крылья орла на голубом фоне.

У Дэвида при виде вотчины защемило сердце. Его дом, его замок, которым несколько поколений владели Майсгрейвы... и который однажды достанется кому-то другому, ибо его сын умер, а жена стала калекой и не сможет больше подарить ему сына. Однажды владения Дэвида будут разделены между его дочерьми – уж Армстронги через Анну Майсгрейв явно получают часть владений, а остальное наследство достанется тому, кто станет мужем его младшей дочери – Матильды, или Тилли, как нежно называл малыша Дэвид. Но само родовое имя Майсгрейв уже никогда не будет звучать тут... и со временем его забудут.

Для главы рода это были грустные перспективы. Но сейчас, возвращаясь домой, Дэвид гнал от себя подобные мысли. Он узнавал подъем на скалу, ведущий к воротам, у которых всегда дежурила стража, смотрел на селение в долине и мохнатые дерновые шапки кровель. Местные жители, живя

в постоянной опасности, строили себе эти каменно-дерновые жилища с расчетом, что их разрушение в случае набега не будет большой потерей. И все же под надежной охраной замка эта местность в последние годы жила в спокойствии. А вот сам замок, некогда переживший осаду и разрушения, так и не удалось полностью восстановить. Только в верхней части расположенного на скале плато высились две мощные четырехугольные башни, одна из которых даже имела по углам навесные выступы для дозорных. Это смотрелось красиво и внушительно.

Зубчатые защитные ограждения замка тоже имели следы недавней свежей кладки, но в нижнем дворе хозяйские строения уже явно нуждались в ремонте. Зато средств Дэвида хватило, чтобы восстановить крепкие ворота с барбаканом, украшенным гербом владельца – каменным орлом, распростершим широкие крылья.

При приближении оруженосец Эрик затрубил в рог, и ему ответили таким же звуком рога с вершины Нейуортских укреплений. Люди в селении выходили из домов и махали руками, приветствуя господина.

– Бурый Орел вернулся в Гнездо! – радостно кричали они.

Отчего-то это вызвало у Дэвида раздражение. Бурым Орлом называли его отца, барона Филиппа Майсгрейва. И это было достойное прозвище для столь прославленного воина. Он же был скорее Кот, как называл его Перси. Приезжал, уезжал, редко бывал дома, все больше пропадал в отлучках,

отчего и чувствовал себя разгуливающим невесть где котом, а не орлом, под сильным крылом которого надежно чувствуют себя те, кто ищет у него покровительства. Громкое же прозвище, как и эмблема раскинувшего крылья орла, достались ему от отца... которого он едва помнил.

И все же видеть приветливые лица своих людей вернувшегося домой рыцарю было приятно. Он въехал в арку ворот под шум гроыхавшей оружием стражи, как исстари было принято встречать господина. Слуги выходили из внутренних построек, женщины улыбались и благословляли его, а выбежавшие ему навстречу дети челядинцев, веселые и чумазы, шумели больше всех. Нейуорт, замок на скале над долиной, являлся житницей, где люди обитали единым кланом, заключали браки и работали на своего господина и его дом.

Дэвид поднял руку в знак приветствия. Во дворе ощущался запах торфяного дыма, курившегося над кровлями, и рабочий дух хлевов. Земля на хозяйственном подворье была раскисшей, но там, где были открыты створки внутренних ворот в верхнее жилище замка, копыта коней зацокали уже по брусчатке. Стражи у вторых ворот были в начищенных касках, выбритые, как и положено ратникам рыцаря. За порядком замка строго следил капитан замковой стражи и одновременно смотритель Нейуорта – старый Оливер Симмел. У Дэвида потеплело на душе, когда он увидел неспешно вышедшего навстречу воина. Этот безземельный рыцарь верой и правдой служил еще родителям Дэвида, и пока он тут, Дэ-

вид был спокоен за Гнездо Орла.

– Доброго дня, старина! – спрыгивая с седла и хлопая служилого рыцаря по плечу, произнес Майсгрейв. – Со светлым Рождеством тебя, друг мой. Ну что, опять начнешь упрекать меня за долгое отсутствие? Хотя, видит Бог, я справился с поручением графа Нортумберленда куда скорее, чем сам рассчитывал. Вернее, не справился... но хотя бы попробовал.

Сэр Оливер, изогнув светлую бровь, взглянул на него.

– Выходит, нам стоит ожидать большой войны?

И, не получив ответа, махнул рукой.

– Ну и ладно. Умереть от стрелы или меча мне будет предпочтительнее, чем стонать от болей в брюшине или ломоты в костях.

Он заковылял вперед – крепкий, но уже сутулый; шел, поводя плечами и по привычке засунув оканчивающуюся стальным крюком руку за пояс, с которого свешивался меч.

– Идем переговорим, мальчик мой, – произнес сэр Оливер, начав подъем по лестнице, ведущей в донжон – более крупную из башен и более древнюю.

Для Оливера Симмела Дэвид всегда будет мальчиком, как и он для Дэвида всегда будет образцом верности и достоинства. И хотя было известно, что Оливер рожден простолюдином, мало кто из опоясанных рыцарей в Пограничье не знал капитана Нейуорта как смелого воина, достойного всяческого уважения.

Они вошли в зал донжона — узнаваемо выступили из полумрака развешанные по стенам охотничьи трофеи и ряды начищенного оружия. Здесь уже зажгли факелы в настенных стойках, служанка спешно раздувала маленьким мехом угли в камине, один из слуг предупредительно пододвинул к огню два тяжелых кресла. Оруженосец Эрик принял от господина салат, перевязь с мечом и теперь расстегивал застёжки его стальных наплечников.

Оливер, опустившись в кресло, ожидал, пока он управится, и в нетерпении постукивал ногой в тяжелом башмаке по расстеленной на плитах медвежьей шкуре, уже изрядно потертой.

— Эрик, долго будешь возиться? — проворчал он. — Клянусь святыми угодниками, когда я был оруженосцем у сэра Филиппа, то справлялся куда ловчее. Вижу, пора подыскивать тебе замену, парень, если ты стал так неповоротлив и больше перемигиваешься с горничной Дженни, нежели стараешься услужить своему рыцарю.

— Одно другому не мешает, — весело отозвался Эрик, принимая у рыцаря нагрудный панцирь.

Старый капитан лишь что-то проворчал в усы. При свете вспыхнувшего в камине огня его морщины стали казаться глубже, а светлые волосы — белые или седые? — Оливер всегда был светловолосым, — ниспадая вдоль острых скул почти до кольчужного ворота, резко контрастировали с темной задубелой кожей. Глядя на него, Дэвид подумал, что Оли-

вер Симмел уже глубокий старик и что он возлагает на него слишком большую ношу, оставляя в должности смотрителя крепости Нейуорт. И все же лишать старого рыцаря этого поста нельзя: для Оливера Симмела этот замок был всей его жизнью и судьбой. И заявить ему, что его время прошло, означало бы смертельно ранить этого верного человека.

Оливер покосился в сторону находившихся в зале и махнул в их сторону крюком на руке.

– А ну разошлись по своим делам! Чего тут толпиться? Дальше отойдите, дальше. Мне надо с глазу на глаз переговорить с милордом.

– Может, лучше мы сами перейдем в сокольничью или маленькую караульную на башне? – предложил Дэвид.

Оливер замотал головой. И оглянулся, словно опасался, что за ним наблюдают.

– Если я хочу говорить с вами о важном, мне надо видеть, на каком расстоянии находятся те, кто может нас подслушать.

Дэвид вздохнул. Старый Оливер был убежден, что леди Грейс посылает своих поверенных шпионить за ним. Верный рыцарь Нейурта так и не сжился с женой Дэвида и откровенно ее недолюбливал. Дэвид понимал: так сложилось потому, что Оливер считал леди Грейс не такой хозяйкой для его обожаемого замка, какой была мать Дэвида, леди Анна. Но справедливости ради надо отметить, что и Грейс едва выносила старого капитана. Она даже требовала одно время,

чтобы супруг услали Оливера из замка. Дэвид отказался и это стало поводом для очередной их ссоры. Но, увы, ссорились они всегда легко.

– Сперва ты поделись новостями, мой мальчик. И сдается мне, что от них зависит многое в Гнезде Орла.

Майсгрейв и его капитан долго разговаривали, склонившись друг к другу, и Оливер совсем загрустил, узнав, что король отзывает Нортумберленда с войсками на юг.

– Без Перси тут будет совсем плохо, мальчик мой. И хотя я не всех из этого семейства жалую, – он чуть покосился в сторону лестницы, уводившей в верхние покои леди Грейс, – однако Перси на Севере все же главная сила.

Наверняка так же будут думать и многие другие в Пограничье. Люди тут привыкли к набегам, но если грядет большое наступление, то всем было бы спокойнее, если бы Англию защищали войска Перси, а не слишком популярного тут Дакра.

– Как моя жена? – спросил, чтобы отвлечься от горьких мыслей, через время Дэвид.

– Как, как? – хмыкнул старый рыцарь. – Я не духовник миледи, да и люди уже давно свыклись, что она считает их черную и держится особняком. Все как прежде, все как прежде... – вздохнул он.

Дэвид тоже не смог удержать тяжелого вздоха. После того, как жена Дэвида потеряла способность передвигаться самостоятельно, она заявила, что не желает, чтобы ее сносили

в большой зал, и потребовала, чтобы супруг, дети, а также ее ближайшие поверенные собирались у нее в верхнем покое. Дэвид возразил против этого: на Севере Англии истари придерживались обычая, когда господа и слуги трапезничали вместе, — в этом краю непрерывных войн подобное указывало, что они едины, они сплоченная группа и так им легче противостоять опасностям. Но леди Грейс не желала с этим считаться, даже после того, как по приказу Майсгрейва местный плотник смастерил для его увечной жены особое кресло, в котором ее можно было сносить в большой зал, где собирались обитатели замка. Супруга Дэвида возомнила, что это будет умалять ее достоинство. Будучи гордой и непримиримой, она создала наверху нечто вроде своего маленького царства, куда поднимались домочадцы замка, когда ей угодно было отдать распоряжения.

Дэвид смирился с ее прихотями, учитывая ее увечье. Она и так несчастна, вот пусть получает радости хотя бы от своих странных приказов. И все же его не покидало ощущение, что жена озлобилась даже на то, что он уступает ее прихотям. Но спорить с ней, проявить свою волю мужа он не хотел.

Сейчас, сидя в своем доме у камина, он уже видел посланцев от Грейс. Оба они приехали с ней, когда она еще невестой приехала в Нейуорт. Один из них, сухощавый и властный Дерик Пойтон, был ученым клириком из Йорка, а второй, Клемент, или же просто Клем Молчун, как его тут называли, служил ее стражем и личным телохранителем. При-

чем Клем обычно изъяснялся с нейуортцами жестами, редко подавая голос, за что и получил свое прозвище. Другое дело Дерик, взявшийся исполнять в замке должность капеллана. Властный клирик всех донимал, поэтому неудивительно, что большинство обитателей замка предпочитали ходить на службу в церковь Святого Кутберта в селение, хотя ученость Дерика все уважали.

Был при леди Грейс и ее личный повар толстяк Леонард, или просто Лео. Причем Лео вскоре понял, что в Нейуорте все живут единой семьей, а потому стал готовить не только специальные изысканные блюда для миледи, но и следить за готовкой для общего стола. А поскольку он был добродушен и общителен, то в итоге вполне тут прижился. После того, как Лео женился на местной уроженке и наплодил детей, его в Нейуорте считали своим, в отличие от молчуна Клема и вечно капризного и въедливого капеллана Дерика.

Сейчас именно Дерик подошел к господину и, произнеся обычное приветствие, сообщил, что миледи справляется, когда сэр Дэвид изволит навестить ее. Дэвид не спешил с ответом, так как видел, что к нему приближается толстяк Лео с подогретым вином, приправленным пряностями. После долгой зимней дороги это было так кстати! И пока рыцарь неторопливо попивал ароматный напиток, капеллан стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу, и даже слегка покашливал в кулак, словно желая привлечь к себе внимание. Согласно своему положению он был в длиннополом одеянии, голову его

покрывала облегающая шапочка со свисающими вдоль шеи завязками, которые то и дело колыхались, когда Дерик нервно подергивал головой. Сухенький и невзрачный, он всем своим видом выражал неудовольствие, что господин заставляет его ждать, пока Дэвид довольно сурово не заметил:

– Держитесь спокойнее, святой отец. А то у меня сложится впечатление, что вы принесли мне не приветствие от супруги, а ее приказ и теперь недоумеваете, как это я смею медлить.

Лицо капеллана вытянулось, он вновь дернул головой и сказал, что ему, видимо, следует прийти попозже.

Удалился и слава Всевышнему. Зато сверху со степеней лестницы за вернувшимся хозяином наблюдал Клем Молчун. Взгляд его был тяжелым и недружелюбным, но иначе этот огромный детина с резким грубым лицом и не умел смотреть. Подобное отношение слуги к хозяину могло и раздражать, однако Дэвид знал, что Клем неплохой воин, и даже Оливер отмечал, что, когда он отправляет Клема в дозор вдоль владений Майсгрейвов или поручает ему охранять стада, тот справляется отменно. Другое дело, что всегда требовалось, чтобы леди Грейс подтвердила приказ капитана. Иначе Клем будет по-прежнему полировать свою секиру, сидя в приемной у госпожи, словно ее цепной пес.

– А вон и Клем топчется со своей секирой, – тоже заметил Оливер сурового богатыря наверху лестницы. – Иди, поздоровайся с хозяином, парень. Ничего, не измажешь его свои-

ми соплями.

О соплях он сказал с добродушной насмешкой, пояснив, что Клем сильно простудился после недавней поездки в Йорк. Это госпожа его отправляла, пожелав украсить к Рождеству свои покои новым гобеленом. Старик говорил это ворчливо, считая подобное желание ненужной расточительностью, но сам Дэвид не имел ничего против: он никогда не отказывал Грейс в ее прихотях.

Повар Лео наоборот стремился добиться расположения именно хозяина: он сообщил, что кухарки уже разогрели хлебку с бараниной и справлялся подать ли милорду горячее варево сюда, в зал донжона, или господин пройдет в кухню, чтобы присоединиться к своим ратникам. Кухня располагалась в отдельном доме, в стороне от других строений, как и полагалось во избежание пожаров, и к ней надо было идти через двор, а на улице завывал ветер и стало припорашивать.

– Я поем позже, старина Лео, – сказал рыцарь, похлопав кухаря по плечу.

– Позвольте еще спросить, милорд, – не отступал Леонард. – Могу ли я отнести пару горячих булочек нашей малышке Матильде. Госпожа наказала ее, лишив завтрака, но девочка наверняка голодна, сидя столько времени в холодном помещении.

Дэвид сначала не понял, о чем он, но Оливер пояснил, что его младшую дочь Тилли по приказу хозяйки заперли в холодном чулане возле сокольничьей...

Дэвид резко поднялся и кинулся вверх по лестнице. Запереть его младшую дочь в холодном чулане! Да еще голодной! Он почувствовал, как в нем нарастает гнев. Столь строгое отношение леди Грейс к их младшей девятилетней дочери всегда вызывало у него недоумение. Конечно, Матильда, или Тилли, как он ее называл, нуждается в строгости, будучи своевольной девочкой, да еще и избалованной дворней, которая обожала ее. Но надо же кому-то баловать малышку, если родная мать так сурова с ней!

– Тилли! – Он резко отбросил засов и открыл дверь.

Матильда тут же прыгнула ему в объятия, обхватив отца руками и ногами. Она была холодная, как ледышка, растрепанные темные пряди падали на такие же зеленые, как у Дэвида, чуть раскосые глаза.

– Как хорошо, что ты приехал, отец! Не уезжай больше! Обещаю, что стану послушной и не буду больше бросаться комьями грязи со стены в отца Дерика, если ты пообещаешь остаться в Нейуорте.

Она заплакала. Дэвиду казалось, что и он сейчас растрогается до слез. Его Тилли! Маленький, вечно что-то вытворяющий сорванец! Грейс считала, что он излишне мягок с их младшей дочерью, а на его взгляд именно строгость матери вызвала в девочке столь бурное непокорство. Ведь другим было так несложно поладить с Тилли! Что он и продемонстрировал во время вечерней трапезы, доверив дочери роль хозяйки за столом в зале. Раз уж сама леди Грейс не может

– или не желает – выполнять эту обязанность.

А уж Тилли старалась вовсю. Нарядившись в свое лучшее платье с меховой опушкой, заплетя косички и водрузив на голову кружевную шапочку, она с важным видом восседала по правую руку от отца и следила за подачей блюд, стараясь, чтобы за столом было все, что полагается – достаточно нарезано хлеба, возле каждой из групп трапезничающих стояли супница и солонка, – чтобы бочонки с домашним элем открывали у входа, а уже затем разливали по кувшинам и обносили всех.

Дэвид шепнул дочери, чтобы она спросила у сидевшего подле нее капеллана Дерика, не желает ли он еще кусок мяса. Девочка замялась лишь на миг, потому что побаивалась капеллана с его вечно хмурым и недовольным лицом.

– Преподобный Дерик, вам подложить еще мяса? – осведомилась она с застенчивой любезностью.

Тот отрицательно покачал головой.

– Нет, я сыт. Позволительно ли мне будет вернуться к моей леди?

Дерик смотрел через голову Матильды на ее отца. Но тот посоветовал спросить разрешения у дамы.

Дерик промолчал, сурово поджав тонкие губы, и остался на месте, всем видом выражая неудовольствие. Ему было отчего ворчать: еще час назад он пришел к сэру Дэвиду сообщить, что леди Грейс велела накрыть ужин в своих покоях и ждет, чтобы супруг присоединился к ней. Это было любезно

с ее стороны, но рыцарь ответил, что, как и обычно, предпочитает трапезничать вместе со своими людьми. На самом деле Дэвид не хотел встречаться с супругой, пока не остынет его гнев за Тилли.

Сидевшего за высоким столом рядом с господами Оливера вся эту ситуация только веселила.

– Матильда, дитя, ты прекрасно справилась, – заверил он девочку. – Думаю, когда ты станешь взрослой леди и будешь заправлять хозяйством, ты не вызовешь ни у кого нареканий.

Тилли просияла и велела кравчему еще добавить в кружку капитана эля. Оливер поднял ее в знак приветствия, и девочка тоже подняла свой кубок.

Дэвид улыбался. Сейчас, когда за стенами замка сыпал снег, в каминах пылал жаркий огонь и в зале стоял веселый гомон, он наконец-то расслабился и ощутил, как хорошо быть дома. И ничего, что без присмотра увечной хозяйки тут не так часто меняли тростник на полах, а ставни на окнах давно не натирали воском и они были в сырых потеках. Все равно это был его замок, его люди, которые всегда ждали и встречали своего сеньора. Вот только Дэвиду было горько, оттого что у его жены не сложились такие же отношения со славными обитателями Нейуорта.

Наконец, ближе к концу общей трапезы, он счет, что будет даже жестоко заставлять и дальше заставлять Грей ожидать его.

Капеллан Дерик сам вызвался посветить милорду факелу.

лом, когда они поднимались по винтовой лестнице, проходя мимо подрагивавших от разразившейся снежной бури деревянных ставен. Зато в покое Грейс было тепло и уютно. В камине горел огонь, половицы покрывали светлые овечьи шкуры, напротив двери Дэвид увидел новый яркий гобелен с изображением среди листвы и кавалеров с лютиями в руках. Угрюмый Клем хорошо постарался для госпожи, приобретая такое украшения в ее покой. Хотя сам он и простудился в поездке, выполняя поручение. Но этот слуга так предан Грейс Перси, что явно не будет в обиде, что его гоняли в зимнее ненастье до самого Йорка.

Сама леди Грейс сидела у стены под новым гобеленом в удобном кресле на колесиках. Ее увечные ноги покрывала меховая полость, в руках она держала небольшой молитвенник, который передала одной из служанок, когда протянула мужу рук для поцелуя.

– Со светлым Рождеством вас, Дэвид, супруг мой. Я не садилась ужинать, пока вы не придете.

При этом леди Грейс улыбнулась, но в ее улыбке было больше сарказма, нежели приветливости – она прекрасно знала, что он уже оттрапезничал в зале донжона, и теперь своим приглашением как бы намекала: я, ваша увечная жена, оставалась все это время голодной и в ожидании, пока вы пренебрегали мной. Но Дэвид уже научился не испытывать вину по каждому ее намеку, как было вначале, когда он горячо жалел ее.

Приблизившись, он поцеловал её руку, а потом коснулся губами чела. В этот момент, когда она сидела так прямо и гордо, можно было и не догадаться, что нижняя часть её туловища неподвижна. Одета она была роскошно, в темно-бордовый бархат по последней моде. Голову её голову над расчесанными на прямой пробор волосами венчал округлый бархатный валик, обвитый серебристой сеткой, а рукава платья от локтей были широкими и ниспадающими, насколько это было возможно.

Принарядилась для мужа. И Дэвид мягко улыбнулся ей, заявив, что она выглядит цветущей и привлекательной.

Грейс стала его женой в пятнадцать лет, сейчас ей было двадцать восемь. Восемь лет назад с ней случилось несчастье, за эти годы она просто истаяла и выглядела старше своего возраста. Ее скуластое личико в форме сердечка было обтянуто бледной кожей, светло-серые глаза глубоко сидели под едва обозначенными белесыми бровями, а нос был истинным носом Перси – тонким, удлинённым, с легкой горбинкой. Грейс была по-своему очаровательна, но теперь, когда она так усохла, этот длинный выступающий нос даже портил ее, придавая некое сходство с грызуном – лаской или хорьком. А может, Дэвиду так стало казаться, когда он понял, какой хитрый и упорный характер у его малышки Грейс Перси?

«Я не должен относиться к ней плохо, – напомнил он себе. – Моя жена не виновата в том, что с ней случилось несча-

стье».

Дэвид подкатил кресло супруги к сервированному столу, услужливо откинул за локти ее длинные рукава и придвинул прибор.

— Я уже поел в зале, как вам известно, миледи. Но я с удовольствием посижу с вами, пока вы будете вкушать вечернюю трапезу, и отвечу на все ваши вопросы. Вам ведь хочется узнать новости о дворе?

Он сел напротив и стал рассказывать.

Повар Леонард услужливо накладывал леди кушанья: парную телятину под мятным соусом, гороховое пюре, мелко нарезанное куриное филе с хрустящей корочкой, свежееиспеченные круглые булочки, посыпанные тмином. И вино — сладкую красную мальвазию. Леди Грейс считала эль пойлом простонародья, а она, женщина рода Перси, никогда не опустится, чтобы поглощать этот напиток, даже несмотря на то, что пивоварня в Нейуорте слывет одной из лучших в округе и даже продает бочонки с элем для окрестных монастырей.

Грейс ела красиво, брала еду самыми кончиками пальцев, постоянно промокала бледные губы салфеткой. При этом лицо женщины оставалось невозмутимым, как будто ее не волновало, что ее брат Генри Элджернон лишился звания Хранителя Границы.

В какой-то момент, не дослушав фразу супруга, она обратилась к своей камеристке Одри, справившись, нагрета ли уже постель грелкой с углями? Леди Грейс решила сегодня

лечь пораньше и не желает зябнуть.

— Миледи, если вас утомляют мои рассказы, я готов оставить вас, — произнес Дэвид как можно мягче, хотя ее равнодушие к его сообщениям показалось несколько неучтивым.

Жена посмотрела на него своими широко раскрытыми светло-серыми глазами.

— Нет, я слушаю вас. И я поняла, что дела моего брата Перси сейчас не очень хороши. Но какое мне дело до родичей, когда они сами не проявляют интереса ко мне? Ну а ваши новости о возможных военных столкновениях, которые заинтересовали бы какого-нибудь местного лорда или даже разбойника ривера, лично меня мало заботят. О, я бы скорее хотела услышать от вас некое чистосердечное признание в том, как и с какими девками вы предавались увеселениям при дворе. Такой пылкий мужчина, как вы, супруг мой, вряд ли не воспользовался случаем, чтобы задрать подол какой-нибудь из придворных шлюх.

Опять эта ее ревность! По случаю и без.

Дэвид ощутил привычное раздражение. Бесспорно, он не безгрешен, но супругам не следует обсуждать подобные темы в присутствии слуг. А за столом сидели две приближенные леди камеристки, капеллан Деррик и молча налегавший на оленину здоровяк Клем Молчун. Клем никак не отреагировал на язвительный вопрос госпожи, а вот ее женщины и Дерик замерли, перестав жевать.

— У вас нет повода обвинять меня в прелюбодеянии,

Грейс, — медленно произнес Дэвид. — Если даже я не записывался в монахи и не давал обет целомудрия, то ничто из моих плотских увлечений никогда не опорочит вас, миледи.

— Какая беспощадная откровенность! — всплеснула руками Грейс.

Она стала пить вино, глядя на мужа поверх бокала. А когда допила, забыла даже утереть губы и спешно облизала их языком, невольно вызвав у Дэвида мысль о кровожадности. Но сейчас Грейс и была кровожадной: ей хотелось привычно развлечь себя ссорой.

— Уже восемь лет вы не возлежали со мной, супруг мой. Но до меня доходят слухи о ваших похождениях. Плоть — вот ваша слабость...

— Выйдите все! — приказал присутствующим рыцарь. — Нам с женой надо побыть наедине.

— Я приказываю всем остаться! Если моему супругу будет в чем покаяться, то я желаю, чтобы это слышали все!

И опять один только Клем продолжал невозмутимо жевать, остальные просто переглядывались и опускали глаза.

Грейс напряженно смотрела на мужа.

— Итак, может ты хочешь покаяться в том, что пока я дожидаюсь тебя, ты успел посетить свою любовницу и ублюдка в имении Тонвиль? Уж эта женщина с готовностью примет его у себя на ложе, зная, что законная супруга не в состоянии исполнять свой супружеский долг.

— Они умерли, миледи, — негромко произнес Дэвид. Ему

сейчас хотелось одного: пусть жена молчит и не поливает ядом дорогих ему усопших.

Светлые брови леди Грейс изумленно приподнялись. Она какое-то время молчала, потом опять отпила из бокала.

– Надо же. Не скажу, что меня это огорчает, но если в Тонвильском округе было какое-то поветрие...

Дэвид поднял руку, заставляя ее умолкнуть.

– Думаю, нам все же стоит поговорить с глазу на глаз. Мы давно не виделись, Грейс, и как бы ни складывалась наша судьба, мы – супружеская пара. И только нам двоим решать все проблемы, что разделяют нас.

– Может, ты и это сумеешь исправить? – Грейс резко оттолкнулась от стола, так что ее кресло откатилось и она, сбросив с колен меховую полость, стала поднимать юбки, желая продемонстрировать ему свои тощие неподвижные ноги. – Может, ты в состоянии заставить меня снова ходить?

Дэвид невольно отметил, что ее неподвижные худые ноги были в дорогих шелковых чулках ярко-алого цвета. Некогда, до того, как она пострадала, он сам преподнес их ей, но Грейс решила, что они выглядят слишком вызывающе. Сейчас же нашла, что они сгодятся, чтобы показывать всем.

Дэвид резко шагнул к жене и одернул подол ее платья.

– Вы слишком много выпили вина за ужином, миледи. И не позорьте имя Перси, если уж имя Майсгрейв для вас ничего не значит.

И опять повернулся к присутствующим, сделав знак уда-

литься.

Грейс начала всхлипывать, когда они выходили. Когда же супруги остались одни, тихо произнесла:

– Я так несчастна, Дэвид, так несчастна!.. А ты... Все твои шашни с женщинами...

– Тсс! – Он обнял ее, опустившись рядом на колени. Приголубил, поцеловал залитое слезами лицо. – Что поделаешь, Грейс. Случившееся с тобой – большое испытание для нас обоих. Но ты моя жена, и я всегда буду рядом.

– Рядом? – Она уперла руки ему в плечи, отталкивая. – Да ты только и пользуешься случаем, чтобы уехать.

– Ты знаешь, почему так происходит. Я служу твоему брату...

– Которому нет до меня никакого дела! Для всех Перси я всего лишь незаконнорожденный ребенок. Отец навязал меня им, поэтому они поскорее избавились от меня, отправив сюда, в глушь Милд-Марчез, считая, что тут я не буду мозолить им глаза.

«Начинается!» – горько подумал Дэвид.

Увы, Грейс начала высказывать свое недовольство союзом с рыцарем из Пограничья едва он привез ее в Нейуорт. Но тогда она была здорова, могла выполнять обязанности супруги, и у него была возможность доказать, что ей не так уж не повезло стать женой такого, как он. Теперь же она постоянно злилась. Это могло утомить кого угодно. Но как бы порой ни сердился Дэвид, он еще больше жалел ее.

– Во время отлучки я не забывал о тебе, моя дорогая. И я привез тебе подарок. Вот взгляни на это, – улыбнулся Дэвид, раскрывая ларец, какой принес с собой. – Это гейбл, самый модный головной убор при дворе. Я привез его тебе ибо желаю, чтобы моя леди, хозяйка Нейуорта, выглядела под стать самым блестящим дамам королевского двора.

В первый миг, казалось, Грейс успокоилась. Ей понравился нарядный гейбл: темно-золотистая парча красиво натянута на пятиугольном каркасе и обшита рядами мелкого жемчуга, а сзади ниспадает шелковистая черная вуаль. Надевать все это полагается на золотистую простеганную шапочку.

– Позволь поухаживать за тобой, моя Грейс, – мягко предложил Дэвид.

Она была не против и даже улыбалась, когда он снимал с ее головы округлый валик. Ее гладкие русые волосы были уложены низким узлом, и Дэвид легко надел сначала шапочку, потом водрузил гейбл и стал расправлять за ее плечами складки вуали. После этого он взял стоявшее на комодке округлое полированное зеркало и поставил перед супругой.

– Теперь вас не стыдно представить и ко двору, госпожа моя.

Она еще миг назад улыбалась, но вот улыбка стала гаснуть, и он узнал привычное злое выражение на лице Грейс.

– И как я окажусь при дворе, куда вас постоянно призывают? То вы сопровождаете эту вертихвостку принцессу Маргариту Тюдор, которая вас особо отличает, то вы на корона-

ции, то на турнирах... Скоро вы опять отбудете ко двору, а я... я... Вы оставляете меня, ни капли не сожалея, что отделились от калеки жены, и постигаете женские ухищрения моды в кругу распутных кокеток фрейлин. О, как легко вы смогли справиться с головным убором! – Она потрясла головой, как будто хотела скинуть гейбл. – Признайтесь, Дэвид, скольких из них вы раздевали, пока приобрели подобную ловкость?

Это становилось невыносимо. И было очень грустно. И чтобы перевести разговор, Дэвид спросил:

– Грейс, может вы лучше объясните, за что так не любите нашу дочь Матильду? Ребенок вечно заброшен, вы то и дело наказываете ее. Подумать только, в такое холодное время приказали запереть девочку в неотапливаемой каморке, в темноте. Вы ведь знаете, что Тилли с детства боится темноты!

Грейс сердито взглянула на мужа.

– Вы заметили, как вы называете нашу дочь? Тилли. Не Матильда, не Мод или Тильда, а именно Тилли. Когда вы предложили дать нашей младшей девочке это имя, я думала, что это в честь вашей благодетельницы графини Мод Перси, то есть Матильды Перси, как полностью звучит ее имя. А вы... Тилли. И я узнала, что так звали вашу шлюху из МакЛейнов, с которой вы жили в блуде до брака со мной. И которую вы по-прежнему не можете забыть!

– Тилли МакЛейн была моей супругой, миледи, – негром-

ко произнес Дэвид. — И, выходя за меня замуж, вы знали, что стали моей второй женой. Так что не смейте дурно отзываться о покойной!

— Я говорю только правду! Вы не получали разрешения от своего покровителя на брак с вашей дикаркой! Поэтому то, что вы называете супружеством с какой-то Тилли, по сути является блудом. И вы еще осмеливаетесь называть мою дочь Матильду как вашу шотландскую девку! А после этого спрашиваете, почему я ее не люблю? Как я могу любить ее, если, отдав Армстронгам мою старшую Анну, вы и второе мое дитя превратили в подобие дикарки с островов! Ах!

Она слабо вскрикнула, когда муж резко ударил кулаком по столу, отчего попадали кубки, а одна из свечей вывалилась из шандала, и Дэвиду пришлось спешно тушить ее. Потом он подошел к окну, в мелкие стекла переплета которого ударили несомые ветром снежинки. От окна дуло, так что даже портьеры слегка колыхались, но Дэвиду стало легче от этого холода — ему надо было как-то погасить свой гнев. Ревность Грейс к давно умершей Тилли МакЛейн больно задевала его, и супруга это знала, но словно получала удовольствие, вновь и вновь распаляя его гнев.

Через минуту-другую Дэвид, будто не замечая тихих всхлипываний жены, заговорил о другом. Все еще не поворачиваясь к Грейс, он поведал, что узнавал, как живет Анна, ее любимице Анна у Армстронгов в их замке Ленгхольм. Девочке в этом году исполнится тринадцать, и ему будет позво-

лено навестить ее. Он отправится в замок клана Армстронгов Ленгхольм едва сойдут снега и откроются проезды в горах. Там он обсудит размер ее приданого, к которому даже пожелал приложить руку Генри Элджернон, учитывая, что Анна все-таки его племянница. Так что брак их старшей дочери дело решенное. И это будет совсем неплохой брачный союз для Анны Майсгрейв.

– Думаю, за время, проведенное у Армстронгов, Анна уже свыклась с ними. Это сильный и уважаемый в Шотландии клан. К тому же то, что наша девочка живет там, позволяет надеяться, что войны с Армстронгами у нас не будет. Мир на границе – наш долг.

– Итак, ты пожертвовал моей дочерью ради твоего хвалебного мира в Пограничье!

Она смотрела не него – маленькая, бледная, злая. Тонкие пальцы сжаты, глаза сверкают. Но Дэвид взял себя в руки, опустил плечо подле жены и заговорил спокойно:

– Нашу дочь, Грейс, нашу. И сам Перси проследит, чтобы все прошло как должно. Он тоже печется о судьбе Анны, ибо она Майсгрейв. А Перси всегда благоволили к Майсгрейвам.

– Что-то Перси не слишком помогали твоим родителям, когда они нуждались в поддержке, – съязвила Грейс. – Мне рассказывали, что тут творилось, когда ты был еще ребенком. Может, именно поэтому ты так часто стремишься уехать из Гнезда Орла? Но, Дэвид, я настаиваю, я просто требую, чтобы ты не уезжал и не оставлял меня!

Она вдруг подалась вперед и обвила его шею руками. Маленькая несчастная калека Грейс. На глаза Дэвида навернулись слезы. Она была ему не чужая, и он вполне смог бы жить с ней, если бы не ее извечное желание проявлять свой властный нрав.

– Давай я отнесу тебя в опочивальню, Грейс.

Он легко поднял ее, и она прильнула к нему подвижной частью своего тела. Ему показалось, что даже ее увечные ноги колыхнулись, словно она стремилась и их прижать к нему.

Дэвид бережно уложил жену в постель, с осторожностью обнажил ее голову, освободив от гейбла, и стал расчесывать длинные гладкие волосы жены. Грейс лежала замерев, но когда на какой-то миг их взгляды встретились, Дэвид узнал голодный призыв в ее глазах. О, некогда он сам обучал жену, тогда еще юную и неопытную, тайнам супружеских отношений. Она оказалась податливой ученицей, и они жили хорошо... Достаточно хорошо, даже учитывая, что и прежде Грейс считала, что муж должен выполнять все ее прихоти, и бесконечно ревновала его. Но зачем вспоминать об этом сейчас?

– Не уходи, Дэвид! – попросила Грейс, когда он стал подниматься.

Он увидел, как вздымается ее грудь, но тут же вспомнил, как мыл и переворачивал ее, когда она стала калекой, пока Грейс сама не стала прогонять его. И что она хочет сейчас? Чудо невозможно.

– Дорогая, нам придется как-то уживаться с тем, что случилось. Ты моя жена и всегда останешься ею. И всегда будешь под моей защитой и покровительством.

Она прикрыла глаза, а когда вновь взглянула на мужа, они светились лютой злобой.

– Ты никогда не любил меня. Ты все еще любишь свою шотландскую девку... как и любишь своих шлюх и их отпрысков. Наш сын умер, а ты возжелал наплодить себе бабстардов в обход наших девочек, от которых хочешь избавиться. Анну ты уже продал Армстронгам, так же поступишь и с Матильдой... хотя уверяешь, что любишь ее.

Дэвид больше не мог это слушать. Он вышел и приказал камеристкам миледи приготовить ее ко сну. Сам же спустился по лестнице, и чем дальше отходил от покоев супруги, тем быстрее становился его шаг. Ему хотелось тут же приказать седлать коня и уехать из дома. Как он допустил, что в собственном замке чувствует себя ненавидимым и предающим? Да, он уже не мог любить эту женщину, свою жену, а на все его старания быть ей просто другом и близким человеком она отвечала вспышками раздражительности и злобы.

За стенами замка бушевала метель. Казалось, весь дом ходит ходуном – ветер в кровле, ветер в дымоходе, из-под каждой двери тянет сквозняком. Дэвид спустился в главный зал, где уже укладывались спать слуги, но вместо того, чтобы идти к себе в опочивальню, где спал с тех пор, как перестал делить ложе с Грейс, он просто вышел наружу, миновал тем-

ный, обдуваемый ветром двор и остановился у арки внутренних ворот. Здесь в подвешенном под сводом фонаре метался за железной решеткой огонь факела, бросая отблески на кружившиеся в бешеном ритме снежинки. Может, и в самом деле уехать?

Но мгновением позже он повернул к стоявшей в стороне от других построек кухне. Идти пришлось по глубокому снегу, глядя на который, оставалось только гадать, как наверняка уже замело всю округу. Так что лучшее, что он может сделать, чтобы успокоиться, это подняться на стены и совершить обход, проверяя, как несут дозор стражи замка. Когда Дэвид оставался в Нейуорте, он старался снять эту обязанность со старика Оливера.

Майсгрейв уже стоял у кухни, когда заметил, что дверь ее не заперта и створка постукивает под ударами ветра. Вместо того чтобы просто закрыть ее, он почему-то вошел внутрь. В полумраке он различил, что тут все в порядке – вертела вычищены, котлы отдраены и поставлены один в другой, пахнет гвоздикой и корицей. Но в глубине помещения был замечен отблеск пламени, чего в эту пору тут быть не должно.

Дэвид шагнул вперед и увидел, что под колпаком вытяжки печи, в отсветах огня маячат чьи-то тени и слышится потрескивание жира. Может просто кто-то из припозднившихся замерзших стражей разогревает себе ужин? И все же ночью разводить огонь на кухне не полагалось – во избежание пожаров. Поэтому Дэвид уже хотел было сделать выволочку

поздним трапезникам, когда неожиданно узнал силуэт старого Оливера, рядом с которым был и еще кто-то, кого не удалось рассмотреть во мраке.

– Я думал ты уже почиваешь, старина, – сказал Дэвид, направившись к капитану Нейуорта и при этом не обратив особого внимания на его собеседника, – мужчину в меховом плаще и саладе, который закрывал голову, но оставлял открытым лицо. Правда, черты ратника он не разглядел: тот оставил жарившиеся на решетке сосиски и поспешно отступил в тень.

– Я собираюсь обойти дозорных на стенах, – продолжал Дэвид. – Ты же иди поживать. Но, Оливер, разве наша Тилли плохо справилась с ролью хозяйки за ужином и ты остался голодным, если пришел сюда?

Старый рыцарь отвел взгляд и, переминаясь с ноги на ногу, что было странно для него, ответил:

– Да, оно так. То есть я просто решил тут подкормить кое-кого... Он недавно прибыл в замок. Ох, черт! Дэвид, не стану притворяться, давно хотел сказать тебе, да все как-то не выходило... И не знал, как ты к этому отнесешься. Ты ведь служишь Перси, и все такое... А у нас тут...

– Что с тобой, Оливер? Ты блеешь, словно овца. Если есть что сообщить, говори!

– Он хотел сообщить обо мне, – вышел вперед до этого таившийся в темноте воин в шлеме. – Но не уверен, не выдашь ли ты меня властям.

Дэвид смотрел на этого человека, своего друга детства и соратника по набегам на маноры в Спорной Земле, а ныне преступника, за которого назначена немалая награда. Это был Джон Герон, прославленный как в хорошем, так и в плохом смысле Бастард из Форда. Именно его и приказал схватить граф Нортумберленд.

– Герон? – только и вымолвил Дэвид.

– Да, приятель, это я. Ищейки нашего друга Перси гоняли меня, как лису во время охоты, и я сколько мог таился в заросших лощинах среди гор. Но тут такое ненастье... Вот, нашел приют у старины Оливера. Не брани его из-за меня. Если прикажешь, я сейчас же уеду.

Дэвид лишь молча смотрел на него. Узнавал это широкое наглое лицо с перебитым носом и голубыми глазами. Длинные светлые волосы ниспадали вдоль грязных щек, выбившись из-под шлема, – хорошего шлема, с воронением и гравировкой, какой под стать состоятельному рыцарю. В остальном же он был исхудалый, грязный, от него исходил тот запах, какой бывает у нищих. Бастард Джонни, из-за которого у двух королей сопредельных держав едва не случилась война.

Дэвид спросил:

– В своем ли ты был уме, парень, если решился убить Роберта Керра? За такое никто в благородном сословии тебя не простит, и ты останешься изгоем, пока тебя не возведут на плаху... или даже повесят, как ничтожество. Ведь кто был

лорд Керр, а кто ты?

Джонни начал улыбаться своей нагловатой, вызывающей улыбкой. Он всегда был бешеным, этот бастард из почтенного рода приграничных Геронов. Старый Перси надеялся сделать из этого сорвиголовы своего человека, но потом просто прогнал его. Уж слишком Джонни был неуправляем и дерзок, и в итоге он стал ривером на границе. Его образ жизни, разумеется, осуждали, его общества чурались, и тем не менее он не пользовался славой человека окончательно отпетого, как это было бы в ином краю, где больше почтения к законам. Пока он не убил шотландского лорда и Яков Стюарт не потребовал от англичан голову преступника.

– Спрашиваешь, зачем я убил Керра? – отозвался наконец Бастард, убирая сосиски с огня и подцепив на нож одну из них. – Клянусь Вифлеемской Богородицей, ты и сам должен это понимать, Дэвид. Разве Керры не были извечными врагами Геронов? И ты, столько времени проживший у шотландцев, должен понимать, что такое кровная месть.

Он откусил от сосиски и стал жевать с таким невозмутимым видом, словно уже все объяснил. А Дэвид еле сдерживался, чтобы не схватить этого нахала за грудки.

– Ты ополоумел, Джон, если считаешь, что давнишняя кровавая вражда – повод, чтобы зарезать лорда шотландского правительства!

Бастард едва не подавился куском мяса.

– Давнишняя? Или ты забыл, Майсгрейв, что брат этого

Керра убил мою сестру! Сперва похитил, обесчестил, а потом убил. Ее тело так и не нашли. Даже когда моя мачеха леди Ависия умоляла вернуть дочь, дабы Героны могли похоронить ее останки в фамильном склепе, ее посланца просто выгнали взащей.

Дэвид помнил ту историю с сестрой Джека, своевольной красавицей Элеонорой, или Элен, как ее прозывали за красоту²¹. Но очень сомневался, что Элен была похищена Уолтером Керром, а не пошла с ним по доброй воле. Уолтер был весьма хорош собой, нравился женщинам, и люди поговаривали, что нередко видели его с прекрасной Элен на пустошах. Но сбежала ли она с возлюбленным или была похищена, обвенчаны они так и не были. Элен Герон сожительствовала с Уолтером в так называемом браке рукобития, когда женщина, поселившись в качестве супруги с мужчиной, знала, что если за год она не родит ему сына, то этот брак может быть завершен. Это был дикий, почти языческий обычай, но в Шотландии он все еще имел место. И за истекший год Элен родила Уолтеру Керру ребенка. Который однако вскоре умер и Элен отправили назад, в семью. Героны ждали ее, но их красавица так и не вернулась к отчому дому. Тогда они догадались, что от Элен попросту избавились. Старая кровавая вражда вспыхнула с новой силой, и даже весть о том, что и сам ее похититель Уолтер убит, не приостановила эти столкновения.

---

²¹ Производное от имени Элеонора – Элен, в честь Елены Прекрасной.

Сейчас Дэвид просто сказал:

– Смерть Уолтера должна была успокоить вас. Но тебе непременно надо было разделаться с самим Хранителем Границы – Робертом.

– И что с того? – ухмыльнулся Джек. – Ах, скажите на милость, милорд Хранитель Шотландской границы! Разве у него не две руки и ноги, как и у меня? Разве он красивее или добрее меня? Да, я бастард, но даже моя семья никогда не считала меня чужаком... до этого убийства. Хотя и они сперва ликовали, узнав, чью кровь я пролил. Да будет тебе известно, Майсгрейв, что этот Роберт Керр был еще тем негодником. Ты знаешь, как мы его убили? Я и славные парни Лилбурн и Стархед. Мы явились на указанную Робертом встречу, чтобы обменять попавших к Керру людей на его лазутчиков, пойманных у нас. И вдруг оказалось, что это ловушка! Никаких наших ребят он не привозил, зато с ним явилось предостаточно стражников. Но, видимо, их все же было не настолько много, чтобы защитить своего господина. Когда Стархед, отчаянная голова, первым ударил лорда Керра копьем в спину, я нанес ему второй, окончательно пробивший его удар. Ну и Лилбурн не отставал, тоже резанул тесаком трепыхавшегося лорда. И уже другая история, как мы успели вскочить на коней и скрыться, пока эти лизоблюды в свите Керра только охали и ахали.

Он засмеялся и положил в рот очередной кусок горячей сосиски.

Но Дэвиду было не смешно. Упомянутые приятели Джека Герона уже были мертвы – одного из них вскоре схватили и казнили в Эдинбурге, а второго, Стархеда, того, кто нанес первый удар, спустя несколько лет нашел и убил в его собственном доме сын Роберта Керра. Причем тогда вообще началась нешуточная резня и Перси еле удалось навести порядок на Границе. К тому же, пока Бастард продолжал скрываться, Перси по приказу короля Генриха VII пришлось отправить в Эдинбург в цепях родного брата бастарда Джонни Уильяма, законного наследника рода Герон. Он и поныне томился в узилище и, по слухам, останется там до тех пор, пока сам Бастард не явится с повинной или не будет схвачен.

– Тебе не жаль брата? – глухо спросил Дэвид.

Джек Бастард стал жевать медленнее, глаза его колко блеснули.

– Уильям всегда был размазней, однако, разрази меня гром, если я не сожалею о его участи. Но все же не настолько, чтобы из-за него подставить свою голову под топор палача!

И он с удовольствием отправил в рот последний кусок сосиски.

Дэвиду стало грустно. На самом деле Джонни много для него значил – общее детство, совместные вылазки на границе, бои, в одном из которых Джонни спас жизнь Майсгрейву. Но теперь он должен выдать его. Так считал Генри Элджернон Перси, недвусмысленно дав понять это Дэvidу.

– Зачем ты приехал в Нейуорт, Бастард? – как-то устало

спросил Дэвид.

Джонни пожал плечами.

– Ну, во-первых, хотел просто погреться. В сырых лощинах сейчас совсем скверно, да и устал я ночевать на снегу. А Оливер Симмел никогда не отказывал мне в крове и пище.

Дэвид сурово посмотрев на седого рыцаря. Тот, отвернувшись, стоял ближе к входу, словно не решаясь смотреть господину в глаза. Но Дэвид понимал – люди Пограничья никогда не отказывают друг другу в помощи.

– А во-вторых, Дэвид, мне есть что тебе сообщить, – добавил Герон.

Он порылся под плащом и вытащил из кошелья на поясе какой-то предмет.

– Вот, хотел тебе показать. Узнаешь?

Огонь в жерле печи почти догорел, отсвет был слабый, и Дэвиду пришлось наклониться, чтобы рассмотреть то, что показывал Джонни. Он почти отшатнулся, так сильно вздрогнув, что его волнение стало видно даже в темноте.

– Дай сюда! Откуда у тебя это?

Теперь он держал в руках серебряную брошь в виде раскрывшего крылья орла с красными бусинками глаз. Когда-то он подарил эту вещицу одному ребенку... еще одному своему сыну, рожденному от некой Пат с Болот, как ее называли. Но этот мальчик и его мать исчезли уже давно, и он ничего не знал о них.

Пат... Патриция. Она носила красивое имя, хотя люди

считали ее едва ли не ведьмой. Но в Пограничном краю, где еще сильны старые языческие верования, ведьм не столько опасались, сколько уважали. Поэтому местные жители то и дело ходили к Пат с Болот – кто попросить травяной настой от кашля или мазь от ломоты в суставах, кто погадать о будущем. О, Патриция умела ворожить как никто другой. Она вообще была необыкновенной. Дэвид познакомился с ней, когда подростком вернулся в Нейуорт от своей приемной матери из Тонвиля. Многое тогда было ему тут чуждо, а вот со странной Пат он подружился быстро. Она рассказывала ему местные предания, страшные сказки, а также поведала о его родителях, Филиппе и Анне, которых хорошо знала.

Желтоволосая Патриция была лет на десять-двенадцать старше Дэвида, но была стройной и по-своему красивой. Поэтому, когда спустя годы, уже будучи взрослым, Дэвид как-то навестил ее и в горести поведал о своей умершей жене Тилли МакЛейн, Пат пожалела его, приголубила, приласкала, и в итоге он оказался с ней на ложе. С ней ему было так сладко...

Их связь ни к чему его не обязывала – он часто уезжал, совершал набеги на границе, редко бывал дома. Но когда однажды все же приехал к ней, Патриция встретила его, держа на руках ребенка.

– У него твои зеленые глаза, Дэвид, – просто сказала она. – Оливер говорит, что он очень похож на тебя. Твой капитан всегда привозит мне провизию и что-нибудь для маленького

Гарольда, как я назвала сына.

С того дня Дэвид стал чаще бывать у нее. И порой опять искал ласки и утешения в ее объятиях. Даже когда он женился на Грейс, эта связь не прервалась. К тому же Дэвид был очень привязан к ребенку. Говорил, что однажды заберет его в Нейуорт, однако Патриция твердо воспротивилась этому. Сказала, что мальчик с возрастом все больше становится похожим на своего отца, а супруга Дэвида и так слывет в округе ревнивицей и, скорее всего, невзлюбит Гарольда.

А потом они неожиданно исчезли – и Пат, и малыш Гарольд, которому Дэвид как-то подарил этот значок своего рода, чтобы тот знал, что он тоже Майсгрейв.

– Так откуда это у тебя, Джонни? – снова спросил Дэвид.

В полутьме лицо Бастарда казалось каким-то застывшим. Он не мигая смотрел на Дэвида своими голубыми глазами, его широкие губы были плотно сжаты. Но Дэвид ждал ответа, и тот наконец решился:

– Конец лета в этом году выдался на редкость жарким для здешних мест, многие заболоченные места обмелели. Вот среди подсохших торфяников я и нашел их обоих. От них уже ничего не осталось, но я понял, что обоим проломили головы.

Дэвид судорожно сглотнул. Да, в разбойных землях Пограничья смерть настигала человека легко. Однако ведьму Пат уважали даже риверы с обеих сторон Границы. Да и взять у них толком было нечего. И по сей день Дэвид уверял

себя в том, что Пат просто ушла. А выходит...

– Гарольду в этом году исполнилось бы шестнадцать. У меня был бы совсем взрослый сын. А так...

Он не договорил, но подумал, что все его сыновья – и законный Филипп от Грейс, и дети от любовниц – умерли один за другим. Может, он проклят? Может, ему на роду написано стать последним по мужской линии в роду Майсгрейвов? Уж по крайней мере сына ему Грейс уже не родит, а значит, род его прервется.

– Как ты поступишь со мной, Дэвид? – спросил после паузы Бастард. – Велишь схватить и передать людям Перси?

– Переночуй, раз уж ты пришел. Но едва утихнет ненастье, ты должен покинуть Нейуорт. Пойми, пока я покрываю человека, находящегося вне закона, я сам могу оказаться в опале. Пока же пусть Оливер устроит тебя на хозяйственном дворе, на конюшне или в овчарне, где ты сможешь выспаться на сене...

Тут он умолк, заметив, что его старый капитан сделал им какой-то знак в темноте, а потом стал осторожно приближаться к двери. Резко распахнул ее.

– Тут кто-то был, – сказал он мгновение спустя. – Ускользнул, едва вы замолчали. Сообразительный, дьявол. Видите следы на снегу?

Дэвид разжег от угольев факел и осветил пространство за дверью. Под навесом кухни, у дверей, куда почти не попадал снег, отметин не было, но дальше по наметенному снегу яв-

ственно отпечатались следы, как будто кто-то спешно убегал.

— Пойду попробую выяснить, кто бы это мог быть, — произнес Дэвид и шагнул в темноту.

Но сама мысль, что за лордом в его собственном замке шпионят, была неприятна. Дэвид осмотрел следы — обычные башмаки с подбитыми гвоздями подошвами, довольно большие, — значит, это мужчина. Он прошел в зал, где слабо тлел огонь в очагах, вокруг которых, ближе к теплу, спали многие домочадцы. Обычно это были замковые слуги, солдаты же с семьями располагались в отдельной казарменной пристройке. Еще несколько привилегированных домочадцев имели отдельные помещения в верхних этажах донжона. И определить, кто сейчас мог выходить и следить... Казалось, все спали, накрывшись овчинами, и Дэвид понял, что будет выглядеть глупо, если начнет их расталкивать и рассматривать их ноги.

Ладно, завтра он расспросит всех и понаблюдает, как они будут себя вести.

Но следующий день прошел спокойно. Подморозило, слег лежал сугробами, и слуги расчищали двор и даже, дурачась, толкая друг друга в снег. Детвора затеяла игру в снежки, и Тилли была одной из заводил в игре. В кухне рано затопили, никто и словом не обмолвился, что ночью тут кто-то мог быть.

Так прошел день, другой. Дэвид просматривал с капелла-

ном Дериком счета, проверял траты и доходы по хозяйству, прибыль или убыток от продажи скота. При этом он приглядывался к Дерику, хотя уже понял, что навряд ли этот мелкий желчный святоша (неплохо помогавший ему, кстати, в подсчетах) мог быть ночью на кухне. Да и нога у мелкого Дерика не та, чтобы оставить столь крупные следы на снегу. Правда, днем Дэвид решил выяснить у Грейс, где мог быть ночью ее страж Клем Молчаливый, чем вызвал удивление супруги. Конечно, у себя в каморке. Клем все еще не оправился от простуды, порой он так кашляет и чихает по ночам, что она даже подумывает отправить его ночевать в большой зал, чтобы не мешал ей почивать.

Грейс по-своему была добра с теми, кто ей верно служил, дарила приближенным камеристкам свои богатые, но поднадоевшие одеяния, выдавала щедрое жалованье. Могла ли она настроить кого-то из них против господина? Оливер уверял, что Грейс вносит раскол в ту общность, какой ранее жили люди в Нейуорте, но старик всегда ворчал, говоря о миледи. Со стороны же все выглядело вполне мирно; рыжий Орсон игриво задевал одну из камеристок миледи, беленькую, как сметанка, Одри, и та выкраивала время от службы у миледи, чтобы поболтать на переходе лестницы с рыжебородым красавцем ратником.

– Если все будет спокойно, не посвататься ли мне этой весной к малышке Одри, сэр? – даже спрашивал Орсон у Майсгрейва.

– Если будет спокойно, – отвечал рыцарь.

Позже он пояснил сказал Орсону, чтобы тот не сильно рассчитывал на брак с камеристкой госпожи:

– Ты ведь наполовину шотландец, парень, а они для Грейс в одной цене с чумой. К тому же Одри как-никак ее любимица. Если она даст за девушкой хорошее приданое, то только в том случае, если сама подберет ей жениха. И сдастся мне, что это будешь отнюдь не ты.

Орсон какое-то время размышлял, поглаживая свою роскошную медно-красную бороду, а затем сказал:

– А ваше слово будет что-нибудь значить, если вы похлопочете за своего воина?

– Я попрошу за тебя, приятель. Однако не жди, что стану перечить жене. Грейс и так несчастна, чтобы я расстраивал ее и спорил по каждому поводу.

При этом он сделал вид, что не заметил взгляда Орсона. Этот рожденный от шотландца и англичанки нортумберлендец, как и другие в Нейуорте, считал, что их лорд слишком уж потакает супруге. Конечно, к калекам надо быть снисходительным, однако людям казалось, что увечье миледи стало тем копьем, против которого у их лорда не было щита. Грейс сначала просила, потом настаивала и, наконец, требовала – и он уступал.

Но Дэвид не мог иначе. Для прикованной к месту Грейс весь мир состоял из челяди и ее власти над ними. Отправляйтесь туда, принесите это. И если ей не угождали, она уре-

зала жалование, а то и велела Клему наказать неугодного. Клема спасало от общей неприязни лишь то, что он с явной неохотой выполнял подобные поручения. Хозяин же в этих случаях никогда не вмешивался и не отменял распоряжения супруги. А если в чем-то выступал против, то это приводило к ссорам между ними, истерикам Грейс, ее крикам и плачу. И Дэвид не уступал, как и ранее. В этом было некое равнодушие. Ибо, когда из сердца мужчины исчезает любовь, она уже не может вернуться.

Но пока Дэвид оставался в Нейуорте, он каждый день посещал Грейс. По утрам беседовал с женой о делах, даже порой завтракал с ней, терпеливо выслушивая ее жалобы и требования. Одним из таких было ее желание, чтобы Дэвид уделял ей больше внимания, а не проводил столько времени со слугами.

– Ты же бывал на юге, Дэвид, и знаешь, что там знать и слуги держатся отдельно друг от друга. Это не позволяет челяди чувствовать себя наравне с господами, а еще...

Дэвид поднимал руку, требуя, чтобы она замолчала, и с непреклонным спокойствием пояснял:

– На юге нет постоянной опасности, там властвуют совсем иные законы. И довольно об этом, Грейс! Не требуй, чтобы из-за твоих капризов я отдалился от своих людей!

Нелепые ссоры. Причем возникающие по любому поводу. То Грейс, вдруг ставшая на редкость внимательной к Матильде, заставляла дочь все время проводить за вышивани-

ем, хотя девочка ничего так не могла терпеть, как часами сидеть с ниткой и иголкой. К тому же ей приходилось слышать постоянные упреки матери, что, дескать, и шьет она неважно, и стежки ее никуда не годятся. А когда Дэвид пожалел дочь и взял ее с собой на смотр стрелков во дворе, жена заявила, что он сам отделяет от него Матильду, а потом укоряет ее, что она не любит их дитя.

Ее упреки выводили Дэвида из себя. Он мог сколько угодно отмастчиваться, но в душе накапливалось раздражение. И теперь он все чаще думал о задании Перси. Уехать в горный Хайленд, жить среди кланом, а заодно выяснить насколько реально выкрасть эту фею Мойру... Пусть задание и казалось ему нелепым и опасным, но это все равно лучше, чем постоянно ощущать, что тебе не мило в собственном доме.

Когда через неделю началась оттепель и снег стал понемногу сходить, Дэвид решил проехать со своими людьми по перевалам и проверить границы владений. Выводя лошадей из конюшни, Дэвид заметил, что и верный его жене Клем Молчун тоже седлает своего мерина.

– Ты уже полностью выздоровел, чтобы отправляться в путь, Клем? – осведомился рыцарь. И добавил: – Вроде я не приглашал тебя с нами в поездку.

Тот лишь сумрачно поглядел на него из-под надвинутого на глаза капюшона и молча повел коня к выходу. Это означало, что господин без лишних слов должен понимать, что распоряжения Клему отдает только миледи.

Однако на этот раз Майсгрейв окликнул его и спросил, куда это он намерен ехать. Клем вынужден был задержаться. Он порылся в суме и достал кожаный футляр, в каких обычно возили свернутые в рулон письма.

– К брату миледи еду, – все же удосужился ответить он.

Вернулся он на другой день. А вскоре Дэвид понял, куда и зачем отправляла Клема Молчуна Грейс. Ибо уже к полудню в Нейуорт от графа Нортумберленда прискакал довольно большой вооруженный отряд.

Возглавлял его дальний родственник Перси по имени Найджел, носивший прозвище Гусь, – его так прозвали из-за слишком длинной и худой шеи, казавшейся какой-то несуразной при достаточно мощном развороте плеч. Найджел тоже носил фамилию Перси, но держался просто, без их фамильной гордости. Более того, он чувствовал себя несколько смущенным при встрече с Майсгрейвом.

– Сэр Дэвид, прошу прощения, но у меня приказ обыскать ваш замок. Нам стало известно, что вы укрываете у себя злостного преступника Джона Герона, называемого Бастардом.

Дэвид лишь пожал плечами и отошел в сторону. При этом он поглядел на окна покоев Грейс. Так вот оно что... Слежка в собственном замке, и его жене известно, что он принимал объявленного вне закона Бастарда.

Странное это ощущение – узнать, что жена готова отдать мужа под суд, только бы чувствовать свою власть над ним.

Понял Дэвид и то, что если он просто разлюбил супругу, то она, оказывается, люто ненавидит его. Ведь Грейс прекрасно понимала, что ждет Дэвида за укрывательство объявленного вне закона человека. И хотя Бастарда уже давно не было в Нейуорте, Дэвид не сомневался, что ему самому эта история так просто не сойдет с рук. Как и хотелось того Грейс.

Так и вышло. Люди Перси не нашли означенного преступника, но Найджел Гусь все же приказал Дэvidу собираться и ехать с ними.

– Пусть Гусь лучше меня заберет, – шагнул к рыцарю Оливер Симмел. – Я старик, что с меня возьмешь? К тому же именно я впустил в крепость Бастарда. А ты нужен здесь, ты лорд Нейуорта.

Но Дэвид уже набросил плащ.

– Успокойся, старина, все в порядке. И хотя Перси точно знает, что Джонни Герон был моим гостем, он ничего мне не сделает. Я ему нужен, – добавил он с улыбкой.

Ибо у него было что сказать графу, дабы умерить его гнев. К тому времени Дэвид уже решил для себя, что Перси вряд ли сообщит властям о связи Майсгрейва с разыскиваемым разбойником, если он согласится выполнить его поручение в Хайленде.

Итак, он попытается развязать войну между кланами. А Грейс пусть остается одна в Нейуорте. По крайней мере, его люди не позволят ей сильно своевольничать. Тот же Оливер не позволит. Тот же Эрик или Тони Пустое Брюхо. И все

другие. На своих людей он всегда мог положиться. А вот веры Грейс у него больше не было. Женщина, готовая подставить под топор голову собственного мужа, больше ничего не значила в его глазах.

Глава 3. Манро и Маккензи

– Я припомню такого холодного мая!

Это произнес вождь клана Манро, Эхин по прозвищу Баллох, и при этом потрянул своими длинными кудрями так, что с них, как с шерсти отряхивающегося пса, полетели брызги дождя. А Эхин повторил:

– Клянусь Пречистой Девой, что за все прожитые годы, я не припомню такого ненастья в мае!

Оба спутника вождя, один – лысый, рослый священник в черной сутане, а второй – важного вида бородатый горец в берете с соколиным пером, одновременно отвернулись, чтобы скрыть невольные улыбки. Ибо юному предводителю клана Манро лишь недавно исполнилось семнадцать лет.

Через минуту священник первым обратился к вождю:

– Эхин, могу вас заверить, что каково бы ни было ненастье этих дней, но в праздник Воскресения Христова непременно распогодится и выглянет солнце. Так всегда бывало – так случится и в этот раз.

Юный Эхин поднял голову, посмотрел на небо, затянутое низкими тучами, откуда вот уже который час лил непрекращающийся дождь, и, сильнее натянул на лоб край клетчатого шерстяного пледа, служившего ему накидкой.

Они находились в пути третий день – и все время никакого просветления, только дождь, дождь, дождь. И все же

Эхин не жалел, что согласился на предложение вождя соседнего клана МакКензи, пригласившего его совместно отметить светлое пасхальное Воскресение в замке Эйлен-Донан. Нынче, когда враждующие кланы горной Шотландии должны наладить добрые отношения ради совместного похода на англичан, такое предложение Гектора Роя становилось явным поводом для того, чтобы забылась старая вражда. К тому же так Эхин Баллох сможет снова увидеть Мойру...

Этой белокурой красавицей юный вождь Манро бредил уже больше года. Его строгие наставники и старейшины клана Манро уверяли своего юного главу, что тут не обошлось без колдовства. Кто она, эта загадочная женщина неизвестно откуда возникшая и подчиняющая своим чарам всякого, кто на нее глянет? Но юному Эхину от этой таинственности Мойра казалась еще желаннее. И он даже заявлял на совете клана, что негоже, что столь редкая красавица живет в блуде со стариком МакКензи и что было бы куда предпочтительнее, если бы она стала подругой, а то и законной женой молодого и горячего парня. Такого, как он сам, например.

Эхин носил прозвище Баллох, что на гэльском означает «исток реки» или «тот, кто начнет род», так как после гибели прежнего вождя и его родичей в сражении при Экнашелохе Эхин оставался последним, кто мог продлить род вождей Манро в клане. И когда ему стали подыскивать достойную жену, юный Манро и слышать ни о ком не жалел, кроме любовницы Гектора Р, которую все считали то ли фейри, то ли

чародейкой...

– Я выкраду Мойру у старика МакКензи и обвенчаюсь с ней перед алтарем, – заявил Эхин. – С Гектором она живет невенчанной, так что нет препятствий, чтобы она стала моей законной супругой.

Бесспорно, горцы похищали женщин так же часто, как и угоняли скот. Но украсть возвеличенную и оберегаемую самим Гектором Роем женщину... Эхину объяснили, что это может привести к возобновлению вражды между кланами. Но он лишь отмахнулся. Разве не гласит известный закон горцев: «Мир или война – все едино!»

Эти дерзкие высказывания молодого Манро дошли до Гектора Роя, но он только посмеялся над самонадеянностью мальчишки Эхина. И уже то, что он пригласил юного вождя гостем на Пасху, указывало, как мало значат для МакКензи слова Эхина. А может, это приглашение было просто учтивостью и желанием заключить союз? Особенно теперь, когда все вокруг только и говорили о большой войне. Советники Эхина и впрямь надеялись, что речь пойдет как раз о союзе. Именно об этом заговорил с юношей его родственник Ремси Манро по прозвищу Хром (Хромой), какого старейшины отправили с парнем, чтобы тот присматривал за самонадеянным юнцом.

Вот и сейчас Ремси Хром, смахнув с усов капли влаги и поправив на голове берет с пером, важно произнес:

– Если вы обладаете хоть крупницей ума, Эхин Баллох, то

во время нашего пребывания у МакКензи обратите внимание на малышку Кэт МакКензи, племянницу Гектора Роя и сестру его соправителя Джона Киллина. Она уже расцвела и могла бы стать для вас неплохой женой.

— Хватит, дядя Ремси! — опять замотал головой Эхин, еще больше растрепав свои намокшие под дождем волосы. — Вы что же, думаете, что я раньше не видел эту крольчиху Кэт?

И он, обнажив передние зубы, шумно задышал, изображая сопение животного.

— Нет, клянусь знаком беркута на гербе Манро, я не желаю, чтобы мои дети имели торчащие изо рта зубы, как у Кэт МакКензи.

Строгий Ремси Хром только покачал головой. Зато ехавший с ними священник опять отвернулся, скрывая улыбку. Вернее, усмешку. Лицо у святого отца было грубое, жесткое, голова абсолютно лысой, отчего казалось, что плоская черная шапочка держится на ней, лишь прилепленная струями дождя. Его все называли отец Тутило, он много лет странствовал по горным приходам, совершая христианские богослужения, но внешность имел скорее воина, нежели священника — был высоким, жилистым, с широкими плечами, его движениях угадывались резкость и сила. Впрочем, лишь совсем не многие знали, что сей священник прежде всего был человеком графа Нортумберленда, его верным шпионом. Среди таких немногих был и Дэвид Майсгрейв, недавно прибывший в горный Хайленд под видом торговца и теперь

сопровождавший Эхина Манро в его свите. Именно на него указал Тутило, когда дядя и наставник юного Эхина съехал с тропы по малой нужде.

— Если вы подумываете о похищении фейри Мойры, молодой господин, то попробуйте переговорить с торговцем Дэвидом. Он ведь из клана МакЛейнов и, насколько я слышал о нем, он уже похищал женщин, причем успешно. И если вы с ним сговоритесь и он вам поможет... Думаю ваши мечты о дивной Мойре станут реальностью.

Тутило даже перекрестился, словно бы желая продемонстрировать юному горцу, какая это хорошая затея.

Эхин сразу посмотрел в конец двигавшейся за ним вереницы спутников. Как и положено вождю клана, его сопровождала свита из двадцати сильных клансменов Манро, но верховых было лишь несколько человек: возглавлявшие кавалькаду сам Эхин, его дядя и священник Тутило, а также завершающие кавалькаду трое торговцев из Инвернесса. Они выделялись среди горцев своей городской одеждой, штанами и куртками, в то время как остальные клансмены были одеты, как и полагалось жителям Хайленда, в туники до колен и обернутые вокруг бедер или переброшенные через плечо пледы. Обутые в грубые броги²², эти крепкие молодцы, проделавшие весь путь пешком, пробежали немалые расстояния быстрой размеренной рысцой, иногда переходя на размаши-

---

²² Броги — обувь шотландских горцев из недубленой кожи, ее шили мехом внутрь и обматывали ремнями.

стый шаг. Причем так скоро, что ехавшие за ними в конце кавалькады торговцы порой даже пришпоривали своих лохматых пони, чтобы не отстать.

Одним из торговцев и был закутанный в плед Дэвид Майсгрейв. Ну а его двумя спутниками были рыжий Орсон из Нейуорта, неплохо знавший гэльский выговор, и примкнувший к ним еще один лазутчик Перси, скромный и неприметный жестянщик из города Инвернесса, некто Роб. Все трое были представлены Эхину Балдоху еще перед выездом. Обычно такие торговцы-коробейники старались пристать для поездок по дикой горной местности к какому-нибудь вооруженному отряду. И сейчас Манро, слушая, что Дэвид уже имеет опыт похищения женщин, подумал, что если такой человек оказался в его свите, то это была просто воля Небес. Эхин уже неоднократно общался с этим рослым Дэвидом, он показался ему человеком ловким и если даже сам Тутило советует... Крест честной! Может непреходящая тоска Эхина по дивной фейри Мойре и впрямь однажды окончится, и он сможет узнать какого это возлечь с ней!

«А почему бы и нет? – размышлял юноша. – Этот Дэвид МакЛейн не из моего клана, но я пообещаю ему награду, и он постарается для меня. Причем ни на меня, ни на моих людей никто ничего и не подумает».

К вечеру отряд Манро разбил лагерь между холмов, на берегу узкого безымянного озера. Дождь, слава Богу, уже перешел на мелкую морось, и хотя было сыро и прохладно, кланс-

мены не стали разжигать огонь, а вытащили куль с мукой и принялись готовить в железной плошке драммак – обычную еду в горах при таких переходах, а попросту хлебало-во из овсяной муки, разведенной холодной водой. Без особых изысков, но достаточно, чтобы насытить желудок. Ремси Хром еще и выдал каждому по чарке горячительного асквибо²³, что было кстати, учитывая сырую погоду. После этого горцы и их спутники улеглись среди кустов вереска, закутались в пледы и приготовились почитать.

Дэвид устроился под кустом, подстелив под себя кусок пледа, а другим накрывшись почти до подбородка. Для него такая ночевка была привычной, а вот Орсон начал бурчать, дескать, эти дикари живут, как их скот, прямо под открытым небом, и ни харчевен у них нет, ни даже какого-либо жилища, где можно было бы обсохнуть у огня. Дэвид посмеивался над рыжим: это в Пограничье Орсону частенько напоминали, что он шотландец, а тут все кличут его англичанином. Раз в штанах, значит, он всего лишь сассенах – сакс, как называли горцы жителей низин. То есть чужак. Орсона это сердило, и он продолжал ворчать, пока на него не шикнул жестянщик Роб. Этот уже устроился, подложив под голову свой короб с поделками, и теперь болтовня Орсона мешала ему спать.

Но едва они стали подремывать, как к ним подполз отец Тутило. Молодой Эхин Баллох ждет торговца Дэвида у даль-

---

²³ Асквибо (гэльск.) – шотландская водка, изготавливаемая домашним способом из солода.

него края озера, сообщил он, и добавил со значением: мальчишка уже готов выложить задаток, если зеленоглазый МакЛейн возьмется выкрасть красотку старика Роя.

Это же повторил и сам Эхин, когда они стояли у воды среди разлапистых листьев папоротника. Юноша порой озирался, даже заставил торговца Дэвида опуститься на землю, чтобы их не заметили вместе, но при этом с самым гордым и заносчивым видом обещал, что озолотит его, если МакЛейн поможет ему с похищением.

Дэвиду даже захотелось смеяться. Ох уж эти горцы! Так щедры на обещания, хотя любой городской купец куда богаче, чем самые надменные предводители горских кланов. Но он не стал говорить об этом Эхину, а просто сказал:

– Конечно, я справлюсь. Но для этого надо, чтобы вы слушались меня во всем.

Эхин недовольно засопел. От него все требовали послушания: граф Хантли, старейшины его клана, отец Тутило, а теперь еще и бродячий коробейник из МакЛейнов. Но он слушал, что говорит Дэвид, и находил, что в его словах есть резон:

– Вы столько раз, Эхин Баллох, заявляли, что похитите возлюбленную Гектора Роя, что когда мы прибудем к МакКензи будут следить все от мала до велика. Так что разумнее будет показать, что вы изменили свое мнение и ваша пылкая страсть в прошлом. Держитесь от красотки подальше, а вот я, пришлый торговец, постараюсь сблизиться с ней и что-ни-

будь придумать.

Дэвид говорил это уверенно и дерзко и Эхин даже счастливо засмеялся. Потом совил его руку, стал говорить:

– Ах, ты даже не представляешь, Дэвид, какая она! Она идет, словно танцует, и кажется, что там, где она прошла, расцветают цветы. На ее личико можно смотреть неотрывно, забыв обо всем на свете. Она действительно фэйри, ибо никто из смертных не может быть столь прекрасен. А когда она смеется... О, добиться ее смеха непросто, но если это случается, то никакая музыка не может сравниться с ее мягким грудным смехом.

Эхин Баллох говорил о Мойре с придыханием, голос его становился сладким, как мед. Горцы вообще очень поэтичны, и сейчас юный Манро был готов сочинить балладу о своей возлюбленной. Однако Дэвид его прервал:

– Если вы не перестанете воспевать возлюбленную Гектора Роя, то из нашего похищения ничего не выйдет. И ваш дядя прав, уверяя, что вам стоит проявить больше внимания к зубастенькой Кет, племяннице Роя. Это будет выглядеть, словно вы и впрямь взялись за ум и готовы подтвердить союз с МакКензи через брак с родственницей вождя. Ну а я пока присмотрюсь к вашей Мойре, узнаю как ее сторожат и продумаю план похищения. И обещаю, что скорее воды этого озера высохнут до самого дна, если уже к следующему полнолунию вы не узнаете какова эта Мойра в любви.

Опять его уверенный и дерзкий тон убедил юного вождя,

и тот даже что-то напевал когда удалялся к месту их стоянки среди мокрых папоротников. Этот коренастый крепыш, не больно рослый, но ладный, румяный, с вьющимися волосами, был уже силен, как мужчина, но еще наивен как дитя. Не мудрено, что его и поныне наставляли старейшины Манро. Но теперь наставлять его будет Дэвид.

Сам Майсгрейв еще долго ворочался в своем плече и размышлял о предстоящем. Он раздумывал о том, что может представлять собой эта Мойра. Неизвестно откуда возникла, очаровала грозного МакКензи, и как говорят, вертит им так, словно он и впрямь околдован. Но ведь есть же и такие, кому не может нравится такое ее положение в клане. Вон Тутило уверяет, что знает на кого они могут положиться в этом деле. Во-первых соперник Гектора Роя, Джон Киллин, который хоть и занимал почетное место, но все же был вынужден смиряться перед волей дядюшки. Тутило, этот почитаемый в Нагорье священник, даже сумел переговорить с ним и вызнал, что мало что доставит Джону столько удовольствия, как лишить старшего МакКензи его отрады в лице этой женщины.

Еще был некто Малкольм Мак Рэ, много лет служивший Гектору Рою констеблем и даже отстоявший его замок Эйлен-Донан, когда шла война между дядей и племянником за главенство в клане. Причем именно в Эйлен-Донане старый Гектор укрывал тогда свое сокровище Мойру. Верный Мак Ре тогда поклялся, что не допустит, чтобы возлюбленная во-

жды досталась мятежнику Джону из Киллина. И он выполнил свое обещание, причем несмотря на то, что осаждавшие замок отряды Джона вырезали и съели весь скот Малкольма. А для горца, все богатство которых заключается в поголовье их скота, это была огромная потеря.

Но потом Джон Киллинг и Гектор Рой помирились, пришли к соглашению, однако ни молодой, ни старый вождь не стали возмещать убытки констеблю Мак Рэ. А когда он выставил требования, его просто сместили, отдав этот пост другому человеку. Даже красавица Мойра не вступилась за своего защитника. И если обычная верность клансмена вождям и удержала Малкольма от мести, то неблагодарную Мойру он просто возненавидел. И Тутило уверял, что этот Мак Рэ будет их верным сторонником в этом деле.

Была еще жена Гектора Роя, славная женщина из клана МакРанольд, которая по идее тоже должна была быть заинтересована избавиться от влиятельной любовницы мужа. Но тут получалось что-то неясное. Анна из клана МакРональд, или госпожа Нэн, как ее все называли, оказывается была в большой дружбе с Мойрой. Сама она, прожив с Гектором более тридцати лет и родив ему восемнадцать детей, из которых выжили только шестеро, теперь казалось была даже довольна, что муж больше не обременяет ее обязанностями на ложе. Для этого у него есть эта фэйри... Которая, к слову, за семь лет сожителства с вождем так ни разу и не понесла. К тому же госпожа Нэн, сама будучи по природе ленивой

и бесхозяйственной, очень довольна, что любовница вождя берет на себе все хозяйские обязанности. Вот и говорят, что жена и любовница Гектора Роя дружны и порой любят распить пару бутылочек доброго вина в компании друг друга.

То что Мойра пристрастна к спиртному Дэвиду сообщили, когда он еще собирался в шотландское Нагорье. Его это развеселило тогда. Другое дело, что образ предполагаемой жертвы получался какой-то неясный: ну да, красotka, при этом очень властная и хитрая, а еще неблагодарная и пренебрежительная к людям, учитывая, что не заступилась за Малкольма Мак Рэ. При этом пьяница – что совсем уж забавно. Надо учесть еще, что она бесплодна, если за все это время так и не забеременела от столь плодовитого кнура. Это только мальчишка Манро мог стремиться к такой женщине, не думая о своем долге продолжателя рода.

Так что если пока Дэвид находил в предполагаемой жертве что-то привлекательное, так только то, что она дружна с женой вождя. Хотя это скорее заслуга госпожи Нэн. Славная должно быть жена у Гектора Роя, подумал Дэвид. И невольно вспомнил ревнивую ненависть своей супруги Грейс. Но о Грейс думать не хотелось. Из-за он уехал за много миль от родного дома, и самое последнее, что ему теперь надо, это вспоминать жену.

Утро после холодной мглистой ночи выдалось на редкость ясное и пригожее: легкий ветерок колыхал веточки желтых

соцветий дрока по берегам озера, по небу плыли облака, а под ними по земле и водам озера тянулись длинные тени. Настал день светлого Воскресения, и отец Тутило провел богослужение, едва все поднялись. Горцы стояли коленопреклоненными и истово молились, а потом стали обниматься и поздравлять друг друга с праздником. Довольно мнительные, верившие в гномов и всяких водяных духов, не придерживающиеся постов и редко посещавшие церковь, они тем не менее искренне почитали Иисуса Христа и Его Пречистую Матерь. Ну а после службы и причастия все стали собираться, причем постарались привести себя в порядок: расчесывались, заплетали длинные волосы в косы, доставали яркие пледы – хотели показать, что они не какие-то дикари из горных ущелий, а достойные клансмены Манро.

Эхин Балох оделся особенно нарядно. На нем была туника из замши песочного цвета, клетчатый плед яркой красно-зеленой расцветки, который был обернут вокруг его талии, образуя килт, а другой конец закинут наискосок через грудь и закреплен на плече застежкой со знаком клана Манро – раскрывшим крылья беркутом. Ради праздника (а может, и перед встречей с возлюбленной) он расчесал свои кудрявые длинные волосы и водрузил на голову берет с пером: перо на шляпе горца указывало, что он знатного рода.

Наблюдая все эти сборы, Орсон даже осведомился у Дэвида, а не принарядиться ли и им тоже? Майсгрейв лишь отмахнулся. Они простые торговцы, чужаки тут, и им не сто-

ит привлекать к себе особого внимания. Пусть лучше Орсон проверит, насколько хорошо связаны тюки с товарами, которыми были навьючены пони.

Орсон лениво принялся выполнять поручение, но был так неуклюж, что в итоге Майсгрейв сам взялся за дело, тщательно проверяя все ремешки и узлы, стягивающие поклажу. По меркам шотландского Нагорья тут было целое богатство – и перчатки из мягкой кожи, и ремни с пряжками, а главное – подарки для Мойры: мешок с ароматным кастильским мылом, узел с лимонами, а также несколько кожаных фляг с вином. На вине Эхин настаивал особо, уверяя, что его красавица очень любит хорошие дорогие напитки из виноградной лозы. Ну да, Дэвида уже знал об этом, и это усиливало его неприязнь к женщине, которую предстояло похитить: пьющая женщина не являлась чем-то достойным в его глазах.

Отдельно Дэвид упаковал особый подарок для Джона Киллинга. Это был редкой красоты стилет и одновременно знак, по которому племянник Гектора Роя поймет, что пора выполнять обещание за которое ему платил Перси, и помочь похитить властную любовницу дядюшки.

Когда со сборами было покончено, Манро тронулись в дорогу, но проехали совсем немного, когда услышали отдаленный звук волынок. В тихом безветренном воздухе все четче стали слышны звуки древнего горского пиброха²⁴ «Мир или война».

---

²⁴ Пиброх – мелодия с вариациями, исполняемая на волынке.

– Это МакКензи выслали нас встречать! – довольно про-
сиял Эхин.

Его дядя Ремси подтвердил это:

– Мы ведь уже в землях МакКензи, мы их гости, и было бы странно, если бы они не проявили к нам учтивость.

Вскоре они увидели на холме играющих на волынках гор-
цев, а также несколько всадников с гербом МакКензи на
скреплявших складки клетчатых тартанов значках – головой
оленья с ветвистыми рогами. Ехавший теперь подле Дэвида
отец Тутило сообщил, что возглавляет встречающих некий
Кристофер Мак Рэ, новый констебль клана.

– Он возвысился после того, как лишили этой должности
Малкольма Мак Рэ. Сближаться с ним не нужно, а вот когда
увидим Малкольма...

Дэвид лишь кивнул. Он уже понял, через кого будет дей-
ствовать.

Пока же новый констебль Кристофер приветствовал во-
ждя клана Манро. Простота гэльского языка и обычаев от-
брасывает все почетные титулы, и к вождю можно обращаться
по имени. Орсон, наблюдавший со стороны, как запросто
общаются Эхин и человек от МакКензи, даже охнул от
неожиданности:

– Клянусь бородой, милорд, они так просты... Ох!

В следующий момент Орсон вскрикнул, ибо Дэвид локтем
дал ему под дых.

– Еще раз обратишься ко мне как к господину... лишишь-

ся своей прославленной бороды.

Тут он заметил, что Кристофер Мак Рэ смотрит в их сторону, и поспешил помахать рукой, выражая приветствие, как и полагалось заезжим торговцам, желающим расположить к себе членов клана. Опешивший Орсон только моргал, наблюдая, как его рыцарь и господин добивается милости какого-то голоногого горца, обернутого в плед.

Но Кристофер Мак Рэ довольно милостиво кивнул в ответ торговцам. К таким заезжим в горы Хайленда купцам тут относились с уважением. И не только потому, что они привозили редкие в горной стране товары, но и потому, что считалось, что в эти беспокойные места могли отправиться только смелые люди, умевшие за себя постоять.

К месту встречи путники прибыли, когда солнце уже перевалило за полдень. Дэвид даже застыл в первый миг, восхищенный открывшейся перед ним картиной. Они находились на склоне поросшего лесом холма, откуда открывался вид на слияние трех лохов, – так местные жители называли длинные заливы между холмами. И там, где их воды соединялись, на небольшом островке высился, словно суровый, но прекрасный мираж, замок вождей МакКензи Эйлен-Донан.

Место для возведения замка было выбрано на редкость удачно. Тот, кто владел замком, мог контролировать и все длинные заливы – Лох Дьюк, Лох Лонг и Лох Элш. К замку на острове вел арочный мост, одна секция которого в случае опасности поднималась, а само строение представляло со-

бой большой солидный дом со всеми признаками крепости – зубчатыми парапетами, узкими окнами в толще стен, высокой башней, победно возвышавшейся над окрестностями. Эйлен-Донан словно царствовал над зеркальными водами, а берега вокруг были покрыты множеством белых нарциссов, напоминавших россыпи звезд. Холодный май не помещал им взрасти, и теперь они удивительно гармонично смотрелись на фоне окрестных гор, поросших темными хвойными лесами, красиво отражавшихся в спокойной глади озер.

Но очарование местности несколько умаляло людское столпотворение на берегу перед мостом к замку. Судя по дыму от костров, запаху жареного мяса и веселому гомону, близ замка МакКензи собрались все люди клана и там полным ходом шла подготовка к веселому пиру.

Когда отряд Манро приблизились, клансмены МакКензи и их женщины приветствовали гостей радостными возгласами. Те в свою очередь весело откликались, так что, если не знать, как долго между Манро и МакКензи существовала вражда, можно было подмать, что это едва ли не встреча родственников. Но горцы обычно легко сближались, когда не было причин для схваток, словно подтверждая старинную поговорку: «Мир или война – все едино». К тому же все они были верующими людьми, отмечали Пасхальное воскресенье, и чем это не повод, чтобы отложить оружие и повеселиться?

Когда Эхину Баллоху и его спутникам сообщили, что сам

Гектор Рой с супругой и детьми еще не вернулся с праздничной службы из соседнего аббатства, никто не расстроился – они непременно скоро придут, и тогда начнется веселый пир. Пока же клансмены Манро беспечно влились в толпу и стали помогать с приготовлениями, а самого молодого вождя и прибывших с ним торговцев по арочному мосту проводили в Эйлен-Донан.

Едва они спешили во дворе, к ним сразу поспешили гилы – как называли мужскую прислугу в кланах. У гостей приняли их пони, стали поднимать туки с товарами. Двор замка был невелик, и озираясь по сторонам Дэвид обратил внимание на наблюдавшую за ними с каменной галереи над входом женщину, закутанную в плед МакКензи. Она вскоре отступила внутрь замка, но Дэвид успел разглядеть ее привлекательное личико, на котором выделялись большие глаза, темные брови и яркий рот. И почему-то сразу понял, что это и есть прославленная красавица Гектора Роя. По крайней мере, то, как смотрел ей вслед Эхин Баллох, подтверждало его догадку.

Но еще один человек не сводил глаз с галереи. Это был рослый пожилой горец с пышной седой шевелюрой и широкой бородой. Причем взгляд его был исполнен такой ненависти, что, обладая он смертоносной силой, от промелькнувшей на галерее красавицы не осталось бы и тени.

Подле Дэвида оказался священник Тутило.

– Смотри, парень, это и есть опальный Малкольм Мак Рэ,

от которого в немалой мере зависит успех нашего предприятия.

Дэвид, оглянувшись, встретился взглядом с Малкольмом. Горец смотрел на торговца безо всякого выражения, а отец Тутило, проходя мимо, даже осенил его крестным знамением, однако тот никак не отреагировал на благословение.

Гостей ввели в холл, оказавшийся по-своему роскошным и внушительным. Дневной свет проникал сюда через открытые узкие окна, и можно было рассмотреть развешанные по стенам охотничьи трофеи – клыкастые головы кабанов, шкуры рысей, рогатые головки серн, а по центру висела мастерски выполненная голова крупного оленя с огромными ветвистыми рогами. Под ней в резном кресле сидел молодой темноволосый парень, которого окружала группа рослых крепких охранников лейхтахов – телохранителей вождя.

Эхин и его родственник Ремси Хром стали перед ним, приветственно прижав руки к груди.

– Мир тебе, Джон МакКензи из Киллина! Слава Иисусу Христу в светлый день Пасхи!

– Во веки веков, – отозвался племянник и соправитель Гектора Манро.

Дэвид присмотрелся к нему, видя в нем прежде всего того, кто может им помочь. Собой Джон был особо ничем не примечателен, длинноволосый и худощавый, лицо скорее замкнутое, чем открытое, и только его роскошная одежда обращала на себя внимание: богатый рыжий бархат его дубле-

та покрывала роскошная вышивка, складки переброшенного через плечо пледа скреплены брошью с крупным самоцветом, а спорран, поясная сумка, сшитая из блестящей шкуры морской выдры, отделана серебром. Всем своим видом Джон из Киллина словно пытался подчеркнуть высокое положение в клане, но был достаточно учтив, чтобы подняться навстречу гостям.

– Рад приветствовать вас в Эйлен-Донане, храбрые мужи. Мир вам и привет под этим кровом.

По его знаку к гостям вышла худенькая светловолосая девушка, державшая в руках рог с положенным приветственным напитком. Причем сперва она сама сделала из него, глоток, по обычаю демонстрируя, что угощение не отравлено. И только после этого протянула рог Эхину. При этом она улыбнулась и стало заметно, что у нее сильно выступающие вперед крупные верхние зубы. Крольчиха Кэт, догадался Дэвид. Предполагаемая невеста Эхина, о которой он так пренебрежительно отзывался.

Он и сейчас ограничился лишь кратким ковом, и, едва пригубив напиток, передал дяде Кристоферу. И тот еще не закончил пить, как Эхин сообщил, что с ним прибыли торговцы из Инвернесса, дабы любезные МакКензи смогли выбрать из их товаров подарки себе по душе. А он, Эхин Баллох, вождь славного клана Манро, берется оплатить все, что они пожелают.

Повинуясь его знаку, Дэвид стал выкладывать содержи-

мое своего мешка: пряжки, чеканные фибулы²⁵, несколько отрезков ткани, бляхи для наборных поясов.

– Прошу особо взглянуть на этот кинжал, благородный тан²⁶, – обратился он к Джону, выкладывая заранее заготовленный стилет, украшенный вырезанной из янтаря головой волка.

По уговору Джон должен был знать, что получит такой знак. Однако сейчас он сильно вздрогнул, побледнел и стал лихорадочно озираться. Это вызвало некоторое замешательство, и Дэвид мысленно обозвал Джона МакКензи глупцом. Неужели этот олух не понимает, что его поведение может показаться странным? И когда Джон брал в руки стилет, служащий знаком, его руки так дрожали, что он даже уронил его.

Майсгрейв постарался отвлечь присутствующих, начав красноречиво расхваливать товар и предлагая младшему вождю МакКензи то на обтянутые кожей ножны с металлической отделкой, то перчатки с вышитыми раструбами. А вот эту длинную расшитую тесьму тан может приобрести в дар для этой милой леди, что стоит у окна, указал мнимый торговец на Кет, при этом учтиво кланяясь и приложив руку к груди.

И тут рядом раздался спокойным мелодичный голос:

---

²⁵ Фибула – металлическая застежка, скрепляющая складки одежды и одновременно служащая украшением.

²⁶ Тан – древний титул знатной особы, сохранявшийся в некоторых краях достаточно долгое время.

– Разве ты, Джон, не предложишь и мне посмотреть привезенные товары?

Теперь она была без пледа, в богатом платье красного бархата, которое, на взгляд Дэвида, уже давно вышло из моды: с завышенной талией, узкими длинными рукавами и треугольным вырезом. Подобные носили лет двадцать назад, не меньше. Но и в нем прославленная красавица Мойра была так очаровательна, что Дэвид впервые подумал, что понимает тех мужчин, которые потеряли от нее голову.

Достаточно высокая, чтобы выглядеть величавой, длинноногая, с высокой грудью и покатыми плечами, она казалась изящной и грациозной. Ее свободно распущенные волосы, были лишь немногим темнее того, что принято называть льняными, и красиво вились пышными локонами, ниспадая на плечи и обрамляя ее выразительное, исполненное достоинства личико. Пожалуй это первое, что отметил в ней для себя Дэвид – достоинство.

А еще уверенность. Это было видно по тому, как она невозмутимо прошла между расступившимися клансменами и стала небрежно перебирать разложенные товары. Левой рукой, как отметил Дэвид. Похоже, фейри была левшой – люди считают, что так и бывает у представителей маленького народца. Фейри, как ее тут называли. И она действительно могла околдовывать, если Дэвид на какой-то миг забыл о своем задании, просто смотрел, как она мило выпятила в недовольной гримасе губку, при этом оставаясь необычайно

привлекательной.

Похоже красотке не понравились товары и она хотела уйти, когда Эйхин подался вперед и загородил ей путь:

– Не оставляйте нас так быстро, дивная Мойра. У этих людей есть товары, какие я велел отложить лично для вас. Эй, Дэвид, Орсон, покажите, что вы приберегли для первой красавицы во всем Хайленде!

Ну да, это заготавливали заранее – и кастильское ароматное мыло, и редкие в этих краях лимоны. Мойра взяла их почти все, заметив Джону, чтобы он расплатился с лоточником, на что тот лишь проворчал, что скоро вернется Гектор Рой, пусть он и раскошеливается для своей красоты.

– Ты всегда был сквалыгой, Джон, – грациозно пожала плечами Мойра. – За это тебя никогда не будут так любить в клане, как Гектора Роя. Ну что ж, я ухожу. Может, только позже... Думаю торговцы останутся на наше праздничное гуляние? – добавила она наконец посмотрев на Орсона и Дэвида.

На Дэвиде Мойра задержала взгляд немного дольше. И взгляд ее был цепким, изучающим. У Майсгрейва невольно сложилось впечатление, что она сделала некий вывод на его счет для себя. Он невольно напрягся. Хитрая девка. Хитрая и умная. Он невольно перевел дыхание, когда она отвернулась.

Позже он вновь увидел Мойру, когда она следила за приготовлениями к пиру. Красавица расхаживала в своем алом

платье среди костров, смотрела, как жарятся на вертелах бараньи и козьи туши, подходила к выложенным раскаленными камнями ямам, где тушились в огромных количествах говядина и дичь, приказывала щедро поливать жиром уложенные на решетках ломти свинины. И хотя теперь ее алое платье было прикрыто широким передником, но все равно она тут и впрямь казалась существом из другого мира – фея, дух, королева... некая райская птичка, попавшая в стаю воробьев. А еще Дэвид отметил, что люди МакКензи относятся к ней по-разному: одни приветливо с ней заговаривали, другие, наоборот, смотрели хмуро и украдкой делали старинный охранительный знак от темных сил. Но то, что Мойра была тут особа известная, нельзя было не учитывать. Как тайно увести женщину, которую знает каждый человек в клане?

От Дэвида не укрылось, что местные женщины порой поглядывают на эту нарядную красавицу настороженно, а одна даже одернула своего широко улыбавшегося Мойре супруга и стала выговаривать ему:

– Не пялся на нее. Или не знаешь, что она может наложить заклятие? Припомни-ка лучше, что произошло с Малкольмом Мак Рэ, когда она наслала на него свои чары. Из-за нее вся его жизнь пошла прахом.

Упомянутый бывший констебль сидел в стороне от собратьев по клану на одном из выступавших из вод залива валунов. Седовласый великан выглядел одиноким, его как будто

избегали. Только священник Тутило приблизился к нему и о чем-то долго разговаривал. Со стороны казалось, что священник увещевает Малкольма, но Дэвид в этом сомневался, зная, как умеет обрабатывать людей хитрый Тутило.

Сам же Майсгрейв смешался с толпой клансменов, общался с ними, но при этом незаметно оглядывал окрестности, отмечал, куда ведут тропы, где склоны пологие, а где круто уходят вверх. Отметил, сколько лодок в заливах, а сколько лежат на берегу. И хотя в основном это были простенькие куррахи²⁷, их было довольно много, из чего Дэвид сделал вывод, что увезти Мойру на одном из них, когда придет время, будет совсем несложно. И у него даже возникло решение, куда можно будет скрыться с похищенной женщиной... Хотя до этого еще так далеко и еще не известно сможет ли он выполнить дерзкий план Перси. Пока что лишь обнадеживало лишь то, что Тутило все еще болтает с Малькольмом и тот с готовностью кивает на его слова. Ну и Джон Киллин вроде как успокоился и даже помахал рукой Дэвиду, когда переходил по мосту на берег, где готовилось пиршество.

С людьми клана Джон держался наоборот уверенно и властно. Указал, где расставить козлы для столов, как укладывать на них длинные доски столешниц. По его знаку из замка по мосту на место пиршества выкатывали все новые бочки с напитками, несли связки колбас, корзины с яйцами.

---

²⁷ Куррахи – лодки, сделанные из воловьих шкур, натянутых на ивовый каркас.

Обычно горцы питались весьма скромно, теперь же многие из них пришли за много миль из дальних хуторов и деревушек, чтобы вкусить свою долю от щедрот вождей.

Дэвид принял из рук какой-то доброй женщины чашу с блендом²⁸ и стоял, неспешно прихлебывая, когда чуть не поперхнулся, заметив, как Эхин пытается обнять Мойру. Проклятье, он ведь сказал мальчишке, чтобы он не таскался за женщиной, которую похвалялся похитить!

Дэвид слышал, как молодой Манро говорил Мойре:

– Почему твое красивое личико так серьезно, когда все улыбаются?

– Просто я озабочена тем, хватит ли припасов на такую толпу, – мягко отстраняясь она от наступавшего на нее юноши, отводила его руки.

– И это все, что тебя интересует, красавица моя?

Она засмеялась.

– О, еще меня интересует, смогу ли я в это полнолуние уйти поплясать на томнахурих²⁹.

Эхин перестал улыбаться и невольно перекрестился. Томнахурих – холм эльфов, маленького народца, которые не так и милостивы к простым смертным. А Мойра заметив его смущение, звонко рассмеялась.

– Ты не опасаясь, что я совсем зачарую тебя, Эхин Баллох? И ты пропадешь на многие годы, если пойдешь со мной

---

²⁸ Бленд – шотландский напиток, смесь пахтанья с водой.

²⁹ Томнахурих – холм эльфов.

плясать в лунную ночь?³⁰

Юноша гордо вскинул голову.

– А ты попробуй позвать меня – и узнаешь. Но учти, красавица, я умею не только плясать, но и жарко целовать. И едва ты узнаешь, как я целуюсь, сразу забудешь своего старика Гектора. Это так же верно, как и то, что гора Бен-Невис неизбежно стоит на земле тысячи лет!³¹

Мойра перестала смеяться:

– Я не могу стать твоей женой, Эхин. Я уже жена Гектора Роя. И клятва, произнесенная им о нашем браке перед всем кланом, нерушима... как та же гора Бен.

– Ты забываешь, что старина Гектор обвенчан с другой. Неужели ты хочешь, чтобы у вождя МакКензи были неприятности с церковниками из-за тебя? Чтобы его обвинили в многоженстве или блуде?

Дэвид, стоявший к ним спиной, невольно усмехнулся – Эхин знал, чем уколоть Мойру: разговоры о том, что МакКензи двоеженец, сильно портили репутацию вождя, да и проблемы с Церковью у него были. Однако женщина ответила вполне спокойно:

– Пока мой Гектор будет нужен королю, отцы Церкви не посмеют навредить вождю столь большого клана, как Мак-

---

³⁰ По старинным преданиям, феи могли завлечь человека в свой хоровод, и тогда он попадал в их мир, а для простых смертных исчезал на многие годы, хотя сам считал, что провел с феями совсем немного времени.

³¹ Бен-Невис – гора в Шотландии; является наивысшей вершиной Британских островов. Местные жители часто называют ее просто Бен.

Кензи.

– А если он станет не нужен? Что тогда ожидает тебя, красавица Мойра?

Она откинула за спину волну своих пышных волос.

– Ну, тогда я вернусь к маленькому народцу в полые холмы.

И пошла прочь, игриво покачивая бедрами. Было ясно, что она не прочь подразнить юного вождя Манро. А он даже застонал, глядя ей вслед.

И тут же рядом оказался его дядя Ремси Хром.

– Отстань от этой женщины, Эхин Баллох!

Юноша с обиженным видом отошел. Но, заметив стоявшего неподалеку Дэвида, сказал:

– Ну что, видел, какова она? Может, она и впрямь фэйри и я просто околдован?

Дэвид обнял его за плечи:

– Послушай меня, парень, когда ты возляжешь с ней и узнаешь, насколько горячо ее лоно, ты перестанешь верить, что она не совсем человек. И когда она понесет от тебя дитя...

– МакКензи она не подарила ребенка, – задумчиво отозвался Эхин.

– МакКензи уже стар. А ты молод и горяч. Ты истинный жеребец. Тебе всего семнадцать, но я слышал, что у тебя уже есть пара крепких сынишек.

– Это так, – тряхнул кудрявой головой юноша. – И уж ко-

гда она станет моей... Но когда, Дэви? Когда?

– Надеюсь, что скоро. Если ты хотя бы на время оставишь ее в покое, как я тебя и просил.

Эхин насупился и пошел прочь. А Дэвид заметил, что совсем неподалеку от него находится жестянщик Роб. Этот парень все время околачивался в толпе на берегу, успел уже распродать и обменять на выделанные шкуры и кожу часть своего товара и теперь паковал остатки товара в короб.

– Может зря мы ввязались в это дело в угоду Перси? – негромко сказал Роб Дэвиду. – Я давно живу а Хайленде и могу представить, что случится, если мы похитим Мойру. Помяните мое слово: когда Гектор Рой узнает, что его девушка похищена, всего вереска Шотландии не хватит, чтобы мы смогли скрыться от его мести.

– Причем тут мы, Роб? Гектор Рой ни на миг не будет сомневаться, что его фейри похитил дерзкий Манро. И разве не это нужно Перси, чтобы в шотландском Нагорье разгорелась война?

– Да, из-за нее они и впрямь будут драться, – согласился Роб, потирая свою плешивую бородавку. – Но ведь эта Мойра... Вот уж ведьма, истинно ведьма. Бывая тут, я и раньше не раз замечал, как она использует свои чары. И глаза ее – главное оружие! Сперва просто посмотрит на тебя, словно случайно, и тут же растерянно отведет взгляд. Затем медленно, будто против воли, вновь смотрит на мужчину, но так, как если бы он был единственным в мире. О, любой от тако-

го голову потеряет.

– Ты так говоришь, Роб, словно она и тебя очаровывала.
Роб чуть скривился.

– Эта Мойра никого не пропускает. Я видел, видел. Они тут все в нее влюблены – и Гектор Рой, и бывший констебль Мак Рэ, и нынешний. Я уже про Джона Киллина не упоминаю, но и он в сетях этой чародейки.

– Почему же тогда он согласился помочь похитить ее? – усмехнулся Дэвид.

– Просто он желает освободиться от нее. Ибо для него мука – смотреть, как каждый вечер Гектор Рой уходит в свои покои, обнимая Мойру.

В этот миг Дэвида отвлек какой-то шум в стороне. Клансмены громко приветствовали самого приближавшегося Гектора Роя.

Старый вождь появился во главе внушительной свиты, в окружении своих детей, жены и лейтахов. На берегу сразу заиграли волынки, люди стали шуметь, а воины принялись стучать оружием. В этом выражались их любовь и почтение признанному вождю клана.

Дэвид внимательно разглядывал прославленного Гектора Роя. Вождь был уже в летах, и первое, что бросалось в глаза при взгляде на него, это пышная седая грива волос, ниспадавшая на плечи и спину подобно накидке. Когда-то она и впрямь была рыжей, но сейчас из-за обилия седины казалась скорее розовой. Широкое мясистое лицо Гектора было

обильно усыпано веснушками, брови совсем выцвели, а вот борода и пышные рыжие усы еще были яркими, куда рыжее поседевшей гривы.

Гектору Рою уже давно было за пятьдесят, его крупное тело указывало на пристрастие к обилию пищи, но стоило увидеть с каким величием он сошел с лошади, чтобы понять, что сил в старине Рое еще немало. Он был в клетчатой накидке и килте, его крепкие ноги обвивали крест-накрест ремни башмаков, а у плеча, где длинные волосы соприкасались с перекинутым через плечо пледом, сверкала позолоченная голова оленя – знак клана. И вообще он выглядел значимо и надменно, и Дэвид понял, почему старый вождь так почитаем здесь, – Гектор Рой полностью затмевал своего невзрачного ничем не примечательного племянника.

Однако сейчас Гектор держался с младшим вождем вполне миролюбиво. Когда тот подошел, старший МакКензи просто положил ему руки на плечи, и они облобызались, поздравляя друг друга со светлым Воскресением, – надо же было напомнить остальным клансменам и их женам, ради чего устроен сегодняшний пир. А потом Гектор шагнул к стоявшей неподалеку Мойре и с юношеской страстью впился в ее губы. Вокруг раздались веселые возгласы и добродушный смех. И что бы ни думали остальные МакКензи о любовнице своего вождя, сейчас они просто радовались, что он все еще сильный муж, все еще силен и пылок.

В стороне сходила с лошади законная жена Гектора Роя

– тучная, обряженная в голубой клетчатый плащ женщина с бледным оплывшим лицом. Если когда-то она и была хорошенькой, то теперь ничего не напоминало об этом. Зато Дэвиду было забавно наблюдать, как эта госпожа Нэн приветливо держится с Мойрой, несмотря на то, что муж куда больше внимания уделяет юной красотке, нежели почтенной матери своих взрослых детей.

Позже, когда все расселись за столами и стали пускать по кругу задравные чаши, Мойра по-прежнему следила за проведением пира, тогда как леди Нэн просто расположилась по правую руку от мужа, улыбающаяся и всем довольная. Дэвид подумал, что, наверное, хорошо жить с такой приветливой и благодушной женой. Казалось все, что ее интересовало в этот миг, это угощения на столе. И она сразу же взялась за жаренный окорок, еще до того, как гости закончили пускать по кругу чаши и говорить здравицы. Правда, ей пришлось отставить еду, когда поднялся суровый Тутило и принялся громко читать молитву. Шум тут же стих, все молитвенно сложили руки и усердно шептали, повторяя заученные изречения, пока священник не сказал свое последнее «Аминь!».

Горцы славятся гостеприимством, а уже то, что в гостях у них кроме Манро были еще несколько мелких вождей, заставило их постараться на славу, и теперь столы ломились от обильного угощения. Больше всего тут было мяса – свинина, оленина, говядина, кровяные колбасы, а также так называемый брот – мясной сок, считавшийся отменным лакомством.

Было на столах и множество рыбы, тушеной, вяленой и жареной. Немало подавалось молочных блюд, брусков сливочного масла и всевозможных сыров, которым также отдавали должное. Скуднее всего было с хлебом. Горцы не были пахарями, считая копание в земле недостойным занятием, поэтому небольшое количество мучных изделий, припасенное для пира, выставляли лишь перед самыми прославленными воинами клана и гостями.

Дэвид, как и его спутники Орсон и Роб, были усажены неподалеку от Манро. Дэвид заметил, что Эхин и его дядя Ремси Хром от подобного изобилия на пиру даже приуныли, – их клан был куда беднее обласканных властями МакКензи. И все же они держались горделиво и с достоинством, неспешно ели, часто отказывались от того или иного лакомства. Зато их клансмены особо не чинились: дали поесть – надо есть, – и старательно налегали на еду. Тем более что приглашенный на празднество бард вовсю декламировал стихи о еде:

Без пищи, изо дня в день вкушаемой,
Меч воина становится тяжелым для его руки;
Наше тело – раб наш, но раба нужно кормить,
Если хочешь, чтобы он служил исправно.

Такие чтения в начале пиршества служили у горцев при знаком хорошего тона, как и уважения пирующих к самим бардам и чтецам. Один из них встал между столами и тор-

жественно прочел родословную МакКензи, которая возводилась к самому Конаху МакКонаху, ставшему родоначальником клана триста лет назад. При этом много говорилось об оленьих рогах – знаке клана. Бард красиво и нараспев поведал легенду о том, как один из МакКензи спас от раненого оленя короля Александра III. Тогда им и были дарованы земли в местности, называемой Кинтайл, ну а в дальнейшем мощь клана росла за счет других кланов. Бард громко вещал о победах МакКензи, и это вызвало бурное ликование членов клана. Вновь стали наполняться кубки и рога, все пили за вождей клана, за именитых предков, а также желали здравствовать друзьям и соратникам славных МакКензи.

Манро были тут гостями и вынуждены были вторить прославлению МакКензи. Гектор Рой порой со снисходительной улыбкой наблюдал за ними. В какой-то миг он спросил юного Манро про Дэвида:

– Смотрю, Эхин, ты не поленился привезти с собой в наши края этого рослого парня в штанах. Он сассенах?

– Какая разница, Гектор? Я могу поручиться за него, и этого должно быть довольно.

Но тут Мойра склонилась к Гектору Рою и стала что-то негромко шептать, не сводя глаз с Дэвида. Вождь хмыкнул.

– А вот Мойра уверяет, что этот парень с хитрыми кошачьими глазами скорее воин, нежели торгош. Каждому известно, что женщины гор откровенны и не стесняются высказывать свое мнение, а моя Мойра к тому же мудра и на-

блюдательна. Поэтому я спрашиваю – не чужак ли привезенный тобой торговец? Не лазутчик ли с низин? Но ты поручился за него, Эхин Баллох. И еще спрошу – вы, случаем, не в дружбе с ним?

В устах горца это означало – не в родстве ли. И Эхин ответил, подбоченившись:

– Я бы не привез к тебе чужака, Гектор Рой. Но прекрасная Мойра права: это Дэвид МакЛейн. И он в родстве со мной, как и все МакЛейны, ибо моя мать была из их клана.

– МакЛейн? Слышал, что нет воинов лучше, чем в этом клане. И они обычно нанимаются как воины, а не шляются по миру, торгуя безделушками. Чем же ты так пришелся своему клану, парень, если снизошел до подобного занятия?

– Ты зря считаешь, что я занимаюсь пустым делом, тан, – шагнул вперед Майсгрейв. – Много ли ты знаешь торговцев, какие осмеливаются заезжать в эти горы? А я вот готов оберегать свое добро с оружием, и пусть кто попробует встать у меня на пути.

– Значит, моя Мойра правильно определила, что ты не купеческого сословия. Но как вышло, что ты отказался от привычного ремесла МакЛейнов? Ты совершил что-то неблагоприятное?

– Ты хочешь опозорить меня перед всем собранием, вождь? – Дэвид смотрел то на Гектора, то на пристально разглядывавшую его Мойру. Хитрая, проницательная девка, ее так просто не проведешь. И Дэвид вынужден был сказать: –

Да, я ушел от МакЛейнов. Я нарушил один из законов своего клана. И стал изгоем.

– И ты столь смело говоришь об этом? Для клансмена самое страшное наказание – лишиться поддержки клана.

– Пусть скажет, что он совершил, – прижавшись к плечу Гектора, почти игриво произнесла Мойра.

Дэвид почувствовал, как в нем закипает злость. У него не было заготовленного ответа на подобный вопрос, и следовало побыстрее что-то придумать. И тогда он сказал:

– Я убил женщину МакЛейнов!

На самом деле в том, что его красавица Тилли умерла родами, была и его вина. И он почти не лгал, говоря, что повинен в ее смерти.

Однако его ответ вызвал оторопь у собравшихся. Для горца, воина и защитника клана считалось грубейшим нарушением всех законов погубить женщину, которую обязан защищать. Но сам Гектор Рой, казалось, был удовлетворен. А вот Мойра все еще в чем-то подозревала его и опять стала нашептывать на ухо МакКензи. И опять вождь пошел на ее уговоры.

– Значит, так, – сказал он, поднимаясь. – Сейчас мы проверим, насколько ты МакЛейн. Эй, Кристофер, Конах, Майлс! Где вы там? Пусть кто-нибудь принесет клеймору, и мы поглядим, остался ли МакЛейн МакЛейном или забыл всю свою выучку, когда сменил килт горца на штаны низинных сассенах.

Вокруг все оживленно загалдели. Пиршество длилось уже достаточно, пора было переходить к увеселениям и играм, так почему бы не начать их с поединка на клейморах, длинных двуручных мечах? К тому же против чужака взялся выступить сам констебль клана Кристофер Мак Рэ.

Когда принесли оружие и выдали его поединщикам, все отправились на открытую ровную площадку. Столпившиеся вокруг нее зрители, разумеется, собирались болеть за своего клансмана, а не за этого чужака в штанах. Вокруг раздавались выкрики:

– Заставь его поскакать, Крис, да так, чтобы штаны треснули у него на заднице!

– Покажи ему, что такое клеймор в руках одного из Мак-Кензи!

Дэвид мало обращал внимания на эти речи. Он внимательно оглядел свой пятифутовый, прекрасной закалки клинок – кузнецы горцев были неплохими мастерами. Рукоять клеймора была длинная, крестовина немного изогнута к клинку, чтобы защищать руки державшего меч, а также упреждать удар противника. Итак, все очень просто и привычно. Таким оружием Дэвид владел весьма неплохо, хотя и не упражнялся с ним вот уже несколько лет.

Теперь Дэвид сосредоточил внимание на противнике. По внешнему виду горца сложно было сказать, сколько ему лет, но все же Майсгрейв видел, что Кристофер Мак Рэ моложе его, выше ростом и более гибок. Значит, дольше будет вы-

дышаться. И наверняка решит этим воспользоваться.

Кристофер начал поединок первым, да так рьяно, что Дэвид лишь отводил его клинок, а потом несколько раз просто уклонялся, ощущая, как длинный стальной меч проносится рядом, с гудением разрезая воздух. Дэвид отступал с умыслом, ибо уже по первым выпадам понял, что он более умен, чем констебль Мак Рэ, однако не спешил это показать. Пусть противник решит, что чужак не решается идти в атаку, и потеряет бдительность. Но Кристофер был внимателен, и, когда пришло время Дэвида нанести удар, он сперва принял клинок на крестовину меча, оттолкнул, а от второго быстрого удара ушел, гибко изогнувшись.

Шум собравшихся стал усиливаться. И когда Дэвид, уворачиваясь от очередного выпада Мак Рэ, отступил вместе со своим противником, они быстро попятились, давая бойцам место для простора. Понятно, что гостя никто не собирался калечить, однако сильный удар клеймора мог привести к достаточно серьезной травме. Пусть уж крутится перед их Кристофером. Мак Рэ – парень не злой, ему надо просто вышибить меч у гостя, а уж потом...

Дэвид стал оступаться, шумно дышал, но ни разу не позволил Кристоферу задеть себя, каждый раз уводя его клинок по дуге в сторону. Другое дело, что противник достаточно быстро восстанавливал равновесие и вновь шел в атаку, не позволяя чужаку передохнуть.

Но этого потребовал кто-то в толпе:

– Дай ему перевести дух, Кристоф! Иначе твоя победа над усталым соперником не будет столь достойной.

Констебль Мак Рэ, улыбнувшись, отступил. В какой-то миг даже поднял клеймор вверх и обернулся к зрителям, которые разразились радостными криками. Наносить удар в спину считалось трусостью, поэтому Дэвид просто устало облокотился на меч, наблюдая за Кристофером сквозь упавшие на глаза пряди. А затем он уловил момент, когда противник стал быстро поворачиваться для решающей атаки. Дэвид поднял меч в ожидании удара констебля, который стремительно замахнулся, намереваясь разить его сбоку. Когда клинки скрестились, Дэвид отвел свой немного вниз, скользая клинком по клинку Мак Рэ. Все произошло молниеносно. Едва крестовины клейморов сцепились, Дэвид сильно дернул оружие противника на себя. Кристофер этого не ожидал, и, когда меч был вырван у него из рук, Дэвид с размаху рубанул его по горлу... остановив свой меч в каком-то дюйме от незащищенной шеи соперника.

Все, он победил. После чего опустил меч и стал негромко насвистывать, не сводя с Мак Рэ слегка прищуренных зеленых глаз. И никакой одышки, никакой усталости, словно он не рубился с ним все это время.

Стало тихо. Взглянув на зрителей, Дэвид увидел на их лицах разочарование и растерянность, пока не столкнулся взглядом с еще одним Мак Рэ. С седым Малкольмом, который довольно улыбнулся ему и чуть кивнул.

Всего лишь мгновение, но глазастая Мойра каким-то чудом это заметила.

– Старина Малкольм доволен, что его преемника победили, – раздался ее голос.

Улыбка вмиг сошла с лица Малкольма, он хмуро поглядел на молодую женщину, сплюнул и пошел прочь.

А вот Гектор Рой приблизился и вполне дружелюбно хлопнул победителя по плечу.

– Ты доказал, что наш. И уже сегодня можешь сменить свои штаны на килт, чтобы ловчее было плясать крака-мол над мечами. А еще скажу, что буду рад, если ты погостишь у нас столько, сколько пожелаешь. Ибо я всегда уважаю того, чья рука может защитить собственную голову.

Упоминание о старинном танце над скрещенными мечами, какой пляшут только мужчины и признанные воины, воодушевило Дэвида. Если сам вождь клана дал ему такое позволение, значит, его будут уважать и ценить тут.

Из толпы отделился улыбающийся во весь рот Орсон, подал Дэвиду кубок с брагой. Но кто-то из клансменов уже звал гостя выпить с ним чарку асквибо.

– Ты не так и запыхался, парень, чтобы заливать глотку слабыми напитками. Но каким же вымотанным ты выглядел всего миг назад! Вот это хитрец! Эй, Кристофер Мак Рэ, иди пожми руку парню, который обвел тебя, как лиса обводит охотника вокруг своего логова среди пустошей.

Констебль тоже пожал Дэвиду руку. У этих простых пар-

ней имелось свое понятие о чести, и Дэвиду было хорошо в их компании.

А еще он заметил, что Мойра тоже смотрит на него с улыбкой. И мысли его приняли совсем иное направление. Она уже не видит в нем врага. Хорошо.

Он хотел к ней приблизиться, но Мойра уже отошла, и нежно прильнула к своему мощному толстому покровителю. Словно хотела продемонстрировать, что она только с ним и принадлежит только его. Майсгрейву показалось, что в этом было что-то нарочито демонстративное.

Глава 4. Охота на белую лань

В тот день пиршество, игры и состязания продолжались до глубокой ночи. Дэвид старался принимать во всем участие, а вечером, облачившись в клетчатый килт и броги, весело отплясывал при свете костров крака-мол над поблескивающими стальными клинками. В итоге, усталый и хмельной, он рухнул на подстилку из вереска под натянутым тентом подле уже похрапывающего Орсона и почти сразу же провалился в сон.

Тент над головой был особой милостью для прибывших и, когда ночью зашумел долгий проливной дождь, это оказалось весьма кстати. По крайней мере, Дэвид выспался от души, а когда встал на рассвете с гудящей головой и пересохшей после возлияний глоткой, то увидел, что солнечная погода пасхального дня миновала, вокруг было серо, уныло и дымно от костров, над которыми уже хлопотали женщины, готовившие угощение на этот день.

Обычно пир у горцев длился по несколько дней. Такое щедрое угощение и гостеприимство были обязательны для вождей – они указывали на их богатство и могущество клана. Даже испортившаяся погода не могла ничего изменить.

Окунувшись пару раз в воды залива и немного придя в себя с похмелья, Дэвид отправился к столу. Но если еще вчера он был здесь чужаком, находящимся под покровительством

Эхина Баллоха, то теперь уже считался своим, его оклика-ли, затрагивали, с ним шутили и переговаривались. Однако сегодня Дэвид был куда более сдержан. Веселый шум гуля-ний хорош, когда не надо продумывать предстоящее дело. А Майсгрейву было очень желательно обдумать все, что еще предстояло сделать. И главное, как все предстояло сделать.

Отец Тутило успел предупредить его, что бывший кон-стебль Малкольм считает едва ли не благим делом, помочь выкрасть Мойру для молодого Эхина Баллоха. Тут проблем не будет. Другое дело Джон Киллин. Еще заранее было обу-словлено, что он поможет с похищением влиятельной, но недружелюбной к нему возлюбленной старого Роя. Но Дэвид уже не единожды замечал, что стоило им встретиться взгля-дами с Джоном, как тот ту же отводил глаза.

Не стоило им рассчитывать и на госпожу Нэн. Уже одно то, как они общались и смеялись с Мойрой, указывало, что почтенную жену вождя вполне устраивает присутствие его любовницы. Они были словно подружки, однако сегодня Дэ-вид смотрел не столько на них, сколько подле них Крольчи-ху Кет. Светловолосая, вполне милая собой, если бы не эти торчавшие из полуоткрытого рта крупные зубы. Но Дэвид на этот раз обратил внимание на другое: девушка была строй-ной и грациозной, при этом одного роста с Мойрой и такая же светловолосая, разве что волосы не такие длинные и пыш-ные, как у возлюбленной вождя. Но если их одеть одинако-во...

Эту мысль еще следовало обдумать, пока же Дэвид наблюдал за восседавшими на почетных местах двумя вождями МакКензи: признанным и прославленным Гектором Роем и назначенным по указу короля Джоном из Киллина. Они говорили о предстоящей войне, причем вскоре стало ясно, что взгляды их разнятся. И когда Гектор Рой поднял чашу за удачу своих молодцов и их удачу в предстоящих битвах, молодой Джон демонстративно отказался пить, и его примеру последовали собиравшиеся вокруг него соратники.

Лицо Гектора Роя побагровело от гнева.

– Ты намного моложе меня, Джон, но, как погляжу, уже готов отсиживаться в углу, как старуха за своей прялкой.

Джон вызывающе взглянул на Гектора.

– Ты зря пытаешься задеть меня, дядя. Просто я не желаю срываться с места, чтобы нестись невесть куда в чужой войне, ибо забочусь о нашем клане. У нас был хороший год, и МакКензи ныне в силе как никогда. Сколько голов скота мы угнали у врагов, сколько приплода принесли коровы в наших стадах! И все это мы могли бы пустить на нужды клана. Ведь деньги приятно тратить на улучшения, а не на войну.

– Ты рассуждаешь, как торгош с Низин, а не воин Хайленда, – осклабился Гектор Рой. – Но я могу заверить тебя, что деньги на войне не тратят, а добывают. Кем бы были МакКензи, если бы не их отвага и острые клинки?

Дэвид заметил, что сидевшая подле Гектора Мойра смотрела на Джона с мрачной злобой. Она словно находила удо-

вольствие в том, что ее любовник и его родич все больше распаляются, того и гляди, дойдет до стычки.

«А малышка кровожадна, – отметил Дэвид, видя, как остро блестят глаза молодой женщины. – Но если она рассорит дядю и племянника, я буду ей только признателен. Ведь если в клане МакКензи произойдет раскол, им будет не до выступления на юг».

И тут Дэвид заметил как на него самого смотрит Джон. Это был взгляд на то-то решившегося человека. И Майсгрейву очень бы хотелось верить, что он знает, на что решился младший МакКензи.

А вот Эхина Баллоха даже забавляла перебранка между дядей и племянником.

– Клянусь головой грифона на гербе Манро, все дело в том, что призыв на войну изначально исходил от Гектора, а не от Джона. Парень же просто злится, что его опередили, и как обычно пытается перечить дядюшке.

– Но в его словах есть здравый смысл, – заметил Дэвид. – А ты, Эхин Баллох, готов послать своих людей умирать ради прихоти короля?

Эхин удивленно взглянул на торговца.

– У королей не бывает прихотей, Дэви. У королей только приказы. И если Яков Стюарт обратится ко мне должным образом, так и быть, я зажгу и разошлю огненные кресты³²

---

³² Огненный крест – знак войны у горцев; они делали крест из двух ветвей орешины, которые сначала поджигали, а затем окунали в кровь свежесрезанной

всем клансменам Манро!

– Но тогда ты не сможешь послать своих людей за Мойрой, чтобы они привезли ее с острова Мэнн, где она будет спрятана.

Они лишь недавно обоготворили с Эхином, что Мойру отвезут не в земли клана Манро, а на острова, откуда люди молодого вождя со временем доставят ее влюбленному главе клана. Тогда Эхин нашел этот план великолепным: все же он надеялся избежать крупных неприятностей для своих людей, а так... Кто догадается, где скрывают Мойру? Но сейчас Манро взглянул на Майсгрейва из-под упавших на глаза прядей с явным неудовольствием.

– Не кажется ли тебе, Дэйв, что ты касаешься вопросов, какие тебя совсем не касаются. К тому же, что-то я пока не заметил, чтобы ты что-то делал, дабы добыть для меня прекрасную Мойру.

– Да и вы, мой благородный господин, не стараетесь помочь мне в этом деле, – с усмешкой ответил Майсгрейв. – Разве мы не условились, что вы проявите интерес к Кэт МакКензи?

В этот миг леди Нэн, недовольная спорами за столом, приказала музыкантам играть плясовую. И молодой Манро, словно желая показать, что способен на все, дерзко отправился в сторону родственницы МакКензи, и с поклоном про-

---

козы и, прикрепив к концу копья, отправляли с гонцом по всем городам и весям в качестве призыва к экстренному сбору боеспособных мужчин.

тянул ей руку, приглашая на танец.

Дэвид заметил, что девушка просто сияла, танцуя с Эхином. И многие хлопали в ладоши, когда при прыжке и повороте юноша поднимал свою партнершу.

Дядя Эхина Хром довольно сказал, наблюдая за парой:

– Если мой племянник избавится от блажи насчет Мойры и посватается к Кэт, весь наш клан возблагодарит Пречистую Деву. И как я понял, это вы, Дэйв, уговорили его уделить этой милой девушке внимание?

Крольчиха Кэт. Это и повторил Эхин, когда вернулся к ним после танца и теперь стоял в стороне и зло грыз ногти. О своей партнерше он словно сразу забыл, зато пристально наблюдал, как Мойра подошла к Гектору Рою, пристроилась возле него на подлокотнике кресла, ласково обняла. Вождь выглядел подле нее таким счастливым, оглаживал ее бедра, словно старался продемонстрировать окружающим, что эта прекрасная фейри принадлежит только ему.

Дэвид услышал за собой скрипучий голос жестянщика Робба:

– Зря молодой Манро надеется, что завладеет ее сердцем. Эта красотка предана своему старику как собака. К тому же она достаточно умна и хитра, чтобы поменять защиту и влияние, какие имеет при Гекторе Рое, на обещания петушка Манро, которым, к тому же, управляют его родственники.

– Но нам-то и дела нет, что она считает, не так ли, Роб? – засмеялся Дэвид.

Роб еще что-то говорил о Мойре, но Дэвид уже не слушал, потому что в этот момент мимо них прошла Кэт МакКензи. И он тут же двинулся следом, стал говорить, у него в мешке имеется штука ярко-красного фламандского сукна, которое бы ей очень подошло и в котором она бы смотрелась, как знатная дама.

– Вы даже станете похожей на фейри Мойру, если облачитесь в алое. А я получу удовольствие, угодив столь привлекательной девушке.

Кэт слушала его с восхищенной улыбкой. Простенькое доверчивое дитя.

– Я правда стану такой же яркой, как она? – только и спросила она.

Ну уж точно не такой серой мышкой, как сейчас, подумал Дэвид. И заверил девушку, что уже этим вечером передаст ей отрез ткани... если, конечно, Джон не откажется заплатить за обновку сестре, добавил он, до конца играя роль рачительного купца.

В этот миг к ним подошел один из сторонников Джона Киллинга.

– Мой господин желает переговорить с тобой, МакЛейн. Он хочет заказать еще парочку кинжалов с изображением волка на рукояти и готов сделать заказ прямо сейчас.

Упоминание о голове волка обнадежило Дэвида. Похоже, Джон на что-то решился. Однако теперь было непросто отделаться от Кэт, которая отправилась следом, постоянно по-

вторая, что уговорит брата купить для нее алый отрез. Но Джон только кивнул, выслушав сестру, и велел ей возвращаться к пирующим. Дэвида же провел в свои покои, где они довольно долго говорили наедине.

Когда же Дэвид, покинув замок, снова показался на мосту, его остановил отец Тутило.

– Ты слишком долго оставался наедине с Джоном Киллином, Дэйв. Кое-кому это может показаться подозрительным. Я даже слышал, как Мойра спрашивала у твоего приятеля Орсона, какие дела заставили МакЛейна надолго уединиться с младшим вождем.

Дэвид провел ладонями по намокшим под дождем волосам. Прищулив свои раскосые зеленые глаза, он произнес с беспечным видом:

– Пусть расспрашивает, если ей больше нечем заняться. Поверь, и я, и Джон ответим, что мы торговались за кусок алого сукна на нарядное платье для Кэт МакКензи.

Лицо священника оставалось суровым, только складки на лбу задвигались, подтверждая работу мысли.

– Ты ведь сейчас просто морочишь мне голову, не так ли, Дэйв?

Тот продолжал улыбаться.

– Мне незачем обманывать тебя, святой отец. Но я действительно постараюсь, чтобы у сестры Джона был почти такой же яркий наряд, как и у Мойры.

Священник, разволновавшись, бурно задышал.

– Во имя всего святого!.. Дэйв, что вы с Джоном задумали?

Майсгрейв перестал улыбаться. Да, они с Джоном обговорили план, как похитить любовницу его дяди.

Оказывается, через несколько дней вожди клана намереваются устроить тинчайл³³. Егеря младшего вождя уже рыскают по округе, выслеживая замеченную ранее в этих краях белую лань. Такое животное горцы называют посланцем маленького народца, с ним связывают всякие предания, однако наивысшей удачей и добрым знаком считается добыть белую лань на охоте. И Джон говорит, что через три или пять дней его люди определят, где пасется или приходит на водопой дивное животное, – вот тогда и будет объявлен сбор на тинчайл. Завершить пиры и игры большой охотой считается весьма славным, так что все собравшиеся непременно примут в ней участие.

Женщины вождей тоже поедут на лов, наверняка и Мойра вместе со всеми покинет Эйлен-Донан. Гектор Рой никогда не оставляет девушку в замке, когда может положить к ее ногам дичь. Но обычно его любовница не участвует в самом гоне, а ожидает в каком-нибудь месте, куда со временем съедутся загонщики. Мойра – неважная наездница и не любит верховой езды, в отличие от той же Кэт. Сестра Джона

---

³³ Тинчайл – большая охота на оленей. В ней принимает участие множество охотников, которые берут в кольцо определенный участок, где заметили животное, и постепенно сходятся, пока оленю некуда уже будет бежать.

отлично ездит верхом... вот и надо, чтобы во время лова ее увез Эхин Баллох. Им же надо втолковать юноше, что похищение Кэт МакКензи будет сделано для отвода глаз, дабы отвлечь возможных преследователей от самих похитителей Мойры. Во время тинчайла на Кэт уже будет алое платье, наподобие того, какое так нравится любовнице вождя, вот и создастся впечатление, что именно Мойра ускакала с давно обещавшим похитить ее Эхином.

– И ты думаешь, нам удастся уговорить Эхина взять крольчиху Кэт вместо Мойры? – засомневался священник.

Дэвид вздохнул и вновь стал пояснять: если они уговорят самую влюбленную в молодого Манро Кэт, она не будет сильно противиться. А после охоты, когда исчезновение Мойры заметят, люди Гектора наверняка отправятся за Эхином и его облаченной в алое платье спутницей. Ну а они сами тем временем...

Тут Дэвид умолк, словно что-то обдумывая, и священник терпеливо ждал, что он скажет.

– У вас еще с собой тот порошок, отче? – спросил наконец Дэвид.

– Да, он у меня. От него человек надолго впадает в забытие, и я понимаю, к чему ты клонишь, англичанин. Не надеешься ли ты дать его Мойре? Она подозрительна и хитра.

– Думаю, от вас, рукоположенного священника, она примет напиток. Я ведь заметил, с каким почтением Мойра относится к вам, отче. А у меня как раз осталось то сладкое

красное вино, какое она так любит. Вот вы и уговорите ее выпить его. А когда зелье подействует и Мойра уже не сможет сопротивляться, мы увезем ее. Ну а с обозленным на Мойру Малкольмом Мак Рэ вы сами обо всем договаривались. Сами ведь говорили, что прежний коннетабль спит и видит, как бы отомстить женщине за то, что по ее навету Гектор лишил его должности. Но там Малкольм проводит нас через свои земли в Герлохе на побережье. Где, как условлено, нас будет ждать судно, на котором мы отбудем вместе с одурманенной сонным зельем женщиной. В остальном положимся на волю Божию.

– Или милость дьявола, – пробормотал отец Тутило. – Слишком уж все сложно...

– Когда мы брались за это дело, то знали, что оно будет непростым. Так что помолитесь, отче, дабы охота настолько увлекла Гектора Роя и его клансменов и они не вспоминали о прекрасной Мойре. Причем помолитесь именно Господу, святой отец, а то с дьяволом я как-то не привык заключать сделки.

После разговора Дэвид оставил озабоченного священника и направился на берег, где члены клана и их гости собрались вокруг декламировавшего под перезвон струн арфы барда.

Барды у горцев считались едва ли не провидцами. Их очень почитали, а истории, рассказанные ими, вызывали у жителей Хайленда восхищение и трепет. Они зачарованно внимали барду, повествующему о деяниях героев былых

времен, о волшебных феях, вмешивающихся в дела смертных, о злобных коварных карликах из горных недр и о том, как Святая Дева защищала людей от их проделок. Дэвид тоже с удовольствием слушал все эти дивные рассказы, но помимо воли нет-нет да поглядывал в сторону сидевшей неподалеку Мойры.

Смотреть на нее было приятно, как всегда приятно лицезреть красоту. Бесспорно, среди МакКензи он увидел немало пригожих девиц, но в Мойре было нечто, что выделяло ее среди прочих: достоинство, горделивые манеры, некая одухотворенность и возвышенность. И это у обычной шлюхи, напомнил себе Дэвид. Однако была ли Мойра обычной?

Было и еще кое-что, смущавшее Дэвида. Он не мог отделаться от ощущения, что уже видел ее где-то ранее. Или она кого-то сильно напоминала ему. Но вот кого?

В последующие дни Дэвид украдкой наблюдал за этой женщиной. Теперь, когда он запросто мог входить к замок Эйлен-Донан, чтобы объяснить местным портнихам, какой фасон платья кроить для юной Кэт, и одновременно очаровывать их своими рассказами и присущими заезжему купцу любезностями, у него появилась возможность наблюдать за любовницей вождя. Так, один раз, спустившись в небольшой садик, он с удивлением увидел лежавшую на маленьком столике книгу. Это был роман «Смерть Артура» сэра Томаса Мэлори, английского писателя. Дэвид осторожно открыл книгу и прочитал: «Здесь начинается первая история,

повествующая о достойном и благородном владыке короле Артуре, некогда правившем великой Британией».

Обнаружить роман у горцев – почти чудо. Но явившаяся в этот момент Кэт МакКензи пояснила, что Гектор Рой приобрел «Смерть Артура» для своей Мойры, которая читает ее, причем уверяет, что в книге есть истории не менее интересные, чем те, какие рассказывают заезжие барды.

– А мне вот просто нравятся картинки в книге, – просто призналась Кэт, указывая на рисунок, на котором были запечатлены всадник на гарцующем жеребце и рядом дама в платье со шлейфом. – Однако лучше не будем трогать книгу, – поспешила добавить девушка. – Мойра этого не любит и может устроить нам взбучку.

Для себя же Дэвид отметил, что эта невесть откуда взявшаяся красавица, получила довольно неплохое образование. Откуда же привез ее Гектор Рой? Учитывая, что горцы любят похищать женщин, Дэвид вполне допускал, что возлюбленная вождя могла быть увезена им из монастыря.

Он попытался вызнать это у доверчивой Кэт, но девушка стала уверять, что Мойра не совсем человек: все знают, что она любит гулять при луне по стенам замка, она может очаровать любого, с кем пообщается, словно околдовав, да и нравится ей, когда ее принимают за фею. Майсгрейв же понял, что Мойре просто нравится дурачить людей, прикидываясь фейри.

Были у нее и другие причуды. Так однажды Дэвид видел,

как Мойра просит местных рыбаков доставить ей устриц. Обычно устрицы считались пищей бедняков, знать же просто брезговала ими, однако эта женщина-фейри лакомилась ими с большим удовольствием. И Дэвид догадался, что эта добившаяся власти и влияния в клане красотки, некогда познала нужду и устрицы ей были привычны, если находит их столь вкусными.

Ну и еще она порой бывала на подпитии. Что и говорить, все горцы не прочь напиться, когда выпадает случай. Но горцы обычно бедны, пьянка для них праздник, а вот всем обеспеченная возлюбленная вождя находила немало случаев, чтобы выпить... Нет, не горской водки асквибо, а предпочитала дорогие привозные вина. Гектор Рой купил у многих торговцев все привезенные вина... Кроме одного. Дэвид специально приберег его, ибо уже составлял план. И вино ему еще как могло пригодиться.

Он отмечал про себя детали плана: лодка куррах, красное платье, предстоящая охота, решительно взявшийся им помочь прежний коннетабль... И Манро, которого все чаще видели в обществе Кэт МакКензи. Правда еще непонятно, кто к кому больше приставал из этой пары. Но Дэвид был рад, что Эхин все же делает то, что он ему посоветовал.

А потом между Манро и МакКензи произошла ссора.

Все началось с того, что Эхин, как и полагалось учтивому гостю, похвалил хозяев за то обильное угощение, каким их потчевали. Наверное, немало бычков пришлось зарезать

МакКензи, чтобы не ударить в грязь лицом перед приглашенными Манро.

— Да, скотины было забито немало, — с некоторой хитринкой в глазах признался Гектор Рой. — И я просто рад, что ты похвалил угощение. Ведь это было мясо угнанных из твоего клана животных, Эхин Баллох.

По рядам пирующих МакКензи прокатился смех. Эхин стал блее мела, даже его обычно яркий румянец сошел на нет. Тут и Ремси Хром изменился в лице — он знал о совершенном недавно угоне скота, что нанесло заметный убыток небогатому клану Манро. И вот теперь МакКензи дают понять, что удачливыми угонщиками были именно они.

Ремси Хром поднялся:

— Тебе легко так похваляться, Гектор, когда мы у тебя на пиру. Ведь будучи твоими гостями, мы обязаны соблюдать учтивость. Но сказал бы ты подобное, если бы мы встретились в горах на неезженной тропе?

— Успокойся, дядя, — положил ему руку на локоть Эхин. — Гектор Рой похвалился тем, что кое-что похитил у Манро. Я запомню это. И посмеюсь над ним, когда сам украду у него нечто ценное.

При этом он так выразительно поглядел на Мойру, что Гектор Рой вспылил и запустил в юношу кубком.

Клансмены Манро восприняли это как оскорбление их вождю, и так резко подскочили, что едва не опрокинули стол. Их тут же стали усмирять, причем Дэвид был одним из тех,

кто растаскивал возбужденных мужчин обоих кланов, в то время как Эхин продолжал кричать Гектору, что недолго Мойра будет греть ему постель и уж он постарается, чтобы она не просто отдавала свое тело, но и родила для него как можно больше маленьких Манро...

– Да угомонись ты, щенок, – зажал ему рот Дэвид, успев при этом подставить ножку одному из клансменов Манро, который кинулся к столу, из-за которого уже встал побагровевший от гнева Гектор Рой.

Это уже позже Дэвид недоумевал, с чего он так старался предотвратить кровопролитие. Ведь если бы на пиру случилась резня, между Манро и МакКензи наверняка началась бы война и ему не пришлось бы выполнять свой опасный план с похищением. Но он подумал об этом позже, когда Гектор Рой самолично поблагодарил торговца, что тот вовремя вмешался, не позволив ему уронить себя настолько, чтобы убивать гостей.

В знак особой милости он даже пригласил Дэвида со спутниками провести ночь под кровом Эйлен-Донана, что считалось великой милостью. В то время как сами Манро должны были расположиться на берегу, невзирая, что к ночи пошел проливной дождь. И всем было ясно, что ни о каком приглашении Манро на тинчайл уже не может быть и речи. А ведь охота была назначена как раз на следующий день.

Дэвид был напряжен этим вечером. Зато его беспечный Орсон по обыкновению оставался весел, хотя и отметил, что

у этих дикарей и мебели достойной для гостей не нашлось, и их просто уложили на охапках вереска на полу.

– Они не очень заботятся о своем уюте, Орсон, – пояснил Дэвид. – А вот показать свое могущество – это обязательно. Многие в клане по сути скотоложцы, но манеры у них, их клановая гордость – как у лучших представителей нашего дворянства.

Орсон какое-то время размышлял.

– Почему ты назвал их скотоложцами? Не хочешь ли сказать, что они и впрямь спариваются с овцами?

Дэвид усмехнулся:

– Говорят, это не грех, если не без удовольствия.

Орсон так и грохнул, запрокидываясь от смеха. Но Дэвид тут же шикнул на него, когда к ним приблизилась чья-то тень.

Это оказался человек Джона. Младший вождь ожидал мнимого торговца, стоя под дождем и кутаясь в широкий плед.

– Завтра все решится, – сказал он, и Дэвид заметил, что голос его слегка дрожит. – Белую лань выследили у истока речки Гленнан, это достаточно далеко, места там холмистые и неровные, так что не особо умелая наездница Мойра вряд ли туда отправится. Скорей всего, эта неженка останется в небольшом селении на берегу Лох-Лонга. Уж я прослежу за этим, как и постараюсь, чтобы ее охраняли как можно меньше людей. Жаль только, что Эхин уезжает со своими Ман-

ро. Будь он с нами, исчезновение Мойры сразу бы приписали ему.

– На него первого и падет подозрение, – улыбнулся Дэвид.

И тут Джон вдруг схватил его за руки и произнес:

– Если у вас что-то не сладится, мастер Дэйв, то знай – я сам приму участие в погоне за вами. И мои люди зарубят вас еще до того, как Гектор Рой своими пытками заставит признаться, кто был вашим союзником в клане и помогал похитить эту чертову девку.

В день большой охоты на белую лань все поднялись, едва забрезжил рассвет. Утро выдалось сырое, вокруг плотным слоем висел туман. Однако псаря уверяли, что по такой погоде гончие только скорее возьмут след.

Торговцев никто не думал приглашать на тинчайл, и это был день их отъезда. Предполагалось, что они отбудут на лодке, но пока не начался отлив, Дэвид отправился проститься с отбывающими Манро. Не было ничего странного в том, что он выказывает почтение людям, с которыми приехал в Эйлен-Донан. И сейчас он лишь негромко поинтересовался, помнит ли Эхин, где должен ожидать свою спутницу.

– И зачем мне эта крольчиха Кэт? – в который раз уныло спросил Манро.

Дэвид пропустил его нытье мимо ушей и напомнил, что они должны сделать остановку у скалы, на которой стоит расщепленная молнией сосна.

– Там вас оставят провожающие клансмены МакКензи, – пояснял он. – Им ведь тоже хочется поскорее вернуться к охотничьему гону, так что долго сопровождать вас они не намерены. Ну а девушка появится там через некоторое время. Она знает это место и непременно придет, едва ей удастся отделиться от охотников. Вон, взгляните, она уже вышла и смотрит на вас, – указал Дэвид на стену замка, где сквозь наплывы тумана виднелась девичья фигурка в красном платье, со светлыми, переброшенными на грудь волосами. Издали ее вполне можно было принять за Мойру, но все трое знали, что это Кэт из Киллинга.

Ремси Хром незаметно улыбнулся в усы. Он был доволен тем, что по наущению этого хитрого торговца его племянник решил похитить Кэт, а не шлюху Гектора Роя. Так юноша и расквітається с МакКензи, а заодно добудет себе достойную невесту. И Ремси даже хлопнул Дэвида по плечу, когда тот напомнил, что, как только появится Кэт, им надо будет нестись во весь опор.

– Эх, парень, да не есть мне хлеба, если все у нас не сладится как надо. Наши клансмены разбредутся по высокогорью, чтобы еще пуще запутать следы, ну а мы уж... Все говорят, что малышка Кэт – отличная наездница, а ради тебя, Эхин, она будет скакать так быстро, как только сможет.

Но когда дядя юного вождя отошел в сторону, сам Манро сильно сжал Дэвиду предплечье.

– Послушай... Ты точно уверен, что нам необходимо во-

зиться с крольчихой? Мне ведь нужна не она – мне нужна Мойра! И только ее я хочу назвать своей женой.

– Как сказал ваш дядюшка, не есть мне хлеба, если так и будет. Кэт нужна нам для отвода глаз. И уж поверь, все кинутся за вами, как свора гончих. Мы же с вашей красавицей двинемся совсем в другую сторону. А теперь иди, иди. И не сомневайся, я свое дело сделаю.

Он отошел от Эхина, заметив, что за ними с зубчатой стены наблюдают уже две женщины – рядом с Кэт стояла Мойра. Дэвид знал, насколько она подозрительна, и ему не хотелось привлекать ее внимание.

Однако, похоже, хитрая фейри на этот раз ничего не подозревала. Об этом сказал Тутило, встретившийся с Дэвидом на мосту. И сообщил, что только что исповедовал Мойру и она вполне спокойна.

Дэвид передернул плечами:

– Как легко вы делитесь тайной исповеди, отче.

– Да вот легко, – скривил губы в подобии улыбки Тутило. – Особенно учитывая, что Гектор Рой всегда сидит подле нас с Мойрой, когда она желает исповедоваться. Мойра очень религиозна, но старый МакКензи требует, чтобы она исповедовалась при нем, дабы между ними не было секретов. Такое вот у них полное доверие, ха, ха. Что же касается моей службы как священника, то в этих горах она мало подходит к то, к чему вы привыкли в Англии.

Туман был мутный и тяжелый. Уже не было видно уехав-

ших Манро, да и замок то и дело скрывался за пеленой. Дэвид прошел по мосту на островок и увидел, что Орсон и Роб уже укладывают тюки с остатками товаров в лодку. Лодка была обычной куррахой, и Роб, как всегда, ныл, что они не смогут далеко уплыть на столь утлом суденышке.

– Нам не придется долго плыть на куррахе, – заметил Дэвид, пересчитывая деньги, какие намеревался упаковать в пояс.

При этом он незаметно поглядывал по сторонам, отмечая все происходящее, что только можно было различить в густом тумане. Итак, большинство принимающих участие в выезде на охоту уже разделись и плескались в холодных водах озера. Обычно дело – вымыться перед ловом, а потом намазаться всяким дерьмом, дабы чуткие лани не уловили запах охотников. Мимо лодки с торговцами как раз пронесли котелок с такой гадостью – даже глаза резало от вони. В стороне уже стояли оседланные лошади охотников. Их было немного, большинство отправится на своих двоих, однако для сильного горца пробежаться по склонам – сущий пустяк.

От псарен уже долетал лай собак, каких выводили на сворках. А еще слышались скабрзные шутки и хихиканье женщин, подглядывавших за купающимися клансменами, их замечания по поводу того или иного раздетого охотника, причем столь откровенные, что впору было покраснеть матерому мужу. Женщины горцев, как известно, не скрывают своих чувств, да и в манерах куда свободнее, чем жительницы ни-

зинной Шотландии. А еще Дэвид в какой-то миг расслышал голос Мойры, настаивавшей на том, что ей лучше остаться в замке, — какая разница, где ждать охотников, тут или в холодном тумане на берегу.

Дэвид замер — этого еще не хватало! Ведь если упрямец Норма останется под защитой стен Эйлен-Донана, все их планы пойдут прахом.

Но, слава Пречистой Деве, Гектор Рой не внял ее просьбам.

— Ты едешь, Мойра, — и все! — донесся его решительный голос. — Твое присутствие на ловах всегда приносило нам удачу. Так что или лучше к Кэт, моя нежная фейри. Видишь, девушка уже в седле и только и ждет, когда будет дан сигнал к выезду.

Кэт действительно уже сидела верхом, сияющая и нарядная в своем алом одеянии. Мойра тоже надела красное платье, не столь роскошное, как обычно, хотя и красиво опушенное светлым мехом северной лисы. Дэвид наблюдал, как она прошла к оседланной лошади, как один из клансменов встал перед ней на одно колено, сложив руки лодочкой, и, когда молодая женщина поставила ногу на его ладони, легко поднял ее в седло.

До отбывающих в лодке по водам залива сейчас никому не было дела. Они просто сказали местным, что двинутся по воде, чтобы так легче было попасть в земли соседнего клана Гленгарри. И когда они отчалили, Дэвид его какое-то время

видел сквозь слои тумана темную сутану отца Тутило, который должен был оставаться при Мойре, а потом все поглотила плотная пелена. Но еще можно было различить, как окрестности огласились привычным криком: «Удача, ступай за нами!» – так охотники призывали везение на время лова, когда уже выступали. Ну, всех благ, парни. Пусть вам повезет добыть белую лань. А уж Дэвид и его спутники не упустят свою добычу.

Они плыли в густом белесом мареве. Орсон и Роб налегали на весла, а Дэвид сидел на корме, откинувшись на борт и даже прикрыв глаза, будто задремал.

– Как вы можете быть таким спокойным? – удивлялся Роб.

Спокойным? О, Дэвид был напряжен, как тетива. Он плохо спал этой ночью, долго молился, а теперь, зная, что им предстоит, просто копил силы.

Пока же лодка тихо двигалась в тумане в сторону моря. Слышен был плеск опускаемых в воду весел, порой в стороне раздавался более громкий плеск – это рыба выскочила из воды и плюхнулась обратно. И снова все стихло, лишь на блестящей маслянистой поверхности остался крошечный водоворот.

Из-за тумана Орсон направил обтянутый кожей нос куррахи ближе к берегу, дабы не потеряться во мгле и двигаться вдоль кромки лоха. Дэвид, казалось, все еще подремывал, но, когда до них долетел двойной пронзительный крик сойки, вмиг выпрямился.

– Знак. Причаливаем.

Заросли тут подходили к самой воде, Орсон завел лодку под нависающие ветви боярышника, когда из лесу вышли трое горцев. Головы их были накрыты полами пледов, как капюшонами, но они сразу узнали Малкольма Мак Рэ.

– Это мои люди, – указал он на своих спутников. – Они будут ждать нас на тропе через горы.

Едва они вышли, как один из горцев вспорол кожаный борт куррахи, и лодка стала погружаться под грузом тюков.

Малкольм передал торговцам пледы и туники горцев – теперь в Майсгрейве и его спутниках никто не должен был распознать чужаков. Им подвели нескольких лохматых горных пони, и Дэвид, взобравшись на одного из них, сказал:

– Орсон и ты, Роб, вы поедете с человеком Малкольма к морю. А я с Мак Рэ поеду к месту охоты. Ждите нас и молитесь, чтобы все прошло благополучно.

Отъезжая, он оглянулся и увидел, что Роб по-прежнему возится со своими пожитками, какие успел вытащить из лодки, а вот Орсон застыл и, глядя ему вслед, делает крестное знамение. Можно было умилиться, видя, как волнуется за своего господина этот обычно беспечный, буйный парень. Но, возвращаясь за Мойрой, Дэвид и впрямь очень рисковал, поэтому его самого не покидала тревога.

«Мне просто интересно», – подбодрил сам себя Майсгрейв.

Горные пони, гривастые, с крупными копытами, были

обучены пробираться сквозь любую чашу и подниматься по кручам. На двоих ехали они с Малкольмом, еще двоих вели в поводу. За плечом Дэвида был мешок с объемистой кожаной флягой с вином. Недавно Гектор Рой хотел прикупить у него еще вина для своей фейри? Что ж, он не забыл желание вождя.

В пути они сделали небольшую остановку, и, пока Малкольм с его клансменом вслушивались в звуки и пытались что-то разглядеть в тумане, Дэвид достал переданный ему ранее Тутило мешочек с белым порошком, высыпал его в горлышко фляги и несколько раз хорошенько взболтнул содержимое. Малкольм заметил это и довольно осклабился.

– Давай, давай, приятель. Если ты избавишь клан от этой девки, я даже поставлю за тебя свечку Господу. Ну, когда попаду в церковь.

По пути они порой попадали в такой плотный туман, что были вынуждены останавливаться и пережидать, пока он не поредеет. Дэвид только удивлялся, как Малкольм определяет направление. И все же где-то через час с небольшим отставной констебль вывел его к водам залива Лох Лонг, узкого и длинного, залегающего среди поросших лесом холмов.

– Там впереди мост, – указал он куда-то сквозь слои наплывающего тумана. – Мне дальше ехать нельзя. Для Мойры я в одной цене с проказой. Как и она для меня. Поэтому я с лошадьми останусь здесь.

«Мне просто интересно», – опять напомнил себе Дэвид,

когда направил лошадку по низким, осклизлым доскам мостка через лох.

Они все правильно рассчитали, и отец Тутило вышел ему навстречу, едва Майсгрейв появился на мосту из тумана.

– Такая погода нам только на руку, не так ли? – негромко произнес священник, беря его лошадь под уздцы. – Да и наша красotka озябла, опять ворчит, что лучше бы оставалась в Эйлен-Донан.

От сырого тумана все вокруг было влажным, и волосы Дэвида, обычно лежавшие плавной волной, сейчас начали завиваться, падая на глаза мокрыми кудрями. Тутило вывел его к небольшой площадке среди зарослей, где лежали какие-то тюки и слабо дымил костерок, у которого сидели, греясь, трое горцев в пледах. Сама Мойра устроилась в стороне на расстеленной овчине.

– Ого, кого это вы привели, отче? – сразу поднялась она, едва Дэвид спешился. – Святые угодники мне порукой, если мастер Дэйв в это время не должен быть уже за много миль отсюда. Что заставило тебя вернуться, лоточник?

Ее пышные волосы тоже вились от сырости и красиво обрамляли тонкое личико. Взгляд был настороженным и колющим.

– Вот это, – Дэвид протянул ей объемную флягу с вином, для видимости колыхнув ею, чтобы было слышно, как булькает содержимое. – Сладкая и густая мальвазия, мистрис. Мой напарник Орсон хотел приберечь ее для вождя клана

Малеодов. Но ведь я обещал Гектору Рою, что вы получите свою мальвазию. Шестнадцать шиллингов с вас, госпожа.

Кажется, она была удовлетворена ответом, но тут же начала торговаться. Шестнадцать шиллингов? Да не ополоумел ли он? И с чего он взял, что она берет такую сумму с собой на охоту?

– Хорошо, назовите вашу цену. Но учтите, я проделал обратный путь в тумане и потому особо уступать не намерен.

Какое-то время они смотрели друг на друга, не обращая внимания на охранников, которые отошли от костра и теперь с улыбками наблюдали за ними. Похоже, возвращение торговца, с коим горцы недавно пировали и выпили не одну чарку асквибо, не сильно их беспокоило. Дэвид отметил, что они были еще совсем мальчишки. Наверняка более опытные клансмены МакКензи не согласились торчать с любовницей вождя, предпочтя получить и свою долю удачи в охоте на белую лань. Дэвиду стало немного грустно. Жалко будет убивать этих парней. Но, скорее всего, придется. Или же...

– Вы даже не представляете, что это за напиток, мистрис Мойра. Но если вы будете так скупиться... Клянусь Святым Макгридером, я попросту отдам вино этим славным ребятам. И сам выпью его с ними. По крайней мере, настроение сразу улучшится, да и сырость не так будет донимать. Ну, что скажете?

Он раскупорил флягу, опять потряс и повел ею, так что в сыром воздухе почувствовался густой аромат сладкого ду-

шистого вина.

– Вы странный купец, – задумчиво произнесла Мойра.

– Возможно. Но я рассчитывал на барыш и не намерен портить себе настроение из-за вашей скупости. Эй, парни, у вас с собой есть чаши?

Во всяком случае, если эти юные клансмены выпьют поила и заснут, их не придется резать. А уж с капризной красавицей он как-нибудь справится.

Парни пили вино и улыбались. Мойра смотрела гневно, ее темные брови были нахмурены. Она зябла, кутаясь в меховую пелерину, вино сейчас было бы для нее в самый раз. Но она лишь отвернулась, когда Дэвид налил охранникам по второй порции и сам сделал вид, что пьет.

– Сладкое, как мед, – улыбаясь, произнес один из юных клансменов. – Привкус немного странный, но я бы не сказал, что дерьмо.

– Ну, ты скажешь – дерьмо! – отозвался другой, слизывая с едва пробивавшихся усиков сладкие янтарно-желтые капли. – Сроду такого не пил.

– А вы будете пить, отче? – повернулся Дэвид к Тутило.

Взгляд его при этом был острый и выразительный – он надеялся, что священник, до этого хмуро державшийся в стороне, поймет его знак. Дэвид ранее намекал, что почитающая священнослужителя Мойра не откажется принять напиток из рук священника.

Тутило не зря столько лет был шпионом и умел быстро

соображать. Достав свою деревянную чашку, он сделал вид, что пьет вино, причем так умело, что Дэвид даже подумал, не решил ли хитрый святоша и впрямь попробовать дивного напитка? Но Тутило лишь облизнул губы и направился к Мойре.

– Выпейте немного, дитя мое. Если уж этот парень готов раздавать направо и налево столь замечательный напиток, почему бы и вам не попробовать?

– Вот я и думаю, с какой радости он раздает свой ценный товар?

Священник продолжал стоять перед ней с протянутой чашей.

– Не стоит быть такой подозрительной, мистрис Мойра. Позвольте напомнить вам пословицу: зла боится тот, кто сам чинит зло.

Молодая женщина лишь передернула плечами, но взяла чашу и пригубила. Она пила со знанием дела, смаковала напиток, держа во рту, прежде чем глотнуть.

– И впрямь отдает чем-то странным, – заметила она.

– Но ведь стоит запрошенных денег? – подошел к ней Дэвид. – Я так и знал: стоит вам попробовать дивную мальвазию, и вы уже не станете торговаться.

Она наконец улыбнулась.

– Ты хитрый плут, Дэви МакЛейн. А теперь довольно раздавать такое добро. Парни, – повернулась она к обступившим ее с чашами юношам, – идите к своему костру. Вино

больше не раздается – я покупаю его. А ты, Дэйв, можешь ехать в Эйлен-Донан. Скажешь, чтобы Кристофер Мак Рэ выдал тебе полагающуюся сумму. Он не будет сомневаться, что это я тебя послала.

– Так уж и не будет? Может, я захвачу с собой кого-то из ваших охранников, чтобы подтвердили ваши слова?

Она только пожала плечами, отходя и при этом вновь делая глоток вина.

Теперь Дэвиду нужно было как-то протянуть время, дожидаясь действия одурманивающего порошка. Он не нашел лучшего способа, как отозвать священника и сделать вид, будто хочет переговорить с ним.

Тутило был суров и едва сдерживал волнение.

– Я не могу твердо знать, когда начнет действовать зелье. Смотря кто и сколько выпил. Парни хлебнули много и залпом, а вот Мойра, большая любительница смаковать вино, пьет понемногу. Но она женщина, она слабее. Силы небесные, смотрите, юный Ирахт уже клюет носом, а она еще расхаживает с чашей, словно ее и не берет. Будем надеяться, что, если парни начнут засыпать, она не сразу это заметит и не поднимет шум. Пойду отвлеку ее. Ты же отойди, Дейв, но будь начеку, если что.

Дэвид сделал несколько шагов в сторону берега и, опустившись, стал перетягивать кожаные ремешки на своем броге. Сам же украдкой наблюдал за происходящим. Заметил, что один из парней и впрямь склонил голову на руки,

второй стал зевать. Но самый крупный из них сидел как ни в чем не бывало и продолжал подкидывать сучья в костер. Со стороны, где беседовали Мойра и священник даже долетел ее смех. Туман глушил звуки, но Дэвид все же расслышал одну из фраз Мойры:

– Вы очень добры ко мне, отче, однако леди Нэн до самой смерти останется законной женой Гектора Роя. И все эти разговоры о разводе... Это даже грешно, особенно в устах священника.

Ого! Тутило завел речи о разводе Гектора Роя и его супруги. Ай да хитрец! Дэвид различил, как тот довольно громко сказал:

– В моих словах не больше греха, чем в той жизни, какую вы ведете с вождем МакКензи, будучи невенчанной. И, как служитель Церкви, я с удовольствием выпью этого чудесного вина за то, чтобы однажды узнать, что вы стали законной супругой честного горца, пусть это будет даже не Гектор Рой. Или же...

Он еще что-то говорил, но было не разобрать. Главное, что он заставил выпить Мойру целую чашу вина.

Двое клансменов у костра уже спали. Третий поднялся, стал трясти головой. Дэвид незаметно сунул руку под мышку, где на ремне висел нож. Если этот парень что-то заподозрил, надо свалить его до того, как он поднимет шум.

Напряжение нарастало. А тут еще Мойра после выпитой чаши стала оседать на руки священника, а тот ее поддержи-

вал.

От костра, где стоял горец, раздался отчетливый голос:

– Какое крепкое вино у тебя, купец. Меня и пинта виски так не пьянила, как ваш напиток. О Небо, что это с госпожой?

Он шагнул было в сторону Тутило и девушки, но споткнулся прямо на ровном месте и рухнул на землю. И уже не встал, а Дэвид услышал его громкий храп.

Священник уже тащил к Майсгрейву обеспамятевшую Мойру.

– Скорей, Дэйв, скорей ради самого Неба! Мы и так долго провозились.

Дэвид сорвал перевешенный через круп его лошади темный плед и быстро укутал женщину с головы до ног. Для пущей безопасности связал ее руки и ноги и засунул кляп в рот.

– Тщетная предосторожность, – торопил священник. – Теперь они проспят до самого заката, если не до полуночи.

Дэвид положил неподвижную Мойру на круп своего конька и стал увлекать его в сторону моста через Лох-Лонг. Священник широким шагом шел за ним, все время озираясь и осторожно, как ребенка, неся в руках кожаную флягу с вином, чтобы не оставить никаких следов. В какой-то миг Дэвид оглянулся на него и подмигнул:

– Святой отец, уж не знаю, что это за зелье, но оно сделало свое дело. Обещаю, когда все закончится, я угощу вас самым лучшим вином, какое только смогу приобрести.

На грубом лице хитреца священника промелькнуло некое подобие улыбки.

– Обещаю, что с радостью выпью с вами, Дэйв. Вот только бы знать... когда все закончится. И как.

Глава 5. Стихия

Мойра приходила в себя тяжело. О том, как долго ее везли, у нее не было ни малейшего представления, осталось лишь смутное воспоминание, как она неожиданно упала, ушиблась, но ее тут же подхватили и положили поперек седла. Ужасная тряская дорога все не кончалась.

Кажется, она стала постанывать, потому что в какой-то миг услышала голос священника Тутило:

– Не жестоко ли вы с ней обращаетесь? Она все же нежная женщина, а такая дорога измучит кого угодно.

Добрый святой отец!.. Внешне он суров и даже безобразен, как горный уриск³⁴, но с Мойрой всегда был мягок и предупредителен. Хотя порой и корил молодую женщину, что та живет в незаконной связи с вождем МакКензи.

Она еще расслышала, как кто-то другой зло ответил:

– Это она-то неженка? Да она крепка, как кованый клинок. И душа у нее каменная.

Мойра узнала и этот голос: Малкольм Мак Рэ. Ее враг и мучитель. Она смогла отомстить этому человеку за свои унижения, лишив всего, чем он дорожил, однако не сомневалась, что Малкольм – недруг и ей опасно находиться рядом с ним. Особенно когда она так слаба. Но с чего бы это она

---

³⁴ Уриск – один из представителей мифологии Шотландии: злобный эльф, похожий на сатира.

ослабла?

Мойра попыталась заставить себя очнуться, но ее усилия были тщетны, и она вновь начала стонать. И тогда ее подхватили сильные руки, устроили поудобнее и удерживали, пока продолжалась скачка.

– Мне кажется, она приходит в себя, – произнес кто-то совсем рядом, чей голос тоже показался знакомым. – Отец Тутило, может, стоит влить ей в глотку еще немного вашего зелья?

– Нет, нет, – отозвался откуда-то со стороны священник. – Мойра не скоро очнется. А если будем злоупотреблять зельем, она может и умереть. Или вы хотите привезти Эхину Манро весть о ее смерти, а не саму невесту?

Они говорили о невесте мальчишки вождя. Но сама Мойра тут при чем?

Ей было удобно в удерживающих ее руках. Она ощущала капли дождя на лице, холодные и освежающие. Звуки появлялись урывками и исчезали. Она снова провалилась во мрак.

Со временем она опять стала слышать голоса и различать фразы. Кто-то визгливо ругался, жаловался на ненастье, при этом уверяя, что ни за что не решится отправиться по морю в такую погоду. И ему в ответ звучал грубый голос Малкольма:

– Как угодно, господин жестянщик. Но тогда вам придется остаться здесь. Но учтите, эти края недавно перешли к Мак-Кензи, и если кто-то обнаружит вас тут... Нет, лучше я сам

вспорю вам брюхо прямо сейчас, пока палачи Гектора Роя не успели выяснить, кто вам помогал в похищении его девки.

Мойра даже в полубессознательном состоянии ощутила страх. Они говорили о похищении... И она уже стала догадываться, что похитили именно ее...

Ей хотелось кричать, но сил не было, и из ее горла вырвался лишь слабый стон. Ее положили на землю, стали переговариваться в стороне. Потом раздался топот копыт – было слышно, как подковы бьют по камням. Когда этот звук удалился, она различила шум дождя и негромкие голоса стоявших неподалеку людей.

– Сэр, но вы поглядите, какая волна! Разве можно отправляться в плавание, когда такой ветер?

– Успокойся, Роб. Смею заверить тебя, что местные жители смело ходят с острова на остров на утлых плоскодонках в любую погоду и даже ночью. А Малкольм заверил, что парни, которые придут за нами, умелые мореходы.

– Однако море и впрямь слишком беспокойно, Дэвид, – узнала Мойра голос Тутило. – И если волны так пенятся в заливе Лох Торридон, то каково нам придется, когда мы окажемся в открытом море?

Они собираются уплыть? Вместе с ней? Теперь Мойра различала каждое слово, но оставалась неподвижной и не открывала глаз. А еще она заметила, что после отъезда Мак Рэ похитители заговорили как-то иначе. В ее полусонном состоянии трудно было сообразить, что именно изменилось, но

главное заключалось в том, что она их понимала. Так, она догадалась, что одним из увезших ее был торговец Дэвид МакКлейн. Она даже уловила некую злую усталость в его голосе, когда он сказал:

– Отче, вы разве не понимаете, что для нас теперь главное – поскорее покинуть эти земли. Вот-вот начнет светать, а мы все еще во владениях МакКензи. И если нас тут заметят...

Голос священника звучал напряженно:

– Если все дело в том, что с нами Мойра... О, послушай меня, Дэвид, задание Перси мы уже выполнили. Все МакКензи будут уверены, что тут не обошлось без дерзкого Эхина, и теперь оба клана не скоро наладят отношения. Значит, то, что хотел Нортумберленд, свершится и они начнут резать друг друга. Зачем же тогда нам Мойра? Давай попросту перережем ей горло, пока она ничего не понимает, а потом забросаем тело камнями. Поверь, на нас никто и не подумает ничего дурного. Мы гости клана, а меня к тому же многие знают в этих краях.

– Знали, отче. С того момента, как вы исчезли одновременно с Мойрой, вас так же подозревают, как и Манро. И учтите, что Гектор Рой, глава всех МакКензи и барон Кинтайла, имеет большую власть во всем Нагорье. Так что лучше нам уйти морем и не испытывать судьбу.

Священник что-то пробормотал и отошел. Мойра все же смогла чуть приподнять веки и различить смутные силуэты своих похитителей. Ближе всего к ней сидел рыжебородый

спутник торговца. И он вдруг тоже поддержал предложение отца Тутило:

– Святоша прав, сэр. Пока девушка с нами, мы с ней как с факелом на пустоши – привлечем внимание любого Мак-Кензи. Если же избавимся, мы, почитай, свободны от всяких подозрений.

Мойру начала бить мелкая дрожь. И не от холода и мокрой одежды – ей стало страшно. К тому же она чувствовала себя такой беспомощной... А этот Дэвид, бывший, видимо, у них за главаря, так странно молчит. Если он согласится...

Но он сказал другое:

– Мы не станем убивать ее. Вон уже приближается лодка, о которой говорил Малкольм. Давайте перебираться в нее. На ней мы будем в безопасности.

– Попасть в такую стихию и не быть в опасности... О, Дэвид, похоже, что вы больше всех нас верите в свою удачу и милость Провидения, – ворчливо отозвался жестянщик Роб.

– Аминь, – только и ответил Дэвид. После чего он подошел к лежавшей под кустом вереска Мойре и взял ее на руки.

Было еще слишком темно, и он не заметил, что пленница наблюдает за ними. Однако когда они ступили на борт судна, он все же различил в сероватом свете хмурого утра блеск ее глаз. Дэвид видел, как она озирается по сторонам, когда стал прикручивать ее связанные руки к обрывку такелажа у борта.

– Удивлена, красотка? Ничего, при таком ветре остатки

дурмана скоро выветрятся из твоей головки. И если ты не страдаешь от качки, то начнешь соображать так же здраво, как до того, как напилась мальвазии.

Он отошел, а Мойра, вцепившись связанными кистями в борт лодки, приподнялась и стала осматриваться.

Как только лодка отошла от песчаной отмели между скал, сразу началась болтанка. Постепенно развиднелось, и сквозь косые струи дождя Мойра увидела впереди длинную гряду острова. Женщина поняла, где находится: не раз, бывая на побережье, она видела очертания острова Раззей в проливе Иннер-Саунд. Море вокруг было темным и бурным, ветер срывал с гребешков волн клочья пены. И все же лодка была еще совсем недалеко от побережья. Мойра подумала, что, если бы ей удалось освободиться, она бы попыталась вплавь вернуться обратно. Ведь эти берега принадлежат клану Мак-Кензи, где каждый встречный сможет оказать ей поддержку и доставить к Гектору Рою!

Мойра посмотрела на спящих по длинной ладье мужчин. Они были заняты снастями, до пленницы никому не было дела, и если они за все это время не догадались, что у нее за голенищем сапога нож, то наверняка и сейчас не заметят, когда она его достанет. Другое дело, что ее руки, связанные в течение многих часов, жгло как огнем, а этот пес Дэвид еще и привязал ее к борту.

Мойра сидела, сжавшись в комочек, и ее сотрясала дрожь. На воде было холодно, к тому же дождь и ледяные брызги

время от времени окатывали судно. Но постепенно светало, и женщина видела, что люди в лодке по-прежнему не обращают на нее никакого внимания. Они уже прошли вдоль побережья длинного гористого острова Раззей, миновали следующий остров Рону и теперь огибали его северную оконечность, когда на них буквально обрушился шквал. Ветер загудел снастями, судно содрогнулось и закрипело, волны стали значительно выше и то и дело орошали брызгами борта. Впереди было открытое море, и Мойра не понимала, куда ее везут. Да еще когда так штормит. Она сама выросла на островах и знала, как может быть опасна стихия.

Корабелям с превеликим трудом удалось развернуть судно по ветру. Лодка будто порхнула вперед и теперь неслась, перескакивая с одной водной гряды на другую. Сквозь слабый рассвет Мойра различила впереди зеленые склоны и гористую поверхность гигантского острова Скай. Но, как оказалось, ее спутники не намерены были пристать к берегу и попытались вывести судно в открытое море. Не всем, похоже, это пришлось по нраву. Она видела, как правившие лодкой люди Мак Рэ и торговец Дэвид ругаются у рулевого весла, а затем к ним присоединился Тутило, тоже вступивший в спор. Священника явно пугало небо впереди, он размахивал руками и в своем черном одеянии походил на попавшую в бурю ворону.

Потом Дэвид и священник отошли от рулевого весла. Дэвид приблизился к пленнице, взглянул на нее, даже как буд-

то улыбнулся, однако, держась за снасти и пошатываясь под креном, прошел мимо. Именно в этот миг слышались крики и все столпились по левому борту. Люди похватали багры, всматривались во что-то. Мойра приподнялась, чтобы увидеть, что их встревожило, и внутренне похолодела. Она видела, как несшиеся мимо судна волны взрывались брызгами взлетающей вверх пены, — ладья проходила подводные рифы, и они могли потерпеть крушение, если под напором ветра ее нанесет на них.

У руля стоял кормчий, вернее почти висел на нем, стремясь обойти подводные скалы. По его наказу и похитители мойры, и команда, и отец Тутило тянули шкоты, стремясь уловить порыв ветра и отвести судно в сторону.

«Сейчас им все равно не до меня», — решила Мойра и связанными руками стала вытаскивать нож из-за голенища сапога.

На нее не смотрели. Женщина еле могла держать нож, потом умудрилась взять его рукоять в зубы и принялась пилить веревку, стягивающие запястья. При этом озиралась и даже глухо рычала от натуги. Нож порой задевал кожу, ей было больно, потекла кровь, но она не сдавалась.

Корабль вновь возносился и падал. В какой-то миг был такой крен, что все попадали, а Мойру накрыло волной. Когда волна схлынула, она увидела, что ее похитители торжествуют — они ловко миновали риф. А у нее унесло потоком воды нож. И она просто зубами впилась в удерживающие ее

руки мокрые веревки. Тщетно!

Дикая болтанка продолжалась. В какой-то миг из рыжего Орсона фонтаном изверглось содержимое желудка, а налетевшая волна окатила его, словно желая умыть. Потом склонился над бортом предводитель Дэвид. Поднявшийся вал с силой налетел на него, переваливаясь через корабль, но похититель каким-то чудом удержался, вцепившись в такелаж. А потом Мойра увидела, что он смотрит на нее.

Держась за шкоты он приблизился и сразу понял, что она пыталась высвободиться, но только согласно кивнул и сам разрезал удерживающие ее путы.

– Держись за такелаж, малышка. Веселенький денек начинается, не так ли?

И он как-то по-сумасшедшему расхохотался.

Руки Мойры были очень слабы, а прилившая кровь вызвала страшную боль. Не в силах удержаться, она покатилась по палубе, ударилась о ноги священника Тутило. Он схватил ее, и в какой-то миг она увидела его посеревшее от ужаса лицо.

– Все из-за тебя, ведьма!

– Сами сдохнете! Да утащит вас пучина!..

Их вновь окатило волной. Мойра схватилась за какую-то веревку, а когда волна прошла и она смогла откашляться, то поняла, что священника рядом не было. Подтянувшись и вцепившись в борт, она увидела его барахтающимся среди пучины. Тутило что-то кричал и махал руками, но его накрыла новая волна, и он уже не появлялся.

Мойра испытала настоящий ужас. Неужели это она погубила священника своим пожеланием? Может, она и впрямь ведьма?

Остальные на гибель Тутило, казалось, не обратили внимания. Только Дэвид застыл на какое-то время, вглядываясь в ревущее море, но потом его окликнули, и он больше не отвлекался.

Теперь корабль шел по ветру, направляясь в открытое море.

«Они сошли с ума», – думала Мойра, видя впереди бушующую стихию. Где-то слева маячили возвышенности острова Скай. Земля была так близко, но люди на судне и не думали поворачивать к ней. Мойра поняла, что похитители задумали обогнуть Скай с севера. Как это возможно в такую бурю?

В свете наступившего утра стало видно, как впереди полыхают зарницы молний. Дэвид снова склонился через борт, и его стошнило. А когда он выпрямился, мокрый и растрепанный, кормчий крикнул ему сквозь вой ветра:

– Нам придется пристать. Вы же видите, что впереди?

Надвигающаяся буря была слишком сильной. Море взъярилось, завыл ветер, то и дело вспыхивали молнии. Им вторил гром.

Мойра уже не думала прыгать в море, она просто вцепилась в обшивку борта и тихо молилась. Корпус судна трещал, палуба качалась. Дождь заливал глаза. Потом рухнула мачта.

Мойра не видела, как она падала, но услышала треск, а затем на нее полетели щепки. Кто-то закричал. Дэвид склонился к рыжему Орсону и вырвал острую щепку у него из щеки. До нее донесся его голос:

— Пустяки! А теперь смотри за рифами. Это куда страшнее какой-то деревяшки, какой тебя оцарапало.

Корпус лодки так трещал, что оставалось удивляться, как она еще не развалилась. Мойра выглянула за борт и поняла, что кормчему каким-то чудом удалось развернуть судно носом к побережью Ская. Она не сочла это утешительным, поскольку на такой скорости ладья могла попросту разбиться о скалистое побережье. При этом девушка рассмотрела в стороне мелькавший среди волн небольшой островок, но заметила также, что слева и справа от него взрываются фонтаны брызг.

Снова рифы!

Мойра не выдержала и короткими перебежками, пробралась к рулевому. Это был лохматый рыжий горец, то есть свой, а не эти похитившие ее чужаки, и она с надеждой обратилась к нему:

— Вы знаете проход между рифами в этих водах?

— Да смилуется над нами Пресвятая Дева, но каждый фонтан брызг на поверхности указывает, как их обходить.

— Но вы плавали тут?

— Во время штиля, девушка, однако никогда во время волнения и в такое ненастье.

– Чтоб вас...

Мойра осеклась, вспомнив, как сбылось ее пожелание, когда она рассердилась на священника Тутило.

Впереди по подветренному борту поднялся очередной фонтан брызг. Кормчий старался обогнуть его, но ремень его весла совсем ослаб и растянулся от влаги, и, казалось, они несутся прямо на скалу.

«Если бы они только подошли поближе к Скаю, – молила Мойра. – Я ведь хорошо плаваю, я бы смогла...»

Несмотря на то, что было очень холодно, она сорвала с себя меховую пелерину и сапожки. Если придется барахтаться в волнах, они только помешают.

Люди на корабле с ужасом смотрели на появившийся из воды темный риф, массивный, словно некое глубинное чудовище. Берег приближался, но приближался и риф. Дальше виднелся еще один, куда более крупный. А в стороне были заметны буруны, указывавшие, что опасность была и слева, и справа.

Уже совсем рассвело, но от этого видеть грозящую со всех сторон опасность было еще страшнее. Прибой у побережья Ская казался сплошной белой пеной, и, когда они приближались к нему, ладью, почти не подчинявшуюся рулю, швыряло, как щепку.

На Мойру, как и прежде, никто не обращал внимания, все смотрели на воду. Ей оставалось только молиться о заступничестве Небес. Выросшая на острове, она знала, как жадно

море до жертв. А ведь она почти тосковала из-за того, что давно не плавала на лодке...

Вдруг кто-то закричал:

– Держитесь все, Христа ради!

На судно обрушился громадный вал, лодку подняло, а потом опрокинуло на борт. Раздался оглушительный треск; толчок был такой, что у Мойры выскользнули из рук шкоты, и она полетела куда-то во мрак...

Мрак оказался холодным, плотным и тяжелым. Мойру словно поглотило огромное животное, которое не желало отпускать ее. И лишь бешеная жажда жизни заставляла ее бороться изо всех сил, работать руками и ногами и сдерживать дыхание, несмотря на то, что легкие, казалось, вот-вот разорвутся. В какой-то миг она всплыла и жадно, почти со стоном втянула спасительный воздух.

Вода была ледяной, Мойру мотало туда-сюда, то накрывая волной, то вновь вскидывая вверх. Постепенно силы ее стали иссякать, она наглоталась воды, но продолжала барахтаться, стараясь повыше поднимать голову. Оглушенная и мало что соображавшая, она вдруг увидела неподалеку островок. О его уступы разбивались волны, но это все же была суша, и Мойра поплыла к ней.

Волна поднесла ее и сильно ударила о камни. Женщина дико закричала, совершенно измученная, но все же вцепилась в изъеденные соленой влагой выступы и удержалась, когда волна стала откатывать. Это была краткая передышка, и

Мойра воспользовалась ею, чтобы взобраться повыше. Намокший подол путался у нее под ногами, она наступила на него и рванулась, услышав, как затрещала ткань. И все же она лезла дальше, и, когда очередной вал ударился о скалу, он уже не мог захватить свою добычу. Мойра стонала и плакала, продолжая карабкаться, пока не оказалась на небольшой каменистой площадке, куда не достигали волны. Тут она упала, обдаваемая множеством брызг, но волны, урча и шипя, откатывались, не доставая до беглянки.

Дыхание давалось с трудом, потом подкатила тошнота, и ее несколько долгих минут мучительно выворачивало. Исторгнув из внутренностей горькую соленую воду, Мойра потеряла сознание.

Постепенно она стала различать пронзительные крики чаек. Море еще ревело, но, как заметила Мойра, волны уже были не столь крупные, как ранее. Молодая женщина приподнялась, озираясь по сторонам. По-прежнему шел дождь, ледяной, холодный, непрерывный. Сквозь его завесу она видела зеленые склоны острова Скай, россыпи камней и белую пену прибоя у его побережья. Мойра смотрела на него, понимая, что на самом деле остров находится не так близко, как ей кажется. И когда она взглянула на плещущиеся внизу волны, ей захотелось зарыдать. Провалы между волнами казались жадными ртами, готовыми проглотить ее. Мойра еще слишком хорошо помнила, с каким трудом выбралась из пучины, и вновь доверяться водной хляби у нее не было ни ма-

лейшего желания.

Распростершись на скале под проливным дождем, она тихо плакала. Ее пробирал холод, душило отчаяние. Но не такова она была, чтобы поддаться ему.

«Сейчас май месяц, в это время шторма не бывают продолжительными. Это ненастье когда-то закончится, а жители Ская часто ходят по окрестным водам на своих лодках, так что меня рано или поздно обнаружат. В конце концов, я все же в проливе Минч, а не в открытом океане».

Она стала тихо молиться. Но зубы ее так стучали, что она не понимала, что произносит. Было невероятно холодно, в горле стало першить, но Мойра не обращала на это внимания. Она не утонула, а значит, все остальное можно перетерпеть.

Порой Мойра оглядывалась по сторонам, замечая, что море постепенно успокаивается. Но ни следов судна, ни кого-либо из ее похитителей нигде не было видно. Мойра помнила, что судно перевернулось во время удара, а следовательно сразу потонуло, увлекая за собой в водовороте всех, кто был на нем. Ну и славно. Само Небо наказало их.

Но как же она замерзла, как замерзла! Мойра встала и стала ходить туда-сюда по крошечной площадке скалы, подпрыгивать и хлопать себя руками по бокам и бедрам. Тщетно. Ее всю трясло, зуб на зуб не попадал. Ей казалось, что тут она может замерзнуть даже скорее, чем ранее опасалась утонуть.

Она вглядывалась в берег острова Скай, но не замечала на

нем ни малейшего признака жизни. Скай выглядел пустынным, хотя на деле был заселен горскими кланами, да и вообще некогда был отдельным от Шотландии королевством. За него исстари шли сражения, еще викинги пытались отбить остров у местного населения, но все же были изгнаны. Там правил король Островов, столь влиятельный, что с ним вынуждены были считаться даже владыки Шотландии. Потом короли Островов стали зваться просто лордами Островов, но все равно они были едва ли не первыми вельможами, и их влияние было огромно. Сейчас все это казалось странным, особенно когда Мойра сквозь струи дождя вглядывалась в это пустынное побережье. Словно там все вымерло, когда последний лорд Островов уступил свои владения королю Якову Стюарту.

Сотрясаясь от кашля, Мойра сидела, обхватив себя руками, и дрожала. Порой казалось, что она не ощущает пальцев ног, но попытки растереть их и вернуть чувствительность ни к чему не привели. И при этом, то ли от того, что она наглоталась соленой воды, то ли от трепавшей ее лихорадки Мойру томила жажда, и женщина стала слизывать капли дождевой воды, скопившейся в расщелине скалы.

Сколько времени она пробыла на скале среди моря? Она не знала. Но отметила, что берега Скай стали видны четче, она уже хорошо различала отвесные утесы над морем, покатую вершину уходящего к дальним горам склона, стаи бакланов, носившихся у побережья. А потом вдруг увидела идущую

щего по песчаному пляжу человека.

Как же Мойра обрадовалась! Она поднялась во весь рост и стала кричать, вернее, просто сипеть и размахивать руками. Пусть же он ее заметит! Она даже различила, как до этого шедший вдоль прибоя островитянин остановился и посмотрел в ее сторону. Но никакого желания даже помахать в ответ не последовало. Он просто стоял и смотрел. Обычный горец, длинноволосый и босой, в длинной тунике до колен.

Мойре стало не по себе. Она вспомнила, что там, где она выросла, на Оркнеях, обычно считалось дурным знаком помогать жертвам стихии, особенно чужакам. Бытовало поверье, что спасенный обязательно принесет спасшему беду. И жители Оркнейских островов зачастую просто наблюдали за погибавшими в волнах, ибо их куда больше волновало другое: прибьет ли к берегу что-нибудь, уцелевшее с потерпевшего крушение судна, но никак не сами люди. Неужели и тут, на Скае, так же? Но ведь этот островитянин не может не заметить, что она в алом платье. Алое обычно носят состоятельные люди, и этот горец должен сообразить, что перед ним не простая особа. И пусть ее платье изодрано об уступ и висит лохмотьями, но его цвет он не мог не рассмотреть на таком расстоянии.

А потом... Она протерла глаза. Ей показалось, что она его узнала. Эта осанка, разворот плеч, манера держаться, гордо, словно лэрд³⁵, откинув голову. Неужели это торговец Дэвид?

---

³⁵ Лэрд – землевладелец, представитель нетитулованного дворянства в Шот-

Но тогда он просто обязан выручить ее!

Она вновь замахала руками, стала звать его. И только охнула, когда он повернулся и пошел прочь. Проклятье! Гореть тебе в аду за это, негодяй!

Мойра крикнула это ему вслед во всю силу своего саднившего горла, но ветер и шум волн вряд ли позволили ему слышать хоть слово.

Он уходил, но потом все же остановился. И Мойра увидела, что на скалах, над пляжем, где стоял Дэвид, появились еще какие-то люди. Кажется, они тоже заметили ее, начали указывать в ее сторону руками.

Дэвид стал переговариваться с вновь пришедшими. Но Мойра больше не могла ждать.

«В конце концов, тут не так далеко от берега. Я доплыву, я справлюсь!» Она набрала в грудь побольше воздуха и прыгнула в воду.

Была ли вода такой холодной или в ее простуженном состоянии так только казалось? В любом случае она лишила девушку последних сил. Всплывать было невероятно трудно, но Мойра все же появилась на поверхности и поплыла к берегу. Она старалась как могла, но с каждым гребком ее силы таяли. Потом ее ногу ее не свела судорога. «Ничего, – утешала себя Мойра, – я смогу... я...»

Новая волна накрыла ее, и, казалось, прошла целая вечность, прежде чем она вновь увидела свет. Она переверну-

лась на спину, пыталась грести, но руки казались мягкими и непослушными, отталкиваться от поверхности волн стало почти невыносимо. Ноги не слушались, и в какой-то миг Мойра поняла, что не плывет, а просто бьет руками по воде, слабо, захлебываясь, задыхаясь и... погружаясь. И тогда она в отчаянии стала кричать, пока ее опять не накрыла тяжелая волна...

«Это конец», – поняла она, чувствуя отчаяние и одновременно странное успокоение.

И в это мгновение кто-то схватил ее за волосы, вытащив на поверхность. Мойра со стоном втянула воздух и отдалась на милость судьбы. Или на волю того, кто все же приплыл ей на помощь.

Она была так слаба, что падала, даже когда почувствовала под ногами дно. Но неумолимые жесткие руки поднимали ее, тащили, заставляли идти. Когда же ее отпустили, она рухнула на мелководье, не в силах подняться.

В этот миг он сказал:

– Я спас тебя, и отныне ты моя должница. Все мои люди погибли, а они были мне дороги... Особенно мой рыжий Орсон, которого я до последнего искал на берегу. Но вместо него я обнаружил тебя. И если ты сейчас же не поклянешься, что скроешь нашу тайну... Мне лучше сейчас же утопить тебя на мелководье, пока к нам не спустились эти люди. Ты поняла? Ты будешь скрывать все, иначе...

Он говорил быстро и негромко, потом неожиданно умолк.

Совсем близко она видела лицо своего спасителя и понимала, что он все еще ее враг. А она – его. И она может погубить его, если поведает, что он чужак и похититель.

Мойра не заметила, как стала улыбаться, испытывая невольное торжество. Он ее опасался! Ну что ж, поглядим...

Однако в следующий миг ей стало не до веселья, ибо он грубо намотал ее мокрые волосы на кулак и погрузил ее голову в воду. Она забилась, вырываясь, но он был так силен!.. Она стала захлебываться, и негодяй, ослабив хватку, дал ей вздохнуть.

– Я не шучу, красотка! Ты просто не оставляешь мне выбора. И когда они спустятся, ты будешь мертва. Скажу, что выволок тебя уже мертвую.

Мойра тянула время, ожидая, когда же спустятся островитяне и она им все поведает. Но Дэвид понял ее замысел, и она вновь оказалась под водой. О, как он был силен! А она так слаба... Она билась, глотая мутную от песка воду.

В какой-то миг ей все же удалось поднять голову и крикнуть:

– Клянусь!

Он тут же резко рванул ее за волосы, вытаскивая из воды.

– Крест, целуй крест, что не предашь меня!

Она повиновалась.

– Пречистой Девой и Господом нашим поклянись, что подтвердишь все, что я скажу!

Она вновь подчинилась. Тогда он отпустил ее, и Мойра,

кашляя и выплевывая воду, выползла на песок. Он стоял над ней, мрачный и неумолимый.

– Учти, я убью тебя сразу, едва что-то заподозрю. Поэтому помни о своей клятве, девка!

Через некоторое время на берегу наконец-то показались жители Ская. Это были пожилой кряжистый горец в килте, юноша в тунике и немолодая худая женщина в накинутом на голову плече.

– Кто это с тобой? – обратились они к повернувшемуся к ним Дэвиду. – Ведь ты уверял, что все твои спутники погибли.

Он отвечал, что так и думал изначально, когда они только нашли его на берегу. Однако Небо смилостивилось над ним и спасло его жену.

– Твою жену? – произнесла женщина, присаживаясь подле Мойры. – Тогда вы должны возблагодарить Провидение. Ох, бедняжка, ну и натерпелась же ты! – Она погладила Мойру по голове и посмотрела на Дэвида: – А теперь, голубчик, бери ее скорее и веди к нам в дом.

Жители Ская славились своим гостеприимством, и это утешало. Но добродушны к чужакам они были лишь в том случае, если не видели в них врагов. Сейчас, похоже, они просто сочувствовали этим двоим, но когда все откроется...

Мойра не знала, что за это время наплел этим славным людям ее похититель, но надеялась, что со временем прояснит им ситуацию. Если сможет... Ведь этот негодяй вырвал

у нее клятву. Насколько действительна такая клятва? Мойра не могла сказать. Она сейчас вообще не способна была о чем-то думать. Она была так слаба, что не прошла и нескольких шагов, как стала падать. Дэвид подхватил ее и понес на руках. Это принесло ей облегчение. Если не думать, что она в руках у врага.

Взбираться по скалам с ношей Дэвиду было непросто, потом они спускались в низину между возвышенностей. Мойра в какой-то миг приоткрыла глаза и увидела, что тут, в небольшой долине располагалось целое селение – клахан на местном наречии. Зеленые склоны скрывали клахан с моря, и поэтому Мойра не заметила селение со своего островка. А ведь тут было около дюжины сложенных из камня домов, плетни, за которыми блеяли козы, в стороне паслись коровы, такие же лохматые, как и вышедшие поглядеть на спасенных гостей местные жители.

Они приблизились к одному из домов, и хозяйка отворила сплетенную из лозняка дверь. Внутри было темно и пахло торфяным дымом. Женщина зажгла лучину, осветив пространство, а затем, укрепив ее в стойке, стала раздувать потайной мох в очаге³⁶.

– Положи жену вот сюда, парень, – указала она на лежанку у очага. – Ей надо согреться. А еще ее нужно переодеть и растереть как следует.

---

³⁶ Потайным мхом называют кусок торфа, в котором, не угасая, но и не потребляя топлива, теплится огонь.

Мойра, приоткрыв глаза, различила в скудном свете грубые стены и деревянные нары вдоль них, с верхних полок которых с любопытством смотрели на нее полуголые дети. В проем входа тоже заглядывали любопытные, пока хозяин не выгнал их грубым окриком.

У горцев свои понятия об этикете, поэтому гостей сперва ни о чем ни расспрашивали. Только когда хозяин налил гостю чарку и они вместе выпили, он представился.

– Мое имя Торквил. Я из МакДональдов. Она, – указал он на женщину, – Бригитт, моя супруга. Венчанная в церкви, – добавил он с гордостью. – А это наш сын Рори, – теперь он указывал на стоявшего в стороне юношу. – Там наши младшие, – кивнул Торквил в сторону детей на верхних полках. – Ну а старшие сыновья ушли на промысел.

Теперь, следуя законам вежливости, должен был представиться Дэвид.

– Зови меня просто Хат, – сказал он. – Я торговец. Мы были на Пасху на острове Айла, где я предлагал свой товар, потом плавали между островами, торгуя понемногу. Думал, что в такое время бури в проливе не особо свирепствуют. Но в итоге наш корабль налетел на риф, и все наши спутники, похоже, погибли. Счастье, что моя жена уцелела.

– Еще какое счастье, – поддержала его островитянка Бригитт. – Спутники и сородичи – это печально, и мы разделяем вашу скорбь по ним. А жена – это одно тело и душа. Идите же теперь, обнимите супругу, а то, сдастся мне, вы не очень-то

и лелеете ее после всего, что бедняжке довелось перенести.

Мойра едва не зашипела, как кошка, оказавшись в объятиях своего похитителя. Даже невольно стала упираться, когда он сжал ее так, что просто косточки хрустнули, а потом быстро зажал ей рот поцелуем. Ее вырвавшийся было слабый писк был заглушен оглушающим чувством полной подчиненности этому человеку, и она перестала упираться, замерла, совершенно подавленная и от этого потерявшая способность соображать. Он целовал ее сильно и глубоко, но в какой-то миг поцелуй стал нежнее, губы его были теплыми, покоряющими. Поцелуй все продолжался, и Мойра обмякла в его руках настолько, что, когда он ее отпустил, она просто лежала и растерянно смотрела на этого мужчину, а в голове не было ни единой мысли.

Развеселившийся Торквил хлопнул гостя по плечу, заявив, что он заслужил еще одну чарку виски. Бригитт же твердила, что женщину надо переодеть в сухое, а то в мокром платье даже ласки мужа не согреют ее и она подхватит простуду.

– Снимайте ваше красное платье, голубушка моя. Ах, какое оно у вас нарядное, да еще и со шнуровкой на спине, как у настоящей леди. Вы что же, с горничной путешествовали? Слыхала я, что торговцы в наше время порой богаче лэрдов, а ведь только жены лэрдов могут позволить себе содержать прислугу, чтобы было кому затягивать шнуровку на спине.

– Я сам помогу жене, как делал это всегда, – заявил Дэ-

вид, тут же оказавшийся рядом. Лицо его было почти сердитым: проклятье, не хватало еще, чтобы по одеянию Мойры эти люди стали догадываться, какое высокое положение она занимает.

Мойра же рванулась в его руках, когда он занялся ее шнуровкой.

– Не смей прикасаться ко мне, олух! – тихо и угрожающе процедила она сквозь зубы.

Но сил для сопротивления у нее не было. Ее всю трясло, она лишь попыталась вырваться, когда он приподнял ее и стал возиться с длинной шнуровкой. В какой-то миг он просто достал нож и разрезал шнурки, а потом почти сорвал с нее платье – только ткань треснула. И пока Бриггит возилась с ларем у стены, а Торквил разливал по чаркам виски, Дэвид бросил остатки платья в очаг.

Мокрая ткань стала дымиться. Островитянка Бриггит даже вскрикнула. Вольготно же их гостью сжигать такое богатство! Она бы и из обрывков этого наряда наделала лент для своих младших дочерей. А молодой Рори только хихикал да плотоядно поглядывал на полураздетую молодую женщину в прилипшей к телу мокрой рубаше.

– Со временем я куплю жене еще немало красивых нарядов, – важно заявил Дэвид. – Да и вас сумею отблагодарить за гостеприимство, добрые люди. – Он достал из пояса несколько монет и положил на стол. – Хватит ли этого, чтобы купить ленты вашим девочкам?

Торквил лишь усмехнулся и протянул ему стаканчик с виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.